ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2020. Том 8, № 4

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2020, vol. 8, no. 4

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2020

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index П7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор МГУ им.М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почкаев Роман Юлианович, к.ю.н., доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдинова Эльмира Гадельяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Academic Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland);

Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Teymur R. Galimov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Parvin S., Sattarnejad S., Hendiani E. The Victory of Islam over the Buddhist Religion (Reviewing the inscriptions of the shrine of Imamzadeh Mulla “Ma'sum” of Maragheh)	636
Хаутала Р. Ранние джучидские военные кампании и про-толуидские письменные источники	647
Uzelac A. Saint Louis and the Jochids	662
Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов	675
Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Дюрбе конца XIV – начала XV вв. в Солхате (новые материалы)	714
Почекаев Р.Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде	737
Нефедов С.А. К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской империи на русские княжества	753
Воротынцев Л.В. «Татарский брак» вдовы и младшего брата Андрея Мстиславича Черниговского	771
Полехов С.В., Наумов Н.Н. Татарская тематика в переписке сановников Тевтонского ордена. 1431–1432 гг.	784
Салихов Р.Р., Исхаков Р.Р. Роль служилых татар Мещеры в отражении набегов ногайских кочевников и заселении южного Предволжья Горной стороны	808
Мокрушин В.П. Евгений Иванович Нарожный – археолог и историк золотоордынских владений на Северном Кавказе (к 60-летию исследователя)	822

Хроника

К 60-летию юбилею В.В. Трепавлова	837
Togabayeva G. Regarding the Celebration of the Seventieth Birthday of Mária Ivanics	838
Гиниятуллина Л.С. Международный научный круглый стол «Арабо-персидские и османские источники по истории Золотой Орды: проблемы изучения» (г. Казань, 26 ноября 2020 г.).	844

CONTENTS

Original papers

Parvin S., Sattarnejad S., Hendiani E. The Victory of Islam over the Buddhist Religion (Reviewing the inscriptions of the shrine of Imamzadeh Mulla “Ma'sum” of Maragheh)	636
Hautala R. The Early Jochid Campaigns and the pro-Toluid Written Sources	647
Uzelac A. Saint Louis and the Jochids	662
Dzhanov A.V. The Tatar-Genoese Treaties of 1380 and 1381	675
Kramarovskiy M.G., Seydaliyev E.I. A Türbe of the late fourteenth or early fifteenth century in Solkhat (new materials)	714
Pochekaev R.Yu. On the History of the Golden Horde’s Jurisprudence	737
Nefedov S.A. On the Question of the Civilizational Influence of the Golden Horde and Ottoman Empire on the Russian Principalities	753
Vorotyntsev L.V. The “Tatar Marriage” between the Widow and Younger Brother of Andrei Mstislavich of Chernihiv	771
Polekhov S.V., Naumov N.N. The Tatar Topic in the Correspondence of Officials of the Teutonic Order, 1431–1432	784
Salikhov R.R., Iskhakov R.R. The Role of the Serving Tatars of Meschera in the Repulsion of Nogai Raids and the Population of the Southern Cis-Volga Region’s “Hill Bank Land”	808
Mokrushin V.P. Evgeny Ivanovich Narozhny: Archaeologist and Historian of the Golden Horde’s Possessions in the North Caucasus (to mark the researcher’s sixtieth birthday)	822

Chronicle

To the Sixtieth Birthday of V.V. Trepavlov	837
Togabayeva G. Regarding the Celebration of the Seventieth Birthday of Mária Ivanics	838
Giniyatullina L.S. International Academic Round Table “Arabic-Persian and Ottoman Sources on the History of the Golden Horde: Research Problems” (Kazan, November 26, 2020)	844

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(55)+902/904

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.636-646

THE VICTORY OF ISLAM OVER THE BUDDHIST RELIGION
(REVIEWING THE INSCRIPTIONS OF THE SHRINE
OF IMAMZADEH MULLA “MA'SUM” OF MARAGHEH)

Samad Parvin^{1a}, *Saeid Sattarnejad*^{1b}, *Elham Hendiani*²

¹ University of Mohaghegh Ardabili
Ardabil, Iran

^a arjaan1370@gmail.com, ^b saeidsattarnejad@yahoo.com

² Tabriz Islamic Art University
Tabriz, Iran
el.hendiani@gmail.com

Abstract: *Research objectives:* The main purpose of this article is to study the Quranic inscription of the Imamzadeh Ma'sum Temple in Maragheh. This inscription shows the evolution of religious beliefs during the Ilkhanid period in Iran which started from the seventh century AH and continued until the eighth century AH. The main religions of the Ilkhanid rulers were Buddhism and Christianity, but they gradually adopted Islam as the official religion of government. The influence of the process of conversion has left traces in some of the inscriptions of this period. Another purpose of this study is to introduce the Imamzadeh Ma'sum temple as one of the Buddhist temples in Iran.

Research materials: In this study, the authors have used two methods, namely field research and library surveys. Regarding the first method, the temple of Imamzadeh Ma'sum was examined. Regarding the second method, the historical sources of the Ilkhanid period, such as the Jami' al-tawarikh of Khajeh Rashid al-Din Faḍlullah Hamadani, were used. These works refers to the situation of Buddhists in Iran during the Ilkhanid period (i.e. the seventh century AH).

Results and novelty of the research: The results of the authors' research in this article have demonstrated that the temple of Imamzadeh Ma'sum of Maragheh was one of the Buddhist temples in Iran. This Buddhist temple was changed to an Islamic mosque after the conversion of Ghazan Khan in 694 AH. The surviving Qur'anic inscription inside the building refers to the victory of Islam over Buddhism.

Keywords: shrine of Imamzadeh Mulla Ma'sum, inscriptions, rock-cut architecture, political-religious beliefs, Ilkhanid period

For citation: Parvin S., Sattarnejad S., Hendiani E. The Victory of Islam over the Buddhist Religion (Reviewing the Inscriptions of the Shrine of Imamzadeh Mulla “Ma'sum” of Maragheh). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 636–646. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.636-646

Introduction

The following subject has been the title of a study carried out about the rock-cut architecture of Maragheh for the past 8 years (2012). Its main task, besides introducing, was determining the performance of rock-cut areas and relative chronology of spaces. The study of rock-cut architecture in Maragheh city is very limited and incomplete. The works studied by local and foreign researchers have been published with contradictory theories. One of the most important features of rock-cut works of Maragheh city is the shrine of Imamzadeh Mulla Ma'sum in Varjovi (Varovi) village, which is one of the most controversial buildings in Iranian architectural history. According to the presented theories, the construction date is between a Mehr (Mithra) temple, Zoroastrian Fire Temple, Khaneqah and Islamic Mosque and even an Imamzadeh. Experts and scholars have cited different dates for the building. The existence of inscriptions engraved within the collection from the beginning could have played a decisive role in recognizing the true identity of the building. The misinterpretation of the text by the earlier scholars in recognizing the error of the verse used in the inscription has diverted the study process from its beginning. Therefore, the purpose of this paper is to provide a complete, accurate, and readable text of the verse used in this collection for the first time and to provide a documented commentary on the inscription's text on the main structure and function of the collection.

Geographical Location

In East Azarbaijan province, 6 km south-east of Maragheh city [8, p. 44], and on the route of Takab city [5, p. 1033], a rock-cut architecture with complex plan called Imamzadeh Mulla Ma'sum Varjovi is located. It is called Var-Övi in Turkish language [1, p. 215]. This rock-cut complex is one of the most interesting and carefully crafted cave architectures of Iran [2, p. 330].

Image 1. The rock-cut shrine of Imamzadeh Mulla Ma'sum

The collection consists of various parts: 1 – entrance part, 2 – central hall, 3 – chambers with circular plans, 4 – alcove part (burial place of Imamzadeh Mulla Ma'sum) which has a nearly cruciform or chalipa plan. This collection was first

registered under the name of Imamzadeh Mulla Ma'sum with register number 788 and re-registered in 1977 under the name of Mehr temple with register number 1556/3 in the National List of Works [11, p. 168]. Based on the writings on tombstones and inscriptions, adjacent to the Varjovi temple is a cemetery dating back to the ninth and tenth century AH. One of the tombstones in the cemetery adjacent to the temple dome has inscriptions that do not resemble any of the Islamic items and lines and have a unique broken script. The date of this inscription is 1069 AH. And on the stone figure, the sign of the shield, sword, bow and arrow is imprinted [7, p. 153].

Despite archaeological studies of the rock-cut collection of Imamzadeh Mulla Ma'sum [2; 28; 21; 7], there are many doubts and objections regarding the chronology and performance of the various units. Scholars who have conducted studies of this site with a subjective presupposition based on Mehr temple [8] have continued their research and mistakenly referred to this temple as Mithra temple. In essence, the use of this collection is a Buddhist temple belonging to the Ilkhanid period [2; 1]. Accordingly, no evidence of Mithraism has been discovered and identified in this collection and similar sites [15]. Therefore, most scholars who have introduced this collection as a Mithra temple have made some mistakes in their research on the functional nature of the various units in the collection, and in particular in identifying the inscribed Qur'anic verse in this building, so that they identified the Qur'anic verse used inside the shrine as verse 129 of Surat al-'Amran [8, p. 44; 28, p. 95; 24, p. 51; 23, p. 115]. In recent archaeological studies, while re-reading the Qur'anic verse, the inscriptions were also taken into consideration, and the reasons for choosing these inscriptions for rock-cut shrine of Imamzadeh Mulla Ma'sum were studied and analyzed.

Central Hall Inscription

Beautiful inscription has been carved in part of the western side wall of the great central hall [7]. In an article entitled as Imamzadeh Ma'sum Varjovi, Varjavand identified the type of script as a Thuluth and read the inscription in verse 129 of Surat al-'Amran. Varjavand's comment on the inscriptions in this collection has led future scholars to cite this scholar's reading and claim that it is a pre-Islamic Mehr temple [23; 22], which was added to the collection in the Ilkhanid and Safavid inscriptions. According to the reviewing of authors of this article, the full text of the inscriptions in the collection is as follows:

“And to Allah belongs the dominion of the heavens and the earth. He forgives whom He wills and punishes whom He wills. And ever is Allah Forgiving and Merciful”

«وَاللَّهُ مُلْكُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ يُعْزِزُ لِمَنْ يَشَاءُ وَيُعَذِّبُ مَنْ يَشَاءُ وَكَانَ اللَّهُ غَفُوراً رَحِيماً».

Verse 14 is from Surat al-Mubarak al al-Fath, which was identified verse 129 of Surat al-'Imran in earlier studies by Rajavand [23, p. 51; 22, p. 115]. Also, on the western wall of the entrance gate is left only the inscriptions of the holy word “Allah and” [18, p. 102]. The script used in this inscription is Naskh [7, p. 152], which is one of the calligraphic features of the Ilkhanid period used in the central hall of the Imamzadeh Ma'sum [2, p. 337]. Images 2 and 3 show that the inscription surrounds the entire wall, margins and entrances as a belt [7, p. 150].

Image 2. The Quranic inscriptions of the collection of the Imamzadeh Ma'sum (the authors')

Image 3. Design of the Quranic Inscription [2, p. 339]

Type of Building, Date of Construction and Architectural Style

The vast expanse of the collection and being a cave like Mehr temples identified in the pre-Islamic era in the territory of the ancient Roman Empire is the first point that has drawn scholars' attention to the pre-Islamic period [8, p. 44]. Although some Iranian scholars refer to caves that they like to be Mehr temples, they have not provided sufficient evidence to attribute the above caves to Mehr [15, p. 29].

Rocky architecture with its cave-like form is not exclusive to Mithra religion. It has been formed in different cultures according to specific beliefs. Also, despite numerous rock artifacts in the northwest region, such an architectural style, particularly dome and vault form, is unknown. In rock architecture until the Achaemenid period, surfaces are flat and right-angled without curved lines in doorways and ceiling coverings. The covering of Fakhriika Manai's **Catacomb** is flat, right angled and well-carved [12, p. 362]. The ceiling of the tomb of Ismaili Agha is very rough and irregularly carved, which belongs to the seventh century AH according to the found potteries. [19, p. 7]. But in the Parthian period, these coverings have become bent and curved. The reasons for the transformation of architectural elements from flat to curved can be attributed to the advancement of architecture, especially the progress of Iranians in the creation of arches using more conventional materials without the need for more durable wood. This change has been noticeable from the Parthian period.

The dome cover used in this collection is related to the Islamic period [2]. This style of rock architecture can be considered a common method in rock formations during the Ilkhanid period, such as the Cave Observatory Collection [1], Ghadamgah of Azarshahr [7]. Also, the debris removals (one meter in deep) from

the floor of the shrine collection, decorative elements such as the niches, the Islamic role used in the collection, and the half-way carving of the collection indicate that the building dates back to the Islamic period, which has been created by using khanqah and the mosque [7]. On the other hand, the possibility of adding inscriptions to the collection in later periods [28] could still be a subject of discussion. A careful examination of the inscription's style indicates that the inscription was later inserted into the Gaza Khanate period. Accordingly, it is necessary to pay close attention to the political and religious concepts used in the inscription.

The Content of the Inscription Text

Inscriptions are the only visual elements that directly carry meaning and are of great importance in two aspects, image (appearance) and content and text in the buildings of Islamic period of Iran [10, p. 30]. The main message of architecture was conveyed directly through the inscriptions. Inscriptions, as one of the most important historical sources, play an important role in revealing the identity of architectural spaces, methods of construction, administration, supporters, etc. These buildings provide information that gives us historical insight into the economic, political, and social reform issues.

In terms of communication with the viewer, the inscriptions also contain different messages and are written in different forms, with different lines in different languages. The artistic and visual values of the inscriptions are always of interest. For this reason, inscriptions can represent some of the cultural characteristics, thoughts, beliefs, and behaviors and are important from a decorative, historical-religious point of view [26, p. 82]. On this basis, inscriptions are considered as one of the most documented evidence in the research on a monument and have always been preferred to historical quotations. And many changes and evolutions of society can be found in the inscriptions [10, p. 31].

The inscriptions used in the collection of the rock-cut of Imamzadeh Mulla Ma'sum are verses of Surah al-Fath. Surah al-Fath is the Forty-eighth Surah of the Holy Quran, which is Madani and it has 29 verses. This Surah is called "al-Fath" and means victory. At the beginning, it speaks of the conquest of God (the glorious victory). Commentators disagree as to which victory this conquest refers to [4, p. 125]. While some consider it as the conquest of Khyber and some have pointed to the victory of Islam over all enemies through the power of logic and the supremacy of obvious reasons and miracles [9, p. 10], thus, the text of the verse refers to the conquest of Khyber, which indicates the confrontation of Muslims with the Jews. It is also stated in the traditions that the Prophet (peace be upon him) said: "Whoever reads the Surah of al-Fath is like one who was present with the Prophet in al-Fath". In another narration, it was stated that: The virtue of Qari Surah is like that it was present with the Prophet in the conquest of Mecca [25, p. 181].

Imam Sadiq (peace be upon him) said: "Keep your wives and your children away from harm by reading Surat al-Fath, because everyone who continues to read it, on the Day of Resurrection, will pray for the creature to hear that you are one of my pure servants, and saying: Join him in my righteous and righteous servants, and bring him to my blessings in Paradise, and make him drink of the wine of the seal, which is in the taste of camphor" [17, p. 115].

Based on Shi'ite narrations and commentary books, the theme of Surat al-Fath first refers to the victory of Muslims over other religions, especially the two Jewish and Quraysh tribes. After these events, "Islam" was chosen as the official religion of Islamic countries including Iran. But with the Mongol invasion of Iran and the formation of government by them, the existing political, social, and religious structures and frameworks has been changed. Before the Mongol invasion, all post-Islamic Iranian governments in Iranian history derive their legitimacy from the Abbasid caliphate. The Mongol invasion and their pervasive domination over the pillars of Iranian power and wealth changed the existing equilibrium of political, economic, and religious power and transformed political and ideological groupings and tendencies [27, p. 126]. Although the Mongols had no particular religious orientation or prejudices, it should be said that the Ilkhanid religious tolerance policy was more to the benefit of religious groups and minorities, and even in many cases, it has been to the detriment of the majority of Iran's Muslim community [14, p. 123].

According to historical texts in the Ilkhanid period, a group of Mongols tended to the Buddhist religion, and Buddhist temples were scattered throughout Iran [24, p. 187]. Hulagu ordered the construction of houses in Khoy [16, p. 1048]; this tendency towards the Buddhist religion provided a good basis for the spread of this religion in Iran, so that floods of consultants and Buddhist monks poured into Iran from China, Tibet, the Uighur land and even India. The influence of this religion in western Iran became more apparent and Maragheh, Khoy, Aran became suitable places for temples and pagodas [3, p. 375]. A number of Ilkhanids were also the followers of the Buddhist religion and took the advice of Buddhist, just as Hulagu and Abagha had Buddhist advisers in their court. One of them can be mentioned: Janglawan, who was one of his great advisers to the Buddhist sect [16, p. 1179]. Or Arghun Aqa, a noble of the Oirat tribe, who was a *bitikchi* (secretary and tax collector). He also had the knowledge of music and was appointed as the ruler of Khorasan. Due to the presence of Buddhists in the observatory complex [16, p. 1179], we are witnessing the establishment of Buddhist residences in this city [13, p. 66]. But the ascension of Ghazan Khan led to fundamental reforms in the political and religious structure of the Ilkhanids. The victory of Ghazan Khan, the Muslim ruler, eradicated the Buddha's religion at once. Buddhist temples were plundered and destroyed, or converted into mosques [24, p. 192]. Accordingly, the Buddhist temples of Maragheh were destroyed and burned [20, p. 88]. And it changed into a shrine and a mosque. Accordingly, the theme of the Qur'anic verse of the shrine of Imamzadeh Mulla Ma'sum, similar to the developments in the early days of Islam, which referred to the triumph of Islam over the Jewish people, also refers to the predominance of Islam over the Buddhist religion.

It is worth mentioning that it has also been studied by some archaeologists and rock architectural experts from the point of view of architecture and archaeology. Based on this review, this is a Warwick Ball's article that has done a great deal of research on the rock architecture of Iran and Afghanistan. He has carefully examined this collection or complex and considered it as Islamic (Ilkhanid) building [2]. Kambakhsh fard also rejected any possibility of the temple being a secret of this work and confidently regards it as an Islamic work [7]. There are also explicit references to historical texts, much like the rocky temples of Maragheh, and the Hindu temples themselves have an Islamic (Buddhist temple) reason. The

study and classification of the surface pottery also belonged mainly to the Ilkhanid and Safavid period and no pottery belonging to the historical period was identified.

Image 4. Design of pottery

Results

Due to the unique features of the collection of rock-cut architectural works, the best way to find out the earliest time of collection creation is by inscription or writing. Accordingly, prioritizing any conjecture before obtaining explicit and correct inscriptions will not yield the right result.

For the following reasons, relying on a complete re-reading of the complete text of the remained rocky inscription, we can now speak more confidently about the construction date for the following five reasons:

The verse used in this inscription is verse 14 of Sura al-Fath; Surat al-Fath is one of those Qur'anic suras that were built during the Ilkhanid period in buildings such as the altar of the jame masjid (congregational mosque) of Saveh (seventh century AH), the jame masjid of Bastam (702 AH), jame masjid of Farfan (eighth century AH), jame masjid of Varamin (722 AH), jame masjid of Abargho (738 AH), Kermani Mosque (eighth century AH). It has been also used in the tomb of Sheikh Haydar of Meshkinshahr (731 AH), Soltanieh dome of Zanzan and the great

jame masjid of Yazd. These monuments date back to the reign of Ghazan Khan and the formalization of the religion of Islam. Since inscriptions in Iranian architecture reflect the social, religious and cultural conditions of their writing, the artists and architects of the Ghazan Khan's era, by choosing verses from Surat al-Fath, show the superiority and triumph of Islam over other religions, especially the Buddhist religion, which had an important place in the structure of the Ilkhanid government in the early Ilkhanid period. Accordingly, the purpose of selecting Surat al-Fath in this shrine is to triumph over Buddhism and to change the paganism to Islamic worship. The inscription theme refers to the victory of Islam over other religions; the emphasis on historical texts refers to the differences between Muslims and other religions, especially Buddhists and Christians in the Ilkhanid period, which, like the conquest of Kheybar and Mecca in the early Islamic period, is the ultimate victory for Muslims, who triumphed over other religions in the Ilkhanid era after the reign of Ghazan Khan.

A stylistic study of the pre-Islamic rocky architecture of the area reveals the major differences between this collection and other pre-Islamic rock works in the region.

According to the excavation of one meter from the complex floor, no traces of Mithraism have been discovered and identified.

Careful study of archaeologists with specialization in rock architecture such as Warwick Ball and archaeologists such as Kambakhsh fard who have excavated the Anahita Kangavar sanctuary, confirms the assignment of this complex to the Islamic period.

Note

The appellation of the region's names such as Pir Hashim, Khanqah, and Sufichai, also show the relevance of this collection to the Islamic period.

Excavating of the complex were carried out in the decade of 2000 AD when only a few tombs of the Islamic period were identified on the complex floor and no evidence of pre-Islamic period was discovered.

Six rocky temples were identified by an archaeological study on the architecture of the handwriting [18], which appears to be a Buddhist temple, near the temples of Kohulu Machid and the yard of Pir Hashim of Varjovi village, which is a Buddhist temple. After the religious reforms of Ghazan Khan, it became a mosque.

REFERENCES

1. Azad A. Three rock-cut cave sites in Iran and their Ilkhanid Buddhist aspects reconsidered. *Islam and Tibet: Interactions along the Musk Routes*. Akasoy A. et al. (eds). London; New York: Routledge, 2016, pp. 209–230.
2. Ball W. The Imamzadeh Masum at Vardjovi: A rock-cut Il-khanid complex near Maragheh. *Archäologische Mitteilungen aus Iran Berlin*. 1979, vol. 12, pp. 329–340.
3. Bayani Sh. دین و دولت در ایران عهد مغول [Religion and Government in Iran]. Tehran: University Press, 1992. 1108 p. (In Persian)
4. دانشنامه قرآن و قرآن پژوهی [Encyclopedia of Quran and Quran Studies]. Khorramshahi B. (ed.). Tehran: Friends, Nahid, 1998. 4766 p. (In Persian)

5. Alijabari Z. and Farahinia A.H. Analyzing architecture of Mithraism rock temples. *Journal of History Culture and Art Research*. 2017, Vol. 6, no. 3, pp. 1030–1042.
6. Ghirshman R. هنر ایران در دوره ماد و هخامنشی [Iranian Art in the Medes and Achaemenian Periods]. Behnam I. (tr.) Tehran: Scientific and Cultural Publications, 1992. 415 p. (In Persian)
7. Kambakhsh fard S. بررسی‌های باستان‌شناسی آذرشهر و مراغه، حرفی دیگر درباره ساختمان چند [Archaeological surveys of Azarshahr and Maragheh: Another word about the construction of Khaneqah and mosques]. مجله میراث فرهنگی [Journal of Cultural Heritage]. 1994, no. 12, pp. 1–23. (In Persian)
8. Karang A. آثار تاریخی مراغه [Historical works of Maragheh]. Tehran: Education Publications, 1971. 64 p. (In Persian)
9. Makarem Shirazi N et al. تفسیر نمونه [Tafsir Nemooneh]. Qom: Dar al-kotob Islamiyah, 1995. 580 p. (In Persian)
10. Makinejad M. سیر تحول کتیبه‌های ثلث در معماری ایران صفوی تا قاجار [The evolution of the Thuluth script in Iranian architecture from the Safavid to Qajar periods]. مجله نگره [Nagare Magazine]. 2009, no. 13. pp. 29–40. (In Persian)
11. Mokhlesi M.A. فهرست بناهای تاریخی آذربایجان [List of Monuments of Azerbaijan]. Tehran: National Heritage Organization publication, 1992. 236 p. (In Persian)
12. Molazadeh K. باستان‌شناسی ماد [Median Archaeology]. Tehran: Samt Publications, 2014. 488 p. (In Persian)
13. Morgan D. *Medieval Persia 1040–1797*. London: Routledge, 2015. xvii + 198 p.
14. Nojavan M. بررسی اصلاحات غازان‌خان (دوره ایلخانی) [A Study of the Reforms of Ghazan Khan (Ilkhanid Period)]. Master's Thesis in History. University of Urmia, 2014. 150 p. (In Persian)
15. Rahbar M. معماری معابد مهری در ایران [Architecture of Mehri temples in Iran]. مجله کاو [Excavation Magazine]. 2013, no. 8. pp. 28–41. (In Persian)
16. Rashid al-Din F. جامع‌التواریخ [Jami' al-tawarikh]. Volume II. Karimi B. (ed.). Tehran: Eqbal, 1994. 1539 p. (In Persian)
17. Saduq M. ثواب الأعمال و عقاب الأعمال [Thawāb al-a'māl wa 'iqāb al-a'māl]. Qom: Dar al-Sharif al-Razi, 1985. 672 p. (in Arabic)
18. Sattarnejad S. مطالعه و بررسی باستان‌شناختی معماری دستکند شهرستان مراغه [Archaeological Study and Survey of Troglodytic Architecture in Maragheh County]. MA Thesis of Archaeology. University of Mohaghegh Ardabili, 2016. 180 p. (In Persian)
19. Sattarnejad S., Parvin S., Mastalizadeh M. Stylistic study of Gowijeh Qaleh's rock-cut tomb from Maragheh. *ANASTASIS. Research in Medieval Culture and Art*. 2020, Vol. 7, no. 1, pp. 1–10.
20. Sattarnejad S., Shahbazi shiran H., Maroufi E. بررسی و تحلیل ماهیت کاربردی معماری صخره ای تپه رصدخانه مراغه [Study and analysis of the rock architectural Hill Rasadkhaneh at Maragheh]. مطالعات ایرانی [Iranian Studies]. 2018, Vol. 8, no. 1, pp. 75–92. (In Persian)
21. Shakari Niri J. معماری صخره‌ای در آذربایجان و زنجان [Rock architecture in Azerbaijan and Zanjan]. Tarbiat Modarres University, 1993. 200 p. (In Persian)
22. Shakari Niri J. امامزاده معصوم مراغه معبد مهرپرستی ایران و نشان‌ها در معابد اروپایی [Imamzadeh Mulla Ma'sum of Maragheh: Temple of Iranian Mithraism and symbols in European temples]. مطالعات ایرانی [Iranian Studies]. 2006, no. 10, pp. 109–125. (In Persian)
23. Shoja'del N. and Alipour N. پیشینه مهرپرستی و نیایشگاه مهر ورجوی مراغه [History of Mithraism and Mehr Temple of Varjovi in Maragheh]. مجله تاریخ پژوهی [History Research Journal]. 2005, no. 24, pp. 44–54. (In Persian)
24. Spuler B. تاریخ مغول در ایران [Mongolian History in Iran]. Mirafatab M. (ed.). Tehran: Cultural and Scientific Publications, 1989. 563 p. (In Persian)

25. Tabarsi F. مجمع البيان في تفسير القرآن [Majma' al-Bayan fi-Tafsir al-Qur'an]. Vol. 8. Mohammad Javad Balaghi (ed.). Tehran: Naser Khosro Publications, 1993. 191 p. (In Persian)
26. Taghizadeh Alameh and Javad Ali Mohammadi Ardakani. بررسی و تحلیل نوشتار (کتابخانه). به مثابه رسانه‌ی تبلیغاتی در معماری ایران [Investigating and analyzing writing as advertising media in Iranian architecture]. مجله نگاره [Nagare Magazine]. 2001, no. 41, pp. 81–94. (In Persian)
27. Torabi Farsani S. and Bahadori A. خط مشی مذهبی مغولان و ایلخانیان در ایران [The religious policy of the Mongols and Ilkhanids in Iran]. فصلنامه علمی – پژوهشی مسکویه [Maskooyeh Scientific and Research Quarterly]. 2011, no. 18, pp. 105–125. (In Persian)
28. Varjavand P. ستایشگاه صخره‌ای امامزاده معصوم ورجوی [The rock shrine of Imamzadeh Ma'sum Varjouy]. مجله بررسی های تاریخی [Journal of Historical Reviews]. 1972, no. 5, pp. 3–9. (In Persian)

About the authors: Samad P. Parvin – Graduate of Archaeology, University of Mohaghegh Ardabili (University Str., Ardabil 5619911367, Iran). E-mail: arjaan1370@gmail.com

Saeid S. Sattarnejad – Ph.D. student of archaeology of Islamic periods, University of Mohaghegh Ardabili (University Str., Ardabil 5619911367, Iran): E-mail: saeidsattarnejad@yahoo.com

Elham H. Hendiani – Tabriz Islamic Art University (Azadi Blvd., Hakim Nizami Ganjavi Sq., Tabriz 5164736931, Iran). E-mail: el.hendiani@gmail.com

Received July 1, 2020 Accepted for publication November 2, 2020

Published December 29, 2020

ПОБЕДА ИСЛАМА НАД БУДДИСТСКОЙ РЕЛИГИЕЙ (РАССМОТРЕНИЕ НАДПИСИ НА ХРАМЕ МУЛЛЫ ИМАМ-ЗАДЕ МАС'УМА В МАРАГЕ)

Самад Парвин^{1а}, Саеид Саттарнейад^{1б}, Элхам Хендиани²

¹ Университет Мохегг Ардабили

Ардебиль, Иран

^а arjaan1370@gmail.com, ^б saeidsattarnejad@yahoo.com

² Университет исламского искусства Тебриза

Тебриз, Иран

el.hendiani@gmail.com

Цель исследования: изучить кораническую надпись храма Имам-заде Мас'ума в Мараге. Эта кораническая надпись показывает изменение религиозных верований в период Ильханидов в Иране. Период Ильханидов начался с седьмого века хиджры в Иране и продолжался до восьмого века хиджры. Основными религиями Ильханидских правителей были буддизм и христианство, но они постепенно приняли ислам в качестве официальной религии своего правления. Влияние процесса религиозного обращения отразилось в некоторых надписях этого периода. Еще одной целью ис-

следования является стремление представить храм Имам-заде Мас'ума в качестве буддийского храма в Иране.

Материалы исследования: в этом исследовании авторы использовали два метода: полевого исследования и библиотечных изысканий. Полевым методом был исследован храм Имам-заде Мас'ума. Затем были привлечены исторические источники периода Ильханидов, такие как Джами ат-таварих, написанный Рашид ад-дин. В этом сочинении говорится о положении буддистов в Иране в эпоху Ильханидов (седьмой век хиджры).

Результаты и новизна исследования: авторы статьи впервые показали, что храм в Мараге был одним из буддийских храмов в Иране. Этот буддийский храм был преобразован в исламскую мечеть после обращения Газан-хана (694 г. хиджры). Сохранившаяся кораническая надпись внутри здания указывает на победу ислама над буддизмом.

Ключевые слова: храм Имам-заде Мас'ума, надписи, высеченная в скалах архитектура, политико-религиозные верования, период Ильханидов

Для цитирования: Parvin S., Sattarnejad S., Hendiani E. The Victory of Islam over the Buddhist Religion (Reviewing the Inscriptions of the Shrine of Imamzadeh Mulla "Ma'sum" of Maragheh) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 636–646. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.636-646

Сведения об авторах: Самад П. Парвин – магистр (археология), Университет Мохагег Ардабили (University Str., Ardabil 5619911367, Iran). E-mail: arjaan1370@gmail.com

Сaeид С. Саттарнейад – докторант (археология исламского периода), Университет Мохагег Ардабили (University Str., Ardabil 5619911367, Iran): E-mail: saeidsattarnejad@yahoo.com

Элхам Х. Хендиани – Университет исламского искусства Тебриза (Azadi Blvd., Hakim Nizami Ganjavi Sq., Tabriz 5164736931, Iran). E-mail: el.hendiani@gmail.com

Поступила 01.07.2020 Принята к публикации 02.11.2020
Опубликована 29.12.2020

РАННИЕ ДЖУЧИДСКИЕ ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ И ПРО-ТОЛУИДСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Р. Хаутала^{1,2}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

² *Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*

Цель исследования: проанализировать информацию разнородных письменных источников о ранних джучидских завоеваниях до начала западного похода Бату в Восточной Европе (1236–1242) и рассмотреть в первую очередь ту роль в осуществлении этих военных кампаний, которую каждый из этих разнородных источников приписывает старшему сыну Чингизхана и его сыновьям.

Материалы исследования: в исследовании использованы исключительно письменные и уже опубликованные источники, а именно: арабские работы Ибн ал-Асира и Каратая ал-Иззи ал-Хазнадари (работа последнего часто ошибочно приписывается Ибн Василу); персидские работы ан-Насави, Джузджани, Джувейни и Рашид ад-дина; монгольская «Тайная история монголов» и китайские официальные летописи «Юань ши» и «Шэн-у цинь-чжэн лу»; латинские отчеты о двух путешествиях доминиканца Юлиана в домонгольскую Восточную Европу, последующие латинские отчеты Иоанна де Плано Карпини и Ц. де Бридиа о первой дипломатической миссии европейцев в Монгольскую империю, как и буллы папы Григория IX касательно ситуации на Балканах в момент прибытия первых кипчакских беженцев от монголов; греческие работы Георгия Акрополита, Ефрема Эносского и Никифора Григоры, касающиеся той же ситуации на Балканах, как и фрагмент из «Жития святого Людовика» Жана де Жуанвиль, использующийся здесь с той же целью.

Новизна исследования: основываясь на успешном опыте Кристофера Этвуда в сравнении про-толуидских источников с теми источниками, которые писались вне толуидских дворов, здесь используется аналогичный метод в отношении последних кампаний Джучи и самых ранних кампаний его преемника.

Результаты исследования: сравнение обоих типов источников позволяет проследить намеренное преуменьшение роли Джучидов в про-толуидских источниках и восстановить их действительную роль, основываясь на информации параллельных источников.

Ключевые слова: история Монгольской империи, ранняя история улуса Джучи (Золотой Орды), средневековая история Балкан, мусульманские, китайские и западные источники, сравнительная критика письменных источников

Для цитирования: Хаутала Р. Ранние джучидские военные кампании и про-толуидские письменные источники // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 647–661. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.647-661

THE EARLY JOCHID CAMPAIGNS AND THE PRO-TOLUID WRITTEN SOURCES

Roman Hautala^{1,2}

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To analyze the information contained in diverse written sources about the early Jochid conquests which preceded the start of Batu's western campaign in Eastern Europe (1236–1242) and to discuss the role in the implementation of these military campaigns that each of these diverse sources ascribes to Chinggis Khan's eldest son, Jochi, and his progeny.

Research materials: The author exclusively used written and already published sources – namely: Arabic works of Ibn al-Athir and Qaratay al-Izzi al-Khaznadari (the work of the latter author is often mistakenly attributed to Ibn Wasil); Persian works of al-Nasawi, Juzjani, Juwayni, and Rashid al-Din; the Mongolian *Secret History of the Mongols* and the Chinese official annals *Yuan Shi* and *Shengwu qinzheng lu*; Latin accounts on two travels of the Dominican Julian to pre-Mongol Eastern Europe, subsequent Latin reports by John of Plano Carpini and C. de Bridia on the first European diplomatic mission to the Mongol Empire, as well as the bulls of Pope Gregory IX regarding the situation in the Balkans during the arrival of the first Qipchaq refugees from the Mongols; the Greek works of George Akropolites, Ephraim, and Nicephorus Gregoras regarding the same situation in the Balkans, as well as a fragment from the *Life of St. Louis* by Jean de Joinville.

Research novelty: Based on Christopher Atwood's successful results in comparing the pro-Toluid sources with those written outside the Toluid courts, a similar method is employed here for Jochi's last campaign as well as for the early campaigns of his successor, Batu.

Research results: A comparison of both types of sources allows us to trace the deliberate understatement of the role of the Jochids in the pro-Toluid sources. As well, we are able to restore their real role, based on information from parallel sources.

Keywords: history of the Mongol Empire, early history of the ulus of Jochi (Golden Horde), medieval history of the Balkans, Muslim, Chinese and Western sources, comparative criticism of written sources

For citation: Hautala R. The Early Jochid Campaigns and the pro-Toluid Written Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 647–661. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.647-661

В 1983 году Томас Олсен опубликовал чрезвычайно интересную статью «Prelude to the Western Campaigns» [17, p. 5–24] с подробным анализом ранних кампаний монголов против кипчаков Волжско-Уральского междуречья между 1219 и 1237 годами. До публикации статьи Олсена эти кампании не привлекали особого интереса у исследователей и скорее воспринимались как спорадические попытки военных действий в западном направлении, которые всякий раз заканчивались неудачей до грандиозной западной кампании во главе с Бату (1236–42). Олсен, напротив, описал нарастающее и последовательное давление монголов на восточных кипчаков, как и упорное сопротивление последних, определившее приоритеты последующей кампании в Вос-

точной Европе: после окончательного покорения восточных кипчаков зимой 1236/7 года Бату считал своей первичной задачей подчинить западных кипчаков, предвидя их упорное сопротивление на примере их восточных соплеменников. Таким образом, Олсен продемонстрировал актуальность исследований монгольских кампаний против кочевников в противовес преобладающим публикациям, фокусирующимся на монгольских завоеваниях оседлых территорий.

Олсен не ограничился анализом известных работ Джувейни, Рашид ад-дина и «Тайной истории монголов» в своем исследовании и прибег к использованию крайне ценных сведений китайских источников, содержащих дополнительную информацию о ранних военных действиях монголов. В частности, анализ биографий Токтака и Субедея в «Юань ши» (цзюани 128 и 121)¹ позволил Олсену определить главных оппонентов монголов, а именно, кипчакское племя ульберли, обитавшее в Волжско-Уральском междуречье². Согласно анализу Олсена, монголы провели четыре военные кампании против ульберли: в 1219 году, в период между 1221 и 1224 годами, в 1229 году и в 1236–37 годах.

Описание этих военных кампаний в статье Олсена содержит некоторые неточности, которые будут упомянуты ниже. Более важным, однако, представляется его заключение, что малоизвестные письменные источники, которые он использовал в своем исследовании, не только содержат ценные дополнительные сведения, но и отображают исконно монгольский взгляд на те события, которые эти источники описывают. Это его замечание в определенной степени соответствует истине, поскольку эти источники, как это уточняет Олсен, основываются на официальных записях, сделанных при дворах толуидских правителей. С другой стороны, было бы также правомерно утверждать, что эти письменные источники отображают официальный монгольский взгляд на события, которые имели важные последствия для будущей политической борьбы внутри Монгольской империи. Поскольку эти источники написаны при дворах толуидских правителей, они несомненно отображали про-толуидский взгляд на эти события. И поскольку эти источники были отредактированы в период напряженных или враждебных отношений Толуидов с Джучидами, они неизбежно содержат пристрастный взгляд даже на те события, которые произошли до появления этой напряженности или вражды.

Недавняя статья Кристофера Этвуда чрезвычайно поучительна в этом отношении [18, р. 35–56]. Этвуд убедительно доказывает, что все про-толуидские источники подверглись основательной редактуре с целью стереть всякие упоминания об успешных военных действиях Джучи и подвергнуть таким образом сомнению легитимность его наследников на тех территориях, которые должны были бы принадлежать Джучи и его потомкам по праву завоевания. Эти наблюдения правомерны в отношении «меркитской» кампании монголов, приведшей, по словам Олсена, к первому конфликту монголов

¹ Питер Голден впоследствии опубликовал английский перевод биографии Токтака [27, р. 10–11]. В свою очередь Стивен Поу и Цзинцзин Ляо недавно опубликовали английский перевод биографии Субедея [36, р. 50–68].

² Олсен настаивал на том, что восточная граница их владений проходила по современной реке Урал [17, р. 7], хотя это его утверждение не противоречит предположению о том, что в домонгольский период сфера их влияния могла распространяться на степи на восток от Яика.

с ульберли в 1219 году³ и их первой битве с хорезмийцами, последовавшей вслед за этим конфликтом.

Олсен очевидно ошибается в своем утверждении о том, что эта кампания была предпринята в ответ на совместное и неудачное восстание меркитов во главе с Токта-беки и найманов (очевидно, во главе с Кучлугом) против Чингизхана [17, р. 8–9]: Чингизхан нанес поражение меркитам и найманам весной 1209 года⁴, в то время как в данном случае речь идет о повторной кампании против меркитов, осуществленной уже после завоевания Чжунду (часть современного Пекина) в 1215 году⁵. Важнее, однако, что Олсен следовал здесь толuidской редакции источников и утверждал, что эту монгольскую кампанию возглавлял Субедей, а не Джучи. В действительности имя Джучи было исправлено на Субедея в «Тайной истории» [37, § 199, р. 126–127, § 236, р. 162–163], в биографии Субедея, содержащейся в «Юань ши» (цзюань 121) [36, р. 52–54], как и в «Шэн-у цинь-чжэн лу» [18, р. 38]. Работа Джувейни отображает процесс редакции этого повествования: в «монгольской» части своего труда Джувейни однозначно указывает на тот факт, что войска монголов в обоих битвах возглавлял Джучи. В последующей «хорезмийской» части Джувейни уже утверждает, что монголы возглавлялись «эмирами» Чингизхана [16, р. 69, 370]. Рашид ад-дин, ссылаясь на слова «некоторых монгольских рассказчиков», предполагает, что хорезмшах сразился с тем же самым войском, которое Чингизхан направил в погоню за меркитами во главе с Субедеем [6, с. 190; 38, р. 235]. Тем не менее в двух других местах, где Рашид ад-дин повествует о казни младшего сына Токты-беки, Култукан-мэргэна, имевшей место после первой битвы с меркитами, он, очевидно, основывается на альтернативном источнике информации, поскольку, согласно этому повествованию, Рашид ад-дин представляет Джучи главнокомандующим монгольского войска, направленного против меркитов [5, с. 116; 6, с. 178; 38, р. 53, 227]. Также Ибн ал-Асир, ан-Насави и Джузджани, не подверженные толuidскому влиянию, ясно указывают на тот факт, что Джучи возглавлял монголов в битве с хорезмшахом [Ибн ал-Асир: 40, р. 207; ан-Насави: 14, с. 47; Джузджани: 31, р. 268, 1096].

³ Согласно Олсену, это первое столкновение с ульберли произошло в междуречье Волги и Яика [17, р. 9], хотя ни один из источников, на которых он основывается – биография Токтака и Субедея в «Юань ши» и Рашид ад-дин [27, р. 10–11; 36, р. 54; 38, р. 53], – не содержат этого уточнения. В частности, биография Токтака сообщает о том, что Чингизхан повелел своим военачальникам подчинить ульберли, но непосредственно за этим она повествует об их подчинении Мунке в 1237 году, то есть примерно через двадцать лет после первого столкновения монголов с ульберли. Это столкновение могло произойти и восточнее Яика.

⁴ «Тайная история» ошибочно датирует эти события 1205 годом [37, § 198, р. 125–126]. Правильная дата указана «Юань ши» (цзюань 1) [12, с. 148], «Шэн-у цинь-чжэн лу» [21, р. 7] и особенно Рашид ад-дином [6, с. 151–152; 38, р. 204].

⁵ Дата второй кампании против меркитов и дальнейшего столкновения с хорезмшахом остается спорной. Можно лишь уточнить, что Джучи мог осуществить эту кампанию до или после того, как он подавил восстание киргизов на Енисее в начале 1218 года [«Юань ши», цзюань 1: 12, с. 155 (без упоминания Джучи). «Шэн-у цинь-чжэн лу»: 3, с. 190–191. Рашид ад-дин: 5, с. 151; 6, с. 256; 38, р. 77–78, 290–291]. Аналогично, хорезмшах мог столкнуться с Джучи только до или после своей иракской кампании 614 года хиджры (10.4.1217–29.3.1218) [Ибн ал-Асир: 40, р. 171; ан-Насави: 14, р. 50].

Аналогичным образом, ан-Насави и Джузджани не подвергали сомнению тот факт, что в дальнейшем Джучи возглавлял осаду Гурганджа весной 1221 года [14, с. 131; 31, р. 10]. Однако авторы, писавшие при толуидских дворах, посчитали необходимым оспорить этот факт с очевидным стремлением опровергнуть утверждение о том, что Ургенч принадлежал Джучи по праву его завоевания [18, р. 50, 52, 54]. Так, Джувейни совершенно не упоминает Джучи, как если бы он не принимал участия в осаде, хотя в других местах он подтверждает тот факт, что Хорезм оказался в подчинении Джучи, и последний назначил в нем представителя своей власти, баскака Чин-Тимура [16, р. 42, 123–128, 482]. «Тайная история» и «Шэн-у цинь-чжэн лу» уверенно называют Угедея главой монгольских войск, осаждавших Гургандж [37, § 258 р. 191; 20, р. 291]. Рашид ад-дин, со своей стороны, посчитал уместным вставить в описание осады рассказ о том, как она поначалу затянулась по причине постоянных ссор между Джучи и Чагатаем. В его интерпретации Гургандж был взят только после того, как Чингизхан повелел обоим старшим сыновьям беспрекословно подчиняться приказаниям Угедея [6, с. 216]. В первой редакции своей работы Рашид ад-дин, напротив, приписывал удачный исход осады своевременному вмешательству Толуя, добившемуся примирения между Джучи, Чагатаем и Угеем [38, р. 254–255]. Позже, однако, он изменил свое повествование, представив взятие Гурганджа как исключительное достижение Угедея. Обе редакции его труда отображают искусственную переработку тех сведений, которые Рашид ад-дин использовал в описании осады хорезмийской столицы [18, р. 52–53].

Дальнейшие действия Джучи после падения Гурганджа также отображены совершенно противоположным образом у Рашид ад-дина и у тех авторов, которые не выказывали изначально предвзятого отношения к деятельности старшего сына Чингизхана. В частности, согласно Джузджани, после разрушения Гурганджа, Джучи направился на север и приступил к планомерному подчинению различных племен кипчаков [31, р. 1101]. Также Иоанн де Плано Карпини подтверждает дальнейшую активность Джучи после падения хорезмийской столицы в своем указании на последующее нападение монголов на землю тюрок (*terra Turcorum*), хотя брат Иоанн ошибочно приписывал эти завоевания сыну Джучи, Бату [26, V. 26, р. 271; 33, р. 29]. Францисканец Ц. де Бридиа, напротив, правильно указывал имя Джучи (*Tossuc*) и сообщал о том, что после подчинения «мусульман» (*Bisermi*), то есть взятия Гурганджа и подчинения Хорезма, Джучи продолжил наступление на канглов (*Kangitae*) [28, xx, р. 15; 35, р. 72]. По всей видимости, армия Джучи развернула военные действия в степях современной Актюбинской области Казахстана, и вполне возможно, что в следующем году ее передовые части достигли южных пределов современного Башкортостана, где они столкнулись с восточными мадьярами. Во всяком случае доминиканец Юлиан, посетивший восточных мадьяр в первой половине 1235 года, уточнял в своем «Письме об образе жизни тартар» (*Epistula de vita Tartarorum*), что до своего подчинения монголам в 1236 году восточные мадьяры вели непрерывную приграничную войну с монголами в течение четырнадцати лет [23, s. 172]. Первые их столкновения с войсками Джучи, таким образом, должны были произойти в 1222 году.

Олсен совершенно верно указывает на то, что передовые подразделения Джучи пребывали в «кипчакской равнине», то есть в степях современного Западного Казахстана, к 1224 году, где их встретили монгольские войска Су-

бедея, возвращавшиеся с запада после победы в знаменитой битве на Калке [16, р. 149; 17, р. 11]. Сам Джучи с основной частью своей армии уже прервал военные действия к этому времени, и по всей видимости, он сделал это не по собственной инициативе⁶, а по приказу Чингизхана, вернувшегося в Мавераннахр с берегов Инда. По словам Джувейни, проведя зиму 1222/3 года рядом с Самаркандом, Чингизхан продолжил движение на север и повелел Джучи организовать грандиозную облавную охоту и гнать ему навстречу диких ослов. Джучи выполнил повеление Чингизхана и пригнал ему добычу в равнину Кулан-баши (между современными Шымкентом и Таразом) летом 1223 года. Здесь произошла последняя встреча Чингизхана со своим старшим сыном, после которой, по словам Джувейни, Джучи вскоре скончался [16, р. 139–140, 266. См. также 1, с. 522–523]⁷.

Джужджани в свою очередь утверждает, что Чингизхан приказал отравить Джучи, узнав своевременно от Чагатая то, что Джучи намеревался убить своего отца, заключив перед этим союз с хорезмшахом [31, р. 1101], который в действительности умер еще до начала осады Гурганджа. Однако это крайне сомнительное утверждение скорее отображало ложные слухи, циркулировавшие в Средней Азии и пытавшиеся найти объяснение тому факту, что Джучи умер раньше своего отца. Вероятнее всего, Джучи умер в 1225 году, как это уточнял Джамал ал-Карши [2, с. 119. См. также 29, р. 458, note 17; 11, с. 66–67]. Также Рашид ад-дин сообщает, что к осени 1225 года (год курицы) Джучи уже не было в живых [6, с. 230; 38, р. 261]. Он, однако, представляет совершенно иную картину деятельности Джучи в последние годы его жизни.

По словам Рашид ад-дина, еще до завоевания Хорезма Джучи получил от Чингизхана приказание покорить «северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев» [7, с. 78–79; 38, р. 359 (с некоторыми разночтениями)]. Ранее Рашид ад-дин приводит еще более длинный список тех стран, покорение которых Чингизхан поручил своему старшему сыну: «Ибир-Сибир, Булар, Дашт-и Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Дербенда Хазарского» [7, с. 71–72; 38, р. 352 (с некоторыми разночтениями)]. Второй список предваряет повествование Рашид ад-дина о грандиозной военной кампании Бату в Восточной Европе, в ходе которой были завоеваны все эти земли. В действительности эти завоевания завершились через семнадцать лет после кончины Джучи. Рашид ад-дин, тем не менее, намеренно помещает этот список в ошибочном месте в стремлении более убедительно доказать несостоятельность Джучи в своих военных действиях: по словам Рашид ад-дина, Джучи ослушался повеления своего отца и предпочел удалиться в свой юрт, то есть в свой удел⁸ на Иртыше после падения Гурганджа, вызвав естественный гнев Чингизхана [7, с. 78–79; 38, р. 359].

Очевидно, что Рашид ад-дин намеренно умалял роль Джучи во время осады Гурганджа и совершенно умалчивал его дальнейшие военные действия в современных казахских степях с целью приуменьшить протяженность земель, оказавшихся в его подчинении в результате завоеваний. В частности,

⁶ Как это считал Олсен [17, р. 13].

⁷ Рашид ад-дин, вероятно, намеренно опускает упоминание этой встречи и неверно датирует возвращение Чингизхана годом обезьяны, то есть 1224 годом [6, с. 226; 38, р. 258].

⁸ Джувейни переводит слово юрт как «место жительства» («place of abode»; 16, р. 42).

Рашид ад-дин предварял свое повествование о том, как Джучи ослушался повеления своего отца продолжить завоевания «северных стран», указанием на то, что Чингизхан пожаловал Джучи земли между Алтаем и Иртышем и потребовал от него завоевать «области Дашт-и Кипчак» западнее его юрта, располагавшегося на Иртыше. После завоевания Хорезма, по словам Рашид ад-дина, Джучи уклонился от исполнения приказа Чингизхана и удалился в свой юрт на Иртыше. Таким образом, следуя логике Рашид ад-дина, законное владение Джучи при его жизни (и его наследников после его смерти) ограничивалось регионом западнее Иртыша и севернее озера Алаколь⁹, поскольку земли восточнее Иртыша в дальнейшем оказались в подчинении Угедея¹⁰.

Данные соображения объясняют очевидное нежелание Рашид ад-дина воспроизводить ясное указание Джувейни на тот факт, что Чингизхан наделил Джучи «территорией, простиравшейся от Каялыка¹¹ и Хорезма до отдаленных краев Саксина и Булгара, и далее в том направлении, куда проникало копыто тартарского коня» [16, р. 42]. Джувейни не уточняет, когда и при каких обстоятельствах Чингизхан предоставил Джучи в подчинение эти территории, хотя утверждение ан-Насави в отношении того, что Джучи воспринимал Гургандж относившимся к его сфере влияния еще до его завоевания [14, с. 132], предполагает, что Чингизхан предоставил Джучи земли от Каялыка до Хорезма заблаговременно, в преддверии «хорезмийской кампании», еще до их фактического подчинения.

Возобновление военных действий на территории современного Западного Казахстана имело место в 1229 году, и в данном случае Олсен снова оказался в плену официальной толуидской историографии, представлявшей ее как исключительную инициативу нового хана Монгольской империи Угедея [17, р. 14–15]. Олсен совершенно верно ссылается на «Лаврентьевскую летопись», которая указывает под 6737 годом (промежуток времени между 1 марта 1229 и 28 февраля 1230 года) на то, что монголы напали на кочевников в междуречье Яика (Урала) и Волги и сторожевые отряды волжских булгар на Яике (южнее современного Башкортостана) и вынудили тех и других искать временного убежища на территории Волжской Булгарии на север от Яика [4, стб. 453]. Эта военная акция была осуществлена джучидскими войсками¹². Олсен, напротив, связывал эту военную акцию с решением хана Угедея направить на запад тридцать тысяч монголов сразу же после своей интронизации.

Эти подкрепления, однако, могли быть посланы на запад уже после того, как джучидские войска возобновили военные действия, поскольку Джамал ал-

⁹ Иоанн де Плано Карпини подтверждает, что «орда» Джучи располагалась в этом регионе, где к моменту его путешествия в 1246 году правил старший сын Джучи, Орда [26, IX. 25, р. 315, 486, note 41; 33, р. 60. См. также 17, р. 12].

¹⁰ В другом месте Рашид ад-дин утверждает, что Угедей был похоронен на горе Болдак Касар у истоков Иртыша, подразумевая тем самым, что земли между Иртышом и Алтаем оказались в подчинении третьего сына Чингизхана [7, с. 43; 38, р. 330. См. также 10, с. 123, прим. 57].

¹¹ Южнее озера Балхаш, рядом с современным Талдыкорганом [19, р. 307; 6, с. 181, прим. 4].

¹² Неясно, кто возглавлял эту операцию, поскольку Бату и его братья – Орда, Берке, Беркечер, Шибан, Тангут и Тука-Тимур – находились в это время в Монголии и приняли активное участие в выборе нового хана [Джувейни: 16, р. 183–184. Рашид ад-дин: 7, с. 19 (имя Тангута опущено); 38, р. 312].

Карши и анналы Угедея в «Юань ши» (цзюань 2) [2, с. 119; 12, с. 163] ясно указывают на тот факт, что Угедей был возведен в ханы в сентябре 1229 года, и «Шэн-у цинь-чжэн лу» приводит наиболее точную дату – 13 сентября 1229 года [3, с. 196]. Олсен совершенно верно указывает на то, что эти подкрепления находились под командованием монгольских военачальников Кукетя и Сунитея, исправив неправильное прочтение Джон Эндрю Бойля, заменившего имя Сунитея на Субедея [16, р. 190]¹³. Однако, эти подкрепления смогли прибыть на запад только в следующем, 1230 году, и, судя по указанию Каратай ал-Иззи ал-Хазнадари¹⁴, продолжили наступление против кипчаков-ульберли в междуречье Яика и Волги. Таким образом, официальная толундская историография снова стерла всякие упоминания военной инициативы Джучидов и снова поставила успешные военные действия на западе в заслугу Угедею¹⁵.

Очевидно, что Джучиды действительно нуждались в подкреплениях с востока для того, чтобы сломить одновременное сопротивление кочевников в междуречье Яика и Волги на западе и Волжской Булгарии на севере¹⁶. Однако полномасштабная военная кампания на западе с привлечением основного военного потенциала империи стала возможной только по окончании завоевания Северного Китая весной 1234 года. В отношении начала западной кампании Бату в Восточной Европе Олсен опять же правомерно указывает [17, р. 18–19] на то, что Субедей отправился с востока с отдельным корпусом раньше всех других монгольских подразделений и напал на предводителя кипчаков-ульберли по имени Бачман в междуречье Яика и Волги. Субедей разбил его войска и взял в плен его семью, но не сумел захватить самого

¹³ В действительности Субедей принял участие в войне в Северном Китае с 1230 по 1234 годы, на что указывает его же биография и анналы Угедея в «Юань ши» (цзюань 2) [36, р. 60–62; 12, с. 164]. Русский и английский переводчики Рашид ад-дина (Юрий Верховский и Вилер Тэкстон) также предпочли исправить правильное указание имени Сунитея на ошибочное прочтение Субедей [7, с. 21; 38, р. 313]. Семен Волин также посчитал уместным поместить аналогичное ошибочное указание в сноске к своему русскому переводу Вассафа, оставив, тем не менее, в тексте правильное прочтение имени Сунтай [9, с. 84, прим. 2].

¹⁴ Каратай ал-Иззи ал-Хазнадари сообщал, что возобновление военных действий между монголами и кипчаками пришлось на 627 год хиджры (20.11.1229–8.11.1230) [8, с. 73]. В своем издании Владимир Тизенгаузен ошибочно приписал эту работу Ибн Валиду [29, р. 467, note 220].

¹⁵ В свою очередь утверждение Абул-Гази (в его позднем «Родословном древе тюрков» XVII века) о том, что Бату вместе с пятью своими братьями принял участие в последовавшей китайской кампании Угедея [15, р. 179], недостоверно, поскольку ни один из синхронных источников не содержит упоминаний участия Джучидов в военных действиях в Северном Китае. См. «Тайную историю» [37, § 272–273, р. 202–205], «Юань ши» (цзюань 2 и 121) [12, с. 164–168; 36, р. 60–62], «Шэн-у цинь-чжэн лу» [3, с. 197–200], Джувейни [16, р. 191–196] и Рашид ад-дина [7, с. 21–26; 38, р. 313–317].

¹⁶ Джучиды, по всей видимости, чередовали нападения в том и другом направлении. Согласно «Лаврентьевской летописи», осенью 1232 года Джучиды начали наступление на север и провели зиму 1232/3 года на территории Волжской Булгарии. Они, однако, не смогли приблизиться к столице Волжской Булгарии, «Великому городу Булгарскому» [4, стб. 453], то есть к Булгару/Бияру на реке Малый Черемшан в современном Алексеевском районе Татарстана [см. подробнее о домонгольской столице Волжской Булгарии на Биярском городище, в 13, с. 163–179].

Бачмана, укрывшегося в устье Волги с остатками своих приверженцев¹⁷. Важно, однако, отметить, что Субедей, по всей видимости, провел эту кампанию вместе с Бату, кто, согласно «Юань ши» (цзюань 63), получил приказ Угедея возобновить военные действия по окончании курултая июня 1234 года, то есть за год до отправления Субедея из Монголии [12, с. 208]. Доминиканец Юлиан подтверждает (в передаче брата Рикардуса в его отчете «De facto Ungarie magne»), что Джучиды снова вторглись в Волжско-Яикское междуречье в конце лета 1234 года¹⁸. Однако, по всей видимости, они смогли добиться большего успеха только двумя годами позже, когда к ним на помощь прибыл Субедей с подкреплениями. Биография Субедея, в свою очередь, последовательно приписывала своему главному герою все военные достижения, которые она описывала. Тем не менее Субедей, по всей видимости, находился в подчинении Бату уже во время нападения на Бачмана, как, впрочем, и в ходе всей дальнейшей кампании в Восточной Европе.

В свою очередь Олсен настойчиво подчеркивал, что, начиная с этого нападения на Бачмана, все дальнейшие военные операции в ходе последующей шестилетней кампании Бату проводились под фактическим руководством Субедея [17, р. 19–20]. Нанеся поражение Бачману, Субедей поспешил ретироваться на восток от реки Урал, чтобы возглавить генеральное вторжение в Волжскую Булгарию. Поимка Бачмана в дельте Волги был поручена Мунке и его брату, Бучеку, и они выполнили это поручение зимой 1236/7 года [Джувейни: 16, р. 553–554. Рашид ад-дин: 5, с. 96; 7, с. 129; 38, р. 39–40, 402]. По всей видимости, Олсен попытался продемонстрировать таким образом приоритет военных действий монголов против кочевников даже в то время, когда основная часть их армии завоевывала оседлую территорию. По большей части это предположение вполне правомочно, но не в данном случае. Биография Мунке в «Юань ши» (цзюань 3) уточняет, что в действительности Мунке приступил к поимке Бачмана в апреле 1237 года [20, р. 311–312], и поэтому он и войска под его командованием, по всей видимости, приняли участие в завоевание Волжской Булгарии, проведенном осенью 1236 года [«Лаврентьевская летопись»: 4, стб. 460]. Во всяком случае Джувейни подразумевает его участие в этом завоевании вместе со всеми другими Чингизидами [16, р. 269], в то время как Рашид ад-дин уточняет, что после завоевания Волжской Булгарии вся монгольская армия спустилась на юг и уничтожила всякое сопротивление в Нижнем Поволжье посредством сплошного облавного движения с востока на запад [7, с. 38; 38, р. 326]. Мунке командовал левым крылом этого построения и захватил Бачмана именно во время этой облавы. Уничтожение последних очагов сопротивления в Волжско-Уральском междуречье, таким образом, произошло уже после завоевания Волжской Булгарии.

В заключении здесь было бы уместно представить предположение о дальнейшей судьбе ульберли. Согласно биографии Токтака в «Юань ши» (цзюань 128), часть ульберли во главе с их предводителем, Балтучаком, предпочли подчиниться монголам без сопротивления [27, р. 11]. Тем не менее значительная часть ульберли, по всей видимости, приняли решение мигриро-

¹⁷ Эти сведения содержатся в биографии Субедея в «Юань ши» (цзюань 121) [36, р. 62].

¹⁸ Вследствие этого вторжения брат Юлиан вынужден был задержаться в Алании, то есть где-то в современном Ставропольском крае, на полгода, с августа 1234 до февраля 1235 года [23, с. 154].

вать далеко на запад. В частности, согласно Георгию Акрополиту летом 1237 года, кипчаки, бежавшие от монголов, переправились через Дунай, и болгарский царь Иван Асен II вынужден был позволить им беспрепятственно пройти через его территорию. Продвинувшись далее на юго-запад, кипчаки основательно разграбили Фракию и поселились в бассейне реки Марица. Болгарский царь, заключивший к тому времени временный союз с Латинской империей Константинополя¹⁹, привлёк следующей осенью новоприбывшие военные силы для скоротечной осады крепости Цурулон во Фракии, находившейся в руках никейских греков. Вскоре, однако, он снял осаду Цурулона, узнав о смерти в Тырново его жены Анны-Марии и младшего сына и посчитав их кончины божественной карой за союз с латинянами [Георгий Акрополит: 25, § 36, р. 200–201. См. также Ефрем Эносский: 32, col. 306; Никифор Григора: 34, р. 36–37. См., кроме того, 41, р. 64]²⁰. Последние в свою очередь смогли привлечь на свою сторону кипчаков тремя годами позже во время повторной осады Цурулона, увенчавшейся его завоеванием константинопольским императором Бодуэном II де Куртене [Георгий Акрополит: 25, § 37, р. 203]²¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В. Сочинения*, Том I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Петрушевский И.П. (ред.). М.: Издательство восточной литературы, 1963. 759 с.
2. История Казахстана в персидских источниках, Том I: Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат бис-с-сурах / Вохидов Ш.Х., Аминов Б.Б. (пер.). Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. 416 с.
3. *Палладий*. Старинное китайское сказание о Чингисхане // Восточный сборник. СПб.: Издательство Министерства путей сообщения, 1877. № 1. С. 149–294.
4. Полное собрание русских летописей, Том I: Лаврентьевская летопись, Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку / Карский Е.Ф. (ред.). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. 200 стб.
5. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей, Том I/1 / Хетагуров Л.А. (пер.), Семенов А.А. (ред.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 197 с.
6. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей, Том I/2 / Смирнова О.И. (пер.), Семенов А.А. (ред.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 281 с.
7. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей, Том II / Верховский Ю.П. (пер.), Петрушевский И.П. (ред.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.
8. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Том I: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издательство императорской Академии наук, 1884. xvi + 563 с.

¹⁹ Сближение болгарского царя с латинянами свидетельствуют, помимо Георгия Акрополита, буллы «Nobilitatis tuae» и «Licet officii nostri» папы Григория IX от 21 мая и 1 июня 1237 года [24, р. 302–303; 39, col. 673. См. также 22, р. 181–182].

²⁰ Иван Асен II вернулся к прежнему альянсу с Никейской империей уже к концу 1237 года, о чем свидетельствует булла «Supremus orifex» папы Григория IX, адресованная 27 января 1238 года венгерскому королю Беле IV с извещением о начале проповедования креста против «вероломного» болгарского царя [24, р. 308–310. См. также 25, р. 202, note 4].

²¹ Вероятно, в связи с заключением этого альянса имело место клятвенное смешение крови между латинскими и кипчакскими аристократами, красноречиво описанное Жаном де Жуанвиль [30, р. 177].

9. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Том II: Извлечения из персидских сочинений / Ромаскевич А.А., Волин С.Л. (ред. и пер.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 306 с.
10. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: «Наука», 1993. 168 с.
11. *Ускенбай К.* Восточный Дашт-и Кипчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2013. 288 с.
12. *Храначевский Р.* Золотая Орда в источниках, Том III: Китайские и монгольские источники. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2009. 335 с.
13. *Хузин Ф.* Великий город на Черемшане и город Булгар на Волге // История татар с древнейших времен в семи томах, Том II: Волжская Булгария и Великая Степь / Хузин Ф., Кляшторный С., Загидуллин И., Хамидуллин Б. (ред.). Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2006. С. 163–179.
14. *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насаби.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Буниятов З.М. (ред. и пер.). М.: Издательство восточной литературы, 1996. 798 с.
15. *Aboul-Ghâzi.* Histoire des Mogols et des Tatares par Bêhâdour Khan Aboul-Ghâzi, Tome II: Traduction / Desmaisons J.J.P. (tr.). St. Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1874. iv + 393 p.
16. *'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini.* Genghis Khan: The History of the World Conqueror / Boyle J.A. (tr.). Second edition by David O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxxvii + 763 p.
17. *Allsen Th.T.* Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga – Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. № 3. P. 5–24.
18. *Atwood C.* Jochi and the early Western campaigns // How Mongolia Matters: War, Law, and Society / Rossabi M. (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 35–56.
19. *Boyle J.A.* The dynastic and political history of the Il-Khāns // The Cambridge History of Iran, Vol. 5: The Saljuq and Mongol Periods / Boyle J.A. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 303–421.
20. *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century. Vol. 1. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & CO. Ltd, 1910. ix + 334 p.
21. *Buell P.D.* Early Mongol expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): A reconstruction // Central Asiatic Journal. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1992. № 36/1–2. P. 1–32.
22. *Dall'Aglio F.* Crusading in a Nearer East: The Balkan politics of Honorius III and Gregory IX (1221–1241) // La Papauté et les croisades. Actes du VIIe Congrès de la Society for the Study of the Crusades and Latin East = The Papacy and the Crusades. Proceedings of the VIIth Conference of the Society for the Study of the Crusades and Latin East / Balard M. (ed.). Farnham; Burlington: Ashgate, 2011. P. 173–183.
23. *Dörrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen; Philologisch-Historische Klasse. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. № 6. S. 125–202.
24. *Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis, Series III, Vol. III: Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) / Tăutu A.L.* (ed.). Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1950. xxiv + 400 p.
25. *George Akropolites.* The History / Macrides R. (tr.). Oxford; New York: Oxford University press, 2007. xiv + 440 p.

26. *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei mongoli // Menestò E. (ed.), Lungarotti M.C. (tr.). Spoleto: Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 1989. viii + 522 p.
27. *Golden P. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan* // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1986 (1987). № 6. P. 5–29.
28. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi* / Önnersfors A. (ed.). Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1967. x + 44 p.
29. *Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017. xxii + 614 p.
30. *Jean de Joinville. Histoire de Saint Louis* / Wailly N. de (ed.). Paris: Chez Mme Ve Jules Renouard, 1868. xliii + 410 p.
31. *Jūzjānī. Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia Including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. 2 Vols / Raverty H.G. (tr.). London: Printed by Gilbert & Rivington, 1881. 1296 + xxvi + 273 p. (со сквозной пагинацией в обоих томах).
32. *Migne J.-P.* (ed. et tr.). *Geōrgiou tou Pachymerē ta heuriskomena panta = Georgii Pachymerae Opera omnia* // *Patrologiae graecae tomus 143*. Turnholti: Typographi Brepols editores pontificii, 1981. 1372 cols.
33. *The Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries* / Nun of Stanbrook Abbey (tr.), Dawson C. (ed.). New York: Harper Torchbooks, 1966. xxxix + 246 p.
34. *Nicephori Gregorae Byzantina Historia. Vol. I* / Schopen L. (ed. et tr.). Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. c + 568 p.
35. *Painter G.D.* (ed. and tr.). *Tartar Relation* // *The Vinland Map and the Tartar Relation* / Skelton R.A., Marston T.E., Painter G.D. (eds). New Haven; London: Yale University Press, 1965. P. 54–101.
36. *Pow S., Liao J.* Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the Yuan Shi) // *Journal of Chinese Military History*. Leiden: Brill, 2018. № 7. P. 37–76.
37. *Rachewiltz I. de.* *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. 2 Vols. Leiden; Boston: Brill, 2004. cxxvii + 1347 p. (со сквозной пагинацией в обоих томах).
38. *Rashiduddin Fazlullah's Jami' u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. 3 Vols / Thackston W.M. (tr.). Cambridge, Mass.: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. xlv + 819 p.
39. *Les registres de Grégoire IX. Recueil des bulles de ce pape publiées ou analysées d'après les manuscrits originaux du Vatican, Tom. II: Texte – Années IX a XII (1235–1239)* / Auvray L. (ed.). Paris: A. Fontemoing, 1907. 1292 cols.
40. *Richards D.S.* (tr.). *The Chronicle of Ibn al-Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rīkh, Part 3: The Years 589–629/1193–1231: The Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace*. Aldershot: Ashgate, 2008. viii + 331 p.
41. *Vásáry I.* *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. xvi + 230 p.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); доцент кафедры истории гуманитарного факультета университета Оулу (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия); ResearcherID: H-9114-2016; ORCID: 0000-0003-3898-0107. E-mail: romanhautala@gmail.com

Поступила 03.08.2020 Принята к публикации 30.11.2020

Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Bartol'd V.V. *Sochineniya*, Tom I: *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Writings, Vol. 1: Turkestan in the Era of the Mongol Invasion], Petrushevskiy I.P. (ed.). Moscow: Publishing house of Oriental literature, 1963. 759 p. (In Russian)
2. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*, Tom I: *Dzhamal al-Karshi. al-Mulkhakat bis-s-surakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources, Vol. 1: Jamāl al-Qarshī. al-Mulḥaqāt bi l-Ṣurāḥ]. Vokhidov Sh.Kh. and Aminov B.B. (tr.). Almaty: "Daik-Press", 2005. 416 p. (In Russian)
3. Palladii. *Starinnoe kitayskoe skazanie o Chingiskhane* [Ancient Chinese Tale of Chinggis Khan]. *Vostochnyy sbornik* [Oriental Collection]. No. 1. Saint Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1877, pp. 149–294. (In Russian)
4. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Tom I: *Lavrent'evskaya letopis'*, Vyp. 2: *Suzdal'skaya letopis' po Lavrent'evskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1: Lavrentii's Chronicle, Iss. 2: Suzdal' Chronicle according to the Lavrentii's Manuscript]. Karskii E.F. (ed.). Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1927. 200 cols. (In Russian)
5. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Tom I/1. Khetagurov L.A. (tr.), Semenov A.A. (ed.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. 197 p. (In Russian)
6. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Tom I/2. Smirnova O.I. (tr.), Semenov A.A. (ed.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. 281 p. (In Russian)
7. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Tom 2. Verkhovskii Iu.P. (tr.), Petrushevskii I.P. (ed.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 214 p. (In Russian)
8. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*, Tom I: *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History, Vol. 1: Extracts from Arabic Works]. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1884. xvi + 563 p. (In Arabic, Russian)
9. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*, Tom II: *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History, Vol. 2: Extracts from Persian Works]. Romaskevich A.A. and Volin S.L. (eds and tr.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 306 p. (In Russian, Persian)
10. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v. Problema istoricheskoy preemstvennosti* [The Political System of the Mongol Empire of the thirteenth century. The Problem of Historical Continuity]. Moscow: "Science", 1993. 168 p. (In Russian)
11. Uskenbay Q. *Vostochnyy Dasht-i Kipchak v XIII – nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi* [The Eastern Dasht-i Qipchaq from the thirteenth to the early fifteenth century: Problems of Ethnopolitical History of the Ulus of Jochi]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 288 p. (In Russian)
12. Khrapachevskii R. *Zolotaya Orda v istochnikakh*, Tom III: *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources, Vol. 3: Chinese and Mongolian Sources]. Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2009. 335 p. (In Russian)
13. Khuzin F. *Velikiy gorod na Cheremshane i gorod Bulgar na Volge* [The Great City on the Cheremshan and the City of Bulghār on the Volga]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*, Tom II: *Volzhsкая Bulgariya i Velikaya Step'* [The History of the

Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes, Vol. 2: The Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Khuzin F., Kliashornyj S., Zagiudullin I., and Khamidullin B. (eds). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2006, pp. 163–179. (In Russian)

14. al-Nasawī. *Sirat as-sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny)* [Sīrat al-Sultān Jalāl al-Dīn Mīngubirnī (The Biography of the Sultan Jalāl al-Dīn Mīngubirnī)], Buniatov Z.M. (ed. and tr.). Moscow: Publishing house of Oriental Literature, 1996. 798 p. (In Russian, Persian)

15. Aboul-Ghâzi. *Histoire des Mogols et des Tatares par Bêhâdour Khan Aboul-Ghâzi*, Tome II: *Traduction*. Desmaisons J.J.P. (tr.). St. Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1874. iv + 393 p. (In French)

16. 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. *Genghis Khan: The History of the World Conqueror*. Boyle J.A. (tr.), second edition by Morgan D.O. Manchester: Manchester University press, 1997. lxvii + 763 p.

17. Allsen T.T. Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga – Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983, no. 3, pp. 5–24.

18. Atwood C. Jochi and the early Western campaigns. *How Mongolia Matters: War, Law, and Society*. Rossabi M. (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2017, pp. 35–56.

19. Boyle J.A. The dynastic and political history of the Il-Khāns. *The Cambridge History of Iran*, Vol. 5: *The Saljuq and Mongol Periods*. Boyle J.A. (ed.). Cambridge: Cambridge University press, 1968, pp. 303–421.

20. Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century*. Vol. 1. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & CO. Ltd, 1910. ix + 334 p.

21. Buell P.D. Early Mongol expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): A reconstruction. *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1992, no. 36/1–2, pp. 1–32.

22. Dall'Aglia F. Crusading in a Nearer East: The Balkan politics of Honorius III and Gregory IX (1221–1241). *La Papauté et les croisades. Actes du VIIe Congrès de la Society for the Study of the Crusades and Latin East = The Papacy and the Crusades. Proceedings of the VIIth Conference of the Society for the Study of the Crusades and Latin East*. Balard M. (ed.). Farnham; Burlington: Ashgate, 2011, pp. 173–183.

23. Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen; Philologisch-Historische Klasse*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956, no. 6, pp. 125–202. (In German, Latin)

24. *Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis*, Series III, Vol. III: *Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241)*. Tăutu A.L. (ed.). Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1950. xxiv + 400 p. (In Latin)

25. George Akropolites. *The History*. Macrides R. (tr.). Oxford; New York: Oxford University press, 2007. xiv + 440 p.

26. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei mongoli*. Menestò E. (ed.), Lungarotti M.C. (tr.). Spoleto: Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 1989. viii + 522 p. (In Italian, Latin)

27. Golden P. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1986 (1987), no. 6, pp. 5–29.

28. *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi. Önnersfors A. (ed.). Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1967. x + 44 p. (In Latin)

29. Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017. xxii + 614 p.
30. Jean de Joinville. *Histoire de Saint Louis*. Wailly N. de (ed.). Paris: Chez Mme Ve Jules Renouard, 1868. xliii + 410 p. (In French)
31. Jūzjānī. *Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia Including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. 2 Vols. Raverty H.G. (tr.). London: Printed by Gilbert & Rivington, 1881. 1296 + xxvi + 273 p. (with continuous pagination in both volumes)
32. Migne J.-P. (ed. et tr.). *Geōrgiou tou Pachymerē ta heuriskomena panta = Georgii Pachymerae Opera omnia*. Patrologiae graecae tomus 143. Turnholti: Typographi Brepols editores pontificii, 1981. 1372 cols. (In Greek, Latin)
33. *The Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the thirteenth and fourteenth centuries*. Nun of Stanbrook Abbey (tr.), Dawson C. (ed.). New York: Harper Torchbooks, 1966. xxxix + 246 p.
34. Nicephori Gregorae *Byzantina Historia*. Vol. I. Schopen L. (ed. et tr.). Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. c + 568 p. (In Greek, Latin)
35. Painter G.D. (ed. and tr.). Tartar Relation. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R.A., Marston T.E., and Painter G.D. (eds). New Haven; London: Yale University Press, 1965, pp. 54–101. (In English, Latin)
36. Pow S. and Liao J. Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the Yuan Shi). *Journal of Chinese Military History*. Leiden: Brill, 2018, no. 7, pp. 37–76.
37. Rachewiltz I. de (tr.). *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. 2 Vols. Leiden; Boston: Brill, 2004. cxxvii + 1347 p. (continuous pagination in both volumes).
38. Rashiduddin Fazlullah's *Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. 3 Vols. Thackston W.M. (tr.). Cambridge, Mass.: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. xlv + 819 p.
39. *Les registres de Grégoire IX. Recueil des bulles de ce pape publiées ou analysées d'après les manuscrits originaux du Vatican*, Tom. II: *Texte – Années IX a XII (1235–1239)*. Auvray L. (ed.). Paris: A. Fontemoing, 1907. 1292 cols. (In Latin)
40. Richards D.S. (tr.). *The Chronicle of Ibn al-Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rīkh*, Part 3: *The Years 589–629/1193–1231: The Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace*. Aldershot: Ashgate, 2008. viii + 331 p.
41. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge; New York: Cambridge University press, 2005. xvi + 230 p.

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Department of History at the Faculty of Humanities, University of Oulu (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland); ResearcherID: H-9114-2016; ORCID: 0000-0003-3898-0107. E-mail: romanhautala@gmail.com

Received August 3, 2020 Accepted for publication November 30, 2020
Published December 29, 2020

SAINT LOUIS AND THE JOCHIDS

*Aleksandar Uzelac**Institute of History, Belgrade**Belgrade, Serbia**aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Research objectives: To provide an analysis of the relations between the Jochids and the French monarch, Louis IX. Particular attention is dedicated to the channels used by the Tatars to obtain information about the political conditions in Western Europe.

Research materials: Contemporary Western sources including the report of the Franciscan traveler, William of Rubruck, and German chronicles in which Berke's embassy to the French king in 1260 has been recorded.

Results and novelty of the study: The Tatar view of Medieval Europe is an insufficiently researched topic. In the decades that followed the Mongol invasion of Central Europe in 1241–1242, the accounts of Western travelers and chroniclers remain the sole material from which glimpses of the Jochid perspective of the Western world may be discerned. Nonetheless, fragmentary sources at our disposal reveal that the Jochids used Western travelers and envoys to learn more about the Christendom. In this way, the image of Louis IX as the leader of the Christian world was firmly entrenched among the Jochids by the early second half of the thirteenth century. It is attested by Berke's mission sent to Paris in 1260, and also by testimony of William of Rubruck, recorded several years earlier. According to the Flemish Franciscan author, Batu's son Sartak, who regarded Louis IX to be "the chief ruler among the Franks", had heard about the French king from an earlier envoy from Constantinople, Baldwin of Hainaut. The report of Rubruck and other sources at our disposal indicate the importance of the rather neglected Jochid relations with the Latin empire of Constantinople as a channel through which the Tatars gathered valuable reports about the political conditions in the West.

Keywords: Louis IX (Saint Louis), Jochids, Sartak, Berke, William of Rubruck, Constantinople, embassies, diplomats

For citation: Uzelac A. Saint Louis and the Jochids. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 662–674. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.662-674

It is not an overstatement to say that in the mid-thirteenth century Western Europe was obsessed with the Mongols and their Empire; and for a number of good reasons. The Mongol invasion in 1241–1242 wrought havoc in Poland, Hungary, as well as in Southeast Europe, before the invaders decided to stop their campaign. Their withdrawal puzzled western contemporaries, and the background of their decision to halt the campaign continues to be a matter of scholarly debate up to this day.

The consequent establishment of the Jochid branch of the Chinggisid family in the steppes of Eastern Europe became a potential threat that could not be ignored. The giant neighbor that emerged on the fringes of the Christian ecumene initially provoked fear, but also interest, curiosity, and eventually hope, nurtured in the circles of the Roman Catholic Church that the mysterious "Tartars" would be bap-

tized and won for Christianity. The same idea attracted other prominent individuals, among them French King Louis IX (1226–1270) or Saint Louis, albeit for a short time. His relations with the Mongol leadership, and the Jochids in particular, will be discussed on the following pages.

Before turning to this topic, it is necessary to note that it is relatively well documented in the source material how the Mongols, including the Jochi's descendants, were perceived through the eyes of their European contemporaries. Unfortunately, the same could not be said for the opposite point of view. To what extent the elite of the Mongol Empire was interested or familiar with the internal conditions of the Western world is still insufficiently researched topic. As P. Jackson rightfully noted, “for those who seek an insight into the Mongol view of the Western world, there are only two avenues – both somewhat indirect, given the absence of any Mongolian narrative source that details the invasion of Europe [...] One way entails gleaning what we can from sources composed by the Mongols' subjects. The other route is through the accounts of the Latin visitors to the Mongol empire” [17, p. 135].

In the decades that immediately followed the Mongol invasion, only the latter path is open for research. Consequently, and unsurprisingly, everything that is known about the dealings of Louis IX with the Chinggisids is recorded in the western sources.

Nevertheless, it is certain that the Mongols showed interest in the western affairs, and that they used various channels at their disposal, including the Christian envoys and missionaries, to gather the relevant information. Several vivid examples attest to that. One such instance is recorded with respect to the travel of Papal envoy, Franciscan John of Plano Carpini. Purportedly, during his stay at Sira Ordu in Mongolia in 1246, Plano Carpini was asked by Great Khan Güyük (1246–1248) how many rulers there were in the West. He replied that all the others were subordinate to two, the pope and the emperor, and after being then asked which of these was the greater, he replied, “the pope” [36, I, p. 297]¹. Moreover, a companion of Plano Carpini, monk C. de Bridia, recorded that the “even the Tartars recognize the apostolic authority of the Pope throughout the West” [16, p. 4; 47, p. 54]. It seems that the similar impression was already present in the church circles even before Plano Carpini's mission took place. In the report of Russian archbishop Peter, submitted at the Council of Lyons in 1245, it was stated that the Mongols understood that “the pope was the master of the world, and would very much like to visit him” [35, p. 155].

Diplomatic efforts of Batu, leader of the Mongol invasion of Europe, indicate that he had at least a vague idea about the western affairs. In 1237, almost four years before his army crossed the Carpathians, Batu repeatedly sent letters that contained the ultimatum of submission to Hungarian king Béla IV (1235–1270). Their contents are recorded by a Dominican traveler and missionary, friar Julian, who brought one of these letters to the Hungarian king from Eastern Europe [13, p. 380, 396, n. 43; 39, p. 42–43]. Such ultimatums were the well-established Mongol practice in their communication with the foreign courts, and almost all of their correspondence with European powers in the next two decades, with one notable exception, which will be

¹ Nonetheless, John of Plano Carpini feared the possibility that Tatar envoys might accompany him on his return voyage, test the veracity of his words, and see the dissensions and wars among his fellow Christians [cf. 15, p. 327–328; 44, p. 125–126].

further noted, carried such tones [49, p. 378–413]. Moreover, in 1238, according to chronicler Alberic of Trois-Fontaines, the “Tartar king” (obviously Batu) allegedly sent a letter to Emperor Frederick II Hohenstaufen (r. 1212–1250), requesting his submission and offering him place in his court. Unlike the Hungarian ruler, who refused to give any kind of answer in return, the emperor sent a witty response, humbly stating that “he knows something about the birds and that he would make a good falconer” [4, p. 943; 13, p. 399; 30, p. 475; 39, p. 43].

At the time of the Mongol invasion, unlike Béla IV and Frederick II, Louis IX of France had no direct contacts with the invaders. Aware of the threat and initially stricken with fear, he put a lot of effort to learn about their strength and plans. According to a well-known anecdote recorded by English chronicler Matthew Paris, in the conversation with his mother Blanche of Castile, the king remarked that “either we shall push them back to their home Tartarus, whence they came, or they will carry all of us to heaven” [25, IV, p. 111]. The play of words that connected the name of the invaders with proverbial hell from Greek mythology was not the invention of Louis IX. At the time of the Mongol invasion it widely circulated in Europe, but it was a bitter irony that several years later the French king drastically changed the attitude towards the “newcomers from Tartarus” and made a lot of effort to secure the alliance with them.

* * *

The first direct contacts between Louis IX and the Mongols predated the king’s expedition to Egypt in what used to be known as the Seventh Crusade. In the fall of 1248, during his stay in Cyprus and final preparations for the campaign, Louis IX was visited by two Nestorian Christians, Mark and David, messengers of Mongol commander Eljigidei, stationed in northern Persia. At the meeting with the king in Nicosia, they proposed alliance on behalf of their master and the great khan Güyük. The messengers offered the Mongol aid for the capture of Jerusalem and revealed that both Eljigidei and Güyük had been baptized [2, p. 145–151; 20, p. 74–75; 25, VI, p. 163–165; 27, p. 168–169; 38, p. 68–69; 40, p. 128–132; 46, p. 1316–1317].

The offer of the two Eljigidei’s messengers, although greatly differed in its nature from the earlier Mongol requests for submission, was not without its precedent. At the council of Lyons in 1245, a decision was made to send several missions, whose members were mendicant friars, to “the Tartars”. Plano Carpini went to the Pontic Steppes and from there to Mongolia, Dominican Ascelin of Cremona was directed to the camp of Eljigidei’s predecessor Baiju in Armenia, while the third embassy, led by his colleague, Andrew of Longjumeau, went further east, and eventually reached Tabriz. It was there that Longjumeau met Simeon Rabban Ata, prominent Nestorian cleric who composed three letters, for Pope Innocent IV (1243–1254), Frederick II, and Louis IX respectively. In the last document he plead the French king to be well disposed towards Nestorian community in the Holy Land². The letter of Eljigidei bore similarities with the one sent by Simeon

² Matthew Paris recorded a rumor that already in 1247 Louis IX received an order from the “king of the Tartars” to become his subject [25, IV, p. 607–608]. This embassy is not mentioned in any other source, and possibly the rumor was a distorted reflection of the initial contacts between the Nestorian community in the Mongol domains and the French king.

Rabban Ata, and it is logical to assume that the baptism of the great khan was a deception, conceived by the members of the Nestorian community, rather than by the Mongol commander himself [3, p. 178–179; 9, p. 291–292].

Thus, even before the meeting with Eljigidei's envoys, Louis IX had the opportunity to hear rumors in Cyprus about the benevolence of Mongol elite towards the Christians. The words of David and Mark further encouraged the king, and he decided to send Andrew of Longjumeau, who was in his entourage, with his brother William and John of Carcassone, and with a small chapel as a gift, to the khan. At that time Güyük was already dead, but the news about his demise did not reach Levant. Quite the contrary, during the next year, rumors about the religious conversion of the "chief of the Tartars" that were inspired by the events in Cyprus, circulated in Western Europe [25, V, p. 80].

Much to his dismay, Longjumeau realized that they have no basis in reality. After the meeting with Güyük's widow, Oghul Qaimish, who acted as an interim regent of the Empire and instead of the alliance he hoped for, the king's emissary received another request for submission and recognition of the Mongol overlordship [2, p. 151–152; 29, p. 50–54, 66–76; 40, p. 133–136; 46, p. 1317–1318]. When the news of the failure reached Palestine after Longjumeau's return in 1251, Louis IX bitterly regretted for believing the Mongol intentions in the first place. According to his biographer Jean de Joinville, "the king repented sorely that he had ever sent the mission to the Tartars" [20, p. 268–271; 27, p. 258–259; cf. 38, p. 109].

This diplomatic exchange and its disastrous outcome are well-known, as well as its indirect consequences. After the election of the new great khan Möngke (1251–1259), Eljigidei, the initial creator of the idea of the Frankish-Mongol cooperation in Levant, was put to death as an enemy of the new regime in Karakorum [1, p. 152], and in early 1254, Louis IX finally returned from Palestine to France. The king's eastern adventure and ambitiously promoted crusade turned to be fiasco. Moreover, it seemed that for a time the French king was forgotten in the Mongol world, but it was not destined to be.

Less than a decade later, Louis IX received two embassies from the Chinggisid Empire. The first of them is recorded in the *Annals of the anonymous Minorite from Erfurt*, composed in ca. 1265, and repeated in mid-fourteenth century *Chronicle of Johannes of Winterthur* and *Chronicle of Reinhardsbrunn*. According to these sources, in which the same text is repeated with slight discrepancies: "in the year of our Lord 1262, the Tartar king sent honorific emissaries, some twenty-four noble Tartars with two friars of the Dominican order who were the translators of the languages, to the French king Louis, in order that he submit, with his kingdom, to the power of the Tartars. Otherwise, they would have attacked France in the near time. King Louis took the council with the dignitaries of his kingdom, and fiercely rejected that. He held the emissaries with honor in Paris and sent them in peace to Pope Alexander" [7, p. 202; cf. 6, p. 15; 8, p. 623]³.

³ "Anno Domini 1262. rex Tartarorum misit sollempnes nuncios, circiter 24 nobiles Tartaros cum duobus fratribus ordinis Predicatorum, qui essent interpretes linguarum, ad regem Francie Ludewicum, ut se et totum regnum Francie dicione subiceret Tartarorum; alioquin Franciam impugnaret tempore procedente. Quod Ludewicus rex, habito consilio cum primoribus regni sui, constanter rennuit; ipsos tamen nuncios honorifice Parisius tenuit et usque ad papam Alexandrum pacifice remisit".

The embassy of the unnamed “Tartar king” to Louis IX has often been equated with the second mission, sent in 1262 by Hülëgu (1258–1265), Mongol ruler in Persia and founder of the Ilkhanate. In the face of his conflict with the Jochids, and the emerging Jochid-Mamluk alliance, Hülëgu renewed abandoned Eligidei’s plans. He urged the French king to take another expedition to the Holy Land and to block the Levantine coast with his fleet. In the letter, Hülëgu not only praised the king’s virtues and leadership, but even referred to the chapel he previously sent to Güyük. The letter was probably carried by Hülëgu’s confidant, certain John the Hungarian (Johannes Ungarus), but it never reached its destination. The embassy was captured by king Manfred of Sicily (1258–1266), the Pope’s adversary and illegitimate son of Frederick II, although John eventually managed to rescue himself from the captivity, visit pope Urban IV (1261–1264) and to inform him of the purpose of his voyage [17, p. 166; 21, p. 117–137; 23, p. 230; 28, p. 245–260; 37, p. 90–92]⁴.

Despite the frequently repeated opinion of some scholars, who equated the two above-described missions as a single diplomatic effort [33, p. 295–303; 37, p. 328], there is no doubt that the embassy recorded by the German chroniclers, had no relation to the Hülëgu’s proposal. The aims and tones of the two diplomatic exchanges were quite different, and they did not take place simultaneously. Namely, the year of 1262, recorded in the *Annals of Erfurt*, *Chronicle of Johannes of Winterthur*, and *Chronicle of Reinhardsbrunn*, is incorrect. Pope Alexander IV (1254–1261) died on May 25, 1261, after he convoked the council in Viterbo in order to deal with the Tatar threat [12, p. 293; 15, p. 402; 36, II, p. 152; 40, p. 193]. Therefore, the embassy must have reached Paris a year earlier, in 1260. It was two years before the mission of John the Hungarian, on Hülëgu’s behalf, took place.

In fact, as some researchers rightfully pointed out, the Tatar ruler who stood behind the earlier embassy, recorded in the German chronicles, could have been none other than the Jochid leader Berke (1257–1266), Batu’s younger brother and successor [12, p. 293; 17, p. 123–124]. The embassy coincided with the eruption of conflict between Kublai and Arik-Böke over the inheritance of the imperial throne after the death of their brother Möngke, and more importantly, with the apogee of Berke’s reinvigorated attempts to pursue offensive to the West. Therefore, in order to understand the background of Berke’s ultimatum sent to Louis IX, it is convenient to briefly look at the contemporary events in Central and Eastern Europe.

The ominous announcement of the new Jochid expansion happened soon after Berke’s enthronement in 1257. A year later, Tatar leader Burundai received submission from the princes of Halych and Volhynia and raided Lithuanian lands. In the fall of 1259, Burundai again mobilized Tatar forces and their Rus’ allies in the campaign against Little Poland. The lands around Kraków and Sandomierz were thoroughly devastated before the Tatars retreated in the spring of 1260 [5, p. 1–16; 12, p. 288–290; 22, p. 171–201; 42, p. 239–251]. The campaign was a powerful demonstration of force, and in the meantime, Berke used the similar means of diplomatic pressure against the Hungarian king, as Batu did two decades

⁴ The text of Hülëgu’s letter, written in Latin on April 10, 1262 in Maragha, was preserved in a manuscript from Salzburg, where it was copied by a certain scribe Nicholas (“Nycolaus”) in 1344 [28, p. 245].

earlier. In 1259, he requested from Béla IV to send him a quarter of his military resources as a support in the future Tatar wars. Moreover, he proposed a marital conjunction either between his daughter and Bela's son, or between his son and a daughter of the Hungarian king. Despite the threatening words that the refusal would provoke another Tatar invasion of Hungary, the prospects of such, forcibly imposed alliance, were unlikely. Béla IV informed Alexander IV about the Tatar ultimatum, but received no words of encouragement in return; only a warning from the pope that any deal with the Tatars would be harmful to his reputation as a Christian king [12, p. 296–297; 39, p. 58–59; 41, p. 239–241].

The mission to Paris in 1260 was thus obviously a part of Berke's elaborated political maneuvering, aimed to show that the Tatars were ready for the new mass-scale invasion of Europe. Pope Alexander IV was convinced that the threat was real and imminent. He insisted that "the Tartars may yet attempt a hostile entrance into Europe with a mighty orgy of massacre upon the inhabitants of those regions (Hungary and Poland). For they plan to annihilate the mighty heads of Christendom, and after overthrowing the thrones of kings and seats of powerful rulers, secure the sole rulership of the entire globe" [10, p. 338; 12, p. 293]. For the pope, it probably came as an unexpected and bitter blow, considering the earlier well-disposed intentions of the Jochid leader towards Christian missionaries in his lands, which he expressed to papal emissaries [14, p. 112–113; 23, p. 213–215].

Be that as it may, Berke's plans were soon put on hold indefinitely. In the course of 1261 and 1262, enmity between him and Hülëgu turned into the full-scale war in Transcaucasia. It signaled the beginning of an end of the unified Mongol empire, although it seems that the magnitude of the split within the Tatar world was not fully recognized in the West until the late sixties of the thirteenth century.

In such circumstances, the Jochid embassy to Paris left no practical consequences. However, the episode remains important for several other reasons. It indicates that, in the eyes of the Jochids, the position of Louis IX in the Christian world was conspicuously similar to Emperor Frederick II Hohenstaufen on the eve of the Mongol invasion. Namely, in both instances, Batu and Berke deliberately targeted the Hungarian king as their immediate neighbor, and the monarch that was, from their perspective, considered to be the head of Christendom. From the political point of view, patterns and tones of the ultimatums of Jochi's descendants remained almost the same.

Although it was the unique attempt of the Jochids to force Louis IX into submission, and the only recorded instance of their mutual contacts, the Tatars in the Pontic steppes learned about the king of France and his prestige a long time before the Berke's embassy took place. This fact is revealed by the report of Franciscan traveler William of Rubruck to the court of great khan Möngke, and therefore it is necessary to turn our attention to this extremely valuable source that sheds much-needed light on early contacts between the Jochids and Christian world.

* * *

In late 1252, or more probably in early 1253, William of Rubruck left the French crusading army in Palestine and sailed to Constantinople, the capital of the Latin Empire, established after the Fourth Crusade in 1204. The journey was motivated by the rumors that Batu's son Sartak was a Christian. After the failed mission of Longjumeau. Louis IX insisted that Rubruck should not allow himself

to be taken for another French ambassador, but he agreed to compose a letter for the Mongol prince [17, p. 99; 18, p. 43–45; cf. 32, p. 55–60]. In such informal capacity, the Flemish Franciscan met in Constantinople with the Latin emperor Baldwin II (r. 1227–1261), and afterwards, on May 7, 1253, departed from Bosphorus in the company of his colleague, Friar Bartholomew of Cremona, an interpreter, a clerk, and a servant. Rubruck and his retinue passed through the Crimean port of Soldaia (Sudak) and after relatively uneventful journey they reached the camp of Sartak, situated between the rivers Don and Volga. It was there that Rubruck met one of the companions of David, Eljigidei's diplomat "who had been to Cyprus (during the negotiations with Louis IX in 1248) and had passed on everything he had seen" [18, p. 116; 44, p. 201].

Considering the role of the Nestorian dignitaries in the previous contacts of the French king with the Mongol leadership in Persia, and their presence in the Sartak's camp, it would be logical to assume that the reputation of Louis IX among the Jochids owed much to their efforts. Nonetheless, Rubruck explicitly spoke about another man, who informed Batu's son about the French king. As he related in his report, dedicated to Louis IX: "Sartak further enquired who was the chief ruler among the Franks. 'The Emperor', I said, 'if he held his territory unchallenged'. 'No', he said, 'it is the King'. For he had heard of you from the lord Baldwin of Hainault" [18, p. 115; 44, p. 201].

This intriguing passage deserves due consideration. First, with respect to the spurious mention of the "emperor", and second, to the man recorded as Sartak's source of information. At the time of Rubruck's voyage to the East, Frederick II Hohenstaufen was not among the living. He died on December 13, 1250, and his possessions in Germany and Southern Italy, as well as the titular crown of Jerusalem, passed to his son, Conrad IV (1250–1254). However, due to his bitter struggle with the pope, Conrad IV was not able to assume the imperial crown, and technically, the throne remained vacant. Whether this fact was known to Sartak could be only guessed, but it may be argued that the Jochid prince, who insisted that the Louis IX was the "chief ruler among the Franks", was more concerned with the practical disposition of power than with the formal Christian ruling hierarchy in which the emperor stood above kings, while Rubruck had obviously the latter in mind.

Baldwin of Hainaut, who appears as Sartak's informant is a well-known historical person. He played an important, albeit sometimes neglected role in the contacts between the Christian world and the Tatars [31, p. 115–121; 43, p. 63–65; 45, p. 122–129]. Possibly a cousin of the namesake Latin Emperor Baldwin II, he rose to prominence in 1239, when he married a Cuman princess, as part of the agreement of the short-term alliance established between the Franks in Constantinople and Cuman fugitives from the Pontic steppes [4, p. 950]. Thanks to his Cuman wife, Baldwin of Hainaut was probably able to learn her language and to get acquainted with the customs of the Pontic Steppes. Therefore, it is not surprising that in 1250 or 1251, he was chosen for a delicate and far-reaching political mission.

The Frankish elite in Constantinople, pressed by the growing power of their neighbor, the Empire of Nicaea and its plans for the restoration of Byzantium, decided to seek an alliance with the Tatars and fulfillment of this task was put in

hands of Baldwin of Hainaut. On the basis of Rubruck's report it is known that Baldwin met with Sartak and afterwards traveled as far as Mongolia, but nothing else [18, p. 115, 200; 44, p. 201, 268]. However, the outcome of Baldwin's mission can be guessed from another passage in the Rubruck's report. Namely, it led to the establishment of the diplomatic relations between the Latin empire and the Jochids, which is confirmed by the fact that Rubruck carried the letters of recommendation, given to him by emperor Baldwin II, when he set out from Constantinople. They proved to be of value in order to secure him and his companions the free passage through the Jochid domains⁵.

The reminiscence of the talks between the Jochid prince and the diplomat from Constantinople, recorded by Rubruck, is another vivid example that illustrates how the Tatars endeavored to learn as much about the conditions in the West as possible from westerners themselves. The talks between Baldwin of Hainaut and Sartak resemble Güyük's enquiry to Plano Carpini, or Kublai's thorough questioning of Venetian traders Niccolò and Maffeo Polo concerning the pope and secular rulers in the West, after they were granted an audience at his court [24, p. 77–78].

Eager to get insight into the Christian world, the Chinggisids particularly valued adventurers, willing to enter their service as interpreters and agents. Such was a certain English Knight Templar from Acre, who acted as Batu's emissary and interpreter, before he was eventually captured by the forces of duke of Austria in 1241, and whose personal experiences intrigued chronicler Matthew Paris in distant England [25, IV, p. 274]. Hülëgu's emissary John the Hungarian is another such example, and to the list we may add certain Richard, Hülëgu's scribe who probably composed his letter sent to Louis IX in 1262 [2, p. 153; 23, p. 230; 28, p. 251; 34, p. 301]. The two Dominicans, who acted as interpreters of Berke's embassy to Paris, but whose names did not come to us, were hardly "the Tatar collaborators", but they were employed in the similar role. Among the westerners whose destiny was connected with the Chinggisids, Baldwin of Hainaut stands as a somewhat unique example. He was not a man in the Tatar service, but it would be wrong to consider him an ordinary envoy. He obviously had a considerable influence on Sartak, and the faith put in his words by the Jochid prince is a fact that should not be ignored.

Diplomatic relations between Latin Empire of Constantinople and the Jochids, were discussed in detail elsewhere [43, p. 62–75]. Here is enough to note that the precarious position of the Latin Empire illustrates why the idea of Chinggisid-Frankish collaboration, initially agitated by the Nestorian church of the East, also gained prominence in Constantinople, and why the French king, who was at that time in the Holy Land and to whose support the Franks in Constantinople put a lot of hope, became an object of the talks between Sartak and Baldwin of Hainaut. Besides, it is almost certain that the rumors about Sartak's adherence to Christianity, albeit in its Nestorian form, that reached Louis IX in Palestine, came from Constantinople after Baldwin's return. Philippe de Toucy, for a time regent of the Latin empire and informant of the king's biographer Jean de Joinville, stayed

⁵ The Mongol commander in the hinterlands to the north of Crimea had trouble to decipher the contents of the recommendations, because they were written in Greek language, which nobody in his camp was able to read. He promptly sent for the translator in Soldaia, and as soon as the contents of the letter were presented to him, Rubruck and his companions were provided with guides who escorted them to Sartak [18, p. 98; 44, p. 188].

with the French king in Palestine during 1251–1252, and he is the most likely candidate who informed him about the religious inclinations of the Jochid prince.

Moreover, it is possible that the establishment of the relations between the Jochids and the Latin empire, motivated Sartak to look more closely into the western affairs. A year after Rubruck's departure from Constantinople, an Armenian adventurer, a cleric named John, appeared in Italy professing to be Sartak's personal confessor and envoy. Pope Innocent IV received him with due honors and on August 29, 1254 sent a long letter to his master in which he congratulated him on being baptized and encouraged him to publicly declare his allegiance to the Christian faith and to convert his subjects [26, p. 204–206; 29, p. 78–79; 48, p. 592m–n]. John the Armenian passed through southern Italy, where he was captured for a short time by papal adversary Conrad IV, before he managed to arrive in Rome (his misfortunes strikingly resembled those experienced by John the Hungarian almost a decade later), and it is possible that he traveled via Constantinople. It is, naturally, just a possibility, and the papal letter to Sartak was probably passed through different route. The bearers of the letter were five Dominicans whom Rubruck met in Ani, Armenia, in February 1255, on his return voyage from Mongolia [12, p. 286–287; 18, p. 270–271; 44, p. 325–326]. Whether the letter from Rome ultimately reached the Pontic Steppes and was delivered to Sartak as planned, is not known.

The relations between the Latin empire and the Jochids remained cordial even at the time when Berke reinvigorated his plans of the western expansion, sent the embassy to Paris to request submission from Louis IX, and when Pope Alexander IV attempted to raise awareness of the incoming Tatar attack on Christendom. It is illustrated by the voyage of Niccolò and Maffeo Polo, who set out from Constantinople in 1260. They were graciously received by Berke, and earned much profit from their trading activities in Sarai, Bulgar, and Ukek in the Middle and Lower Volga region [24, p. 74–75]. The contacts between the Franks in Constantinople and the Jochids were broken only in 1261, when Nicean forces were able to recapture the city of Bosphorus, and to liquidate the Latin empire.

The attempts to secure the Tatar support did not save the Latin Empire from its inevitable destiny. Nonetheless, during the previous decade, the relations established between Constantinople and Sarai opened the door for the traders and diplomats from the West to get familiar with the Chinggisid world. In return, the Jochids got the possibility to learn more about the Christian Europe, which even prominent Persian polyhistor and Mongol official, Rashid al-Din, decades later characterized as the world of many nations and countries waging war with each other [19, p. 54]. The image of Louis IX as the leader of the western world, in which Sartak was convinced at the time of Rubruck's voyage, and which Berke tried to exploit several years later, at the time when he contemplated the new campaign towards the West, remains an intriguing echo of the close contacts between the Franks from Constantinople and the Jochids.

REFERENCES

1. Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük, Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan Shih. *Zentralasiatische Studien*. 1976, vol. 10, pp. 117–167. (In German)
2. Aigle D. The letters of Eljigidei, Hülegü, and Abaqa: Mongol overtures or Christian ventriloquism?. *Inner Asia*. 2005, vol. 7/2, pp. 143–162.
3. Aigle D. *The Mongol Empire between Myth and Reality*. Leiden; Boston: Brill, 2014. 394 p.
4. Albrici monachi Triumfontium Chronicon. Scheffer-Boichorst P. (ed.). *Monumenta Germaniae historica, Scriptores*, XXIII. Hannoverae: Impensis Bibliopolii A. Hahniani, 1874, pp. 631–950. (In Latin)
5. Baronas D. The encounter between forest Lithuanians and steppe Tatars in the time of Mindaugas. *Lithuanian Historical Studies*. 2006, vol. 11, pp. 1–16
6. Chronica Iohannis Vitodurani. *Monumenta Germaniae historica, Scriptores rerum Germanicarum*, nova series, III. Baethgen F. (ed.). Berolini: Apud Weidmannos, 1924. xxxvii + 332 p. (In Latin and German)
7. Chronica minor auctore Minorita Erphordiensi. Holder-Egger O. (ed.). *Monumenta Germaniae historica, Scriptores*, XXIV. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1879, pp. 172–204. (In Latin)
8. Chronica Reinhardsbrunnensis. Holder-Egger O. (ed.). *Monumenta Germaniae historica, Scriptores*, XXX/1. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1896, pp. 490–656. (In Latin)
9. Claverie P.V. Deux lettres inédites de la première mission en Orient d'André de Longjumeau. *Bibliothèque de l'École des chartes*. 2000, vol. 158/1, pp. 283–292. (In French)
10. *Crusade and Christendom: Annotated Documents in Translation from Innocent III to the Fall of Acre, 1187–1291*. Bird J., Peters E., and Powell J.M. (eds). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. xxii + 514 p.
11. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. Menestò E. et al. (eds). Spoleto: Centro Italiano di studi sull'alto medioevo, 1989. 522 p. (In Latin and Italian)
12. Hautala R. Ot Batu do Dzhani-beka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriey (1) [From Batu to Janibek: Military Conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (1)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4/2, pp. 272–313. (In Russian)
13. Hautala R. Ot “Davida, tsarya Indiy” do “nenavistnogo plebsa satany”: antologiya rannih latinskih svedeniy o tataro-mongolah [From “David, Emperor of Indies” to the “Hateful Plebs of Satan”: Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian and Latin)
14. Hautala R. V zemlyah “Severnoy Tartarii”. *Svedeniya latinskih istochnikov o Zolotoy Orde v pravlenie hana Uzbeka (1313–1341)* [In the Lands of “Northern Tartary”. Information of the Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Özbeg Khan (1313–1341)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 976 p. (In Russian and Latin)
15. Hermannii Altahensis annales. Jaffé P. (ed.). *Monumenta Germaniae historica, Scriptores*, XVII. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1861, pp. 381–407. (In Latin)
16. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi*. Önnersfors A. (ed.). Berlin: De Gruyter, 1967. x + 44 p. (In Latin)
17. Jackson P. *The Mongols and the West (1221–1410)*. Harlow: Routledge, 2005. 448 p.

18. Jackson P. and Morgan D. (eds & trans.). *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke 1253–1255*. London: Hakluyt Society, 1990. 312 p.
19. Jahn K. (ed.). *Die Frankengeschichte des Rašid ad-Din*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften 1977. 109 p. (In German)
20. Jean de Joinville. *Histoire de Saint Louis*. De Wailly N. (ed.). Paris: Typ. de Firmin Didot frères, 1874. 689 p. (In French)
21. Ligeti L. Joannes Ungarus és az 1262. évi mongol követjárás [Joannes Ungarus and the Mongol Embassy of 1262]. *Az MTA Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei* [Announcements of the Department of Linguistics and Literature of the Hungarian Academy of Sciences]. 1981, no. 32, pp. 117–137 (In Hungarian)
22. Krakowski S. *Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku* [Poland in the Fight against Tartar Invasions in the thirteenth century]. Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1956. (In Polish)
23. Lupprian K.-E. *Die beziehungen der Päpste zu den islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert*. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981. 328 p. (In German)
24. Marco Polo. *The Description of the World*, vol. II. Moule A.C. and Pelliot P. (eds and trans.). London: G. Routledge, 1935. 595 p.
25. Matthaei Parisiensis *Chronica Majora*, I–VII. Luard H.R. (ed.). London: Longman & co, 1872–1882. (In Latin)
26. Mayorov A.V. Mongoly, Nikeya i Rim v seredine XIII stoletiya [The Mongols, Nicaea, and Rome in the middle of the thirteenth century]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2012, vol. 5, pp. 193–208. (In Russian)
27. Marzials F. (trans.). *Memoirs of the Crusades by Villehardouin and de Joinville*. London; Toronto: J.M. Dent & Sons, 1921. 340 p.
28. Meyvaert P. An unknown letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France. *Viator*. 1980, vol. 11, pp. 245–260.
29. Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. *Revue de l'Orient chrétien*. 1931–1932, vol. 8 (28), pp. 3–84. (In French)
30. Reichert F. Geographie und Weltbild am Hofe Friedrichs II. *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1995, vol. 51, pp. 433–491. (In German)
31. Richard J. À propos de la mission de Baudouin de Hainaut: l'empire latin de Constantinople et les Mongols. *Journal des Savants*. 1992, vol. 1, pp. 115–121. (In French)
32. Richard J. Sur le pas de Plancarpin et de Rubrouck: La lettre de Saint Louis a Sartaq. *Journal des Savants*. 1977, vol. 1, pp. 49–61. (In French)
33. Richard J. Une ambassade mongole à Paris. *Journal des Savants*. 1979, vol. 4, pp. 295–303. (In French)
34. Roberg B. Die Tartaren auf dem 2. Konzil von Lyon 1274. *Annuario Historiae Conciliorum*. 1973, vol. 5, pp. 241–302. (In German)
35. Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century: Encountering the Other*. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2001. 169 p.
36. Salimbene de Adam. *Chronica*. Bernini F. (ed.), vol. I–II. Bari: Giuseppe Laterza & figli, 1942. (In Latin)
37. Schmieder F. *Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1994. 396 p. (In German)
38. Shirley J. (ed.). *Crusader Syria in the thirteenth century. The Rothelin Continuation of the History of William of Tyre with Part of the Eracles or Acre Text*. London; New York: Routledge, 2016. vi + 156 p.
39. Sinor D. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Bela IV. *Cahiers d'histoire mondiale*. 1956, vol. 3, pp. 39–62. (In French)

40. Soranzo G. *Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari*. Milano: Pubblicazioni Dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. xii + 624 p (In Italian)
41. Theiner A (ed.). *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, vol. I. Osnabrück: Otto Zeller, 1968. 837 p. (In Latin)
42. Urbanski R. *Tartarorum gens brutalis – Trzynastowieczne najazdy mongolskie w literaturze polskiego średniowiecza na porównawczym tle piśmiennictwa łacińskiego antyku i wieków średnich*. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 2009. 323 p. (In Polish)
43. Uzelac A. Latin Empire of Constantinople, the Jochids and Crimea in the mid-thirteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, vol. 2/3, pp. 62–75.
44. van den Wyngaert A. (ed). *Sinica Franciscana*, Vol. I: *Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1929. 637 p. (In Latin)
45. Verlinden C. Boudewijn van Henegouwen: een onbekende reiziger door Azië. *Tijdschrift voor Geschiedenis*. 1952, vol. 65, pp. 122–129. (In Dutch)
46. Vincentius Bellovacensis. *Speculum Quadruplex sive Speculum Maius: Naturale, Doctrinale, Morale, Historiale*, Vol. 4: *Speculum historiale*. Graz: Akademische Druck u. Verlagsanstalt, 1965. 1334 p. (In Latin)
47. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R.A., Marston Th.E., and Painter G.D. (eds and trans.). New Haven: Yale University Press, 1965. xii + 291 p.
48. Vita Innocentii papae IV scripta á fratre Nicolao de Curbio ordinis minorum. *Rerum Italicarum scriptores*, III. Muratori L.A. (ed.). Mediolani, 1723, pp. 592a–592o. (In Latin)
49. Voegelin E. The Mongol orders of submission to European powers, 1245–1255. *Byzantion*. 1940/41, vol. 15, pp. 378–413.

About the author: Aleksandar Uzelac – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History, Belgrade (36/II, Kneza Mihaila Str., Belgrade 11000, Serbia); ORCID: 0000-0003-0626-2928. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Received June 17, 2020 Accepted for publication November 25, 2020

Published December 29, 2020

СВЯТОЙ ЛЮДОВИК И ДЖУЧИДЫ

Александр Узелац

Институт истории, Белград

Белград, Сербия

aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Цель исследования: анализ отношений между Джучидами и французским королем Людовиком IX. Особое внимание уделяется каналам, использовавшимся татарами в Понтийских степях для получения информации о политической ситуации в Западной Европе.

Материалы исследования: синхронные западные источники. Особенно важными для темы исследования являются «Итинерарий» фламандского францисканца Гильома де Рубрук и хроники, в которых засвидетельствовано посольство Берке к французскому королю в 1260 г.

Результаты и новизна исследования: татарский взгляд на средневековую Европу – недостаточно исследованная тема. В течение десятилетий, последовавших за монгольским нашествием, рассказы западных путешественников и хронистов остаются единственным материалом, на основе которого можно судить о взглядах Джучидов на Западную Европу. Тем не менее фрагментарные источники в нашем распоряжении показывают, что Джучиды использовали западных путешественников и посланников с целью получения информации о христианском мире. Следовательно, образ Людовика IX как предводителя христиан укоренился в джучидской среде в начале второй половины XIII в. Об этом свидетельствуют посольство Берке, отправленное в Париж в 1260 г., а также слова Гильома де Рубрук, записанные несколькими годами ранее. Согласно Гильому де Рубрук, сын Бату, Сартак, который считал Людовика IX «главным правителем франков», узнал о короле от его предшественника и путешественника, Бодуэна де Эно из Константинополя. Гильом де Рубрук и другие источники указывают на важность отношений Джучидов с Латинской империей, как канал, который татары использовали для того, чтобы познакомиться с западным миром.

Ключевые слова: Людовик IX (Святой Людовик), Джучиды, Сартак, Берке, Гильом де Рубрук, Константинополь, посольства, дипломаты

Для цитирования: Uzelac A. Saint Louis and the Jochids // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 662–674. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.662-674

Сведения об авторе: Александар Узелац – PhD (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград) (11000, ул. Кнеза Михаила, 36/II, Белград, Сербия); ORCID: 0000-0003-0626-2928. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Поступила 17.06.2020 Принята к публикации 25.11.2020
Опубликована 29.12.2020*

УДК 930.2

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.675-713

ТАТАРО-ГЕНУЭЗСКИЕ ДОГОВОРЫ 1380 И 1381 ГОДОВ***А.В. Джанов****Национальный заповедник «София Киевская»**Киев, Украина**alexanderdzhanov@gmail.com*

Цель: ввести в научный оборот уточненную транскрипцию и русский перевод татаро-генуэзских договоров 1380–1381 гг. между золотоордынскими правителями Солхата и представителями администрации генуэзской Каффы.

Материалы исследования: татаро-генуэзские договоры от 28 ноября 1380 г. и 23 февраля 1381 г.

Результаты и научная новизна: в настоящей работе публикуется уточненная транскрипция и перевод на русский язык татаро-генуэзских договоров, подписанных в сложный период золотоордынской истории, последовавший после поражения войск Мамай на Куликовом поле и с утверждением на престоле хана Токтамыша. Тексты договоров представляют собой дословный перевод с тюркского оригинала на разговорный лигурийский язык (dialetto). Некоторые элементы текста отражают стандартный формуляр ярлыков локальных правителей Золотой Орды, сохранившихся, в частности, среди венецианской документации. В договоре 1380 г. присутствует имя неизвестного ранее хана Золотой Орды – Конак-Бей. Основное пожалование генуэзцам заключалось в передаче 18 казалий (сельских общин) Солдаи и неоговоренного количества казалий Готии. В договоре 1381 г. к пожалованию были добавлены 3 казалии Чембало.

Ключевые слова: Крым, Солхат, Каффа, Солдаи, Чембало, Готия, титам (титан), хан Конак-Бей, повелитель Солхата Чаркасс бей, повелитель Солхата Ильяс бей.

Для цитирования: Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 675–713. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.675-713

Благодарности: Автор публикации искренне благодарит Ильяса Камалова за предоставленные для публикации фотокопии документов, а также Романа Хаутала за неоценимую помощь в переводе лигурийского текста договоров и дополнительные консультации.

THE TATAR-GENOESE TREATIES OF 1380 AND 1381

A.V. Dzhanov

National Conservation Area "St. Sophia of Kyiv"

Kyiv, Ukraine

alexanderdzhanov@gmail.com

Abstract: *Research objectives:* To provide an introduction to the scholarly circulation of an improved transcription and Russian translation of the Tatar-Genoese treaties dated to 1380–1381 which were concluded between the Golden Horde's rulers of Solkhat and representatives of the administration of Genoese Caffa.

Research materials: The Tatar-Genoese treaties of 28 November 1380 and 23 February 1381.

Results and novelty of the research: This paper introduces the improved transcription and translation into Russian of the Tatar-Genoese treaties signed during the most difficult period in the Golden Horde history which followed the defeat of Mamai's troops at Kulikovo and the subsequent ascension of Toqtamış Khan. The texts of the agreements are literal translations from the Turkic original into the spoken Ligurian language (*dialetto*). Some elements of the text reflect the standard form of the yarliqs (decrees) of local rulers of the Golden Horde which have been preserved, particularly within Venetian documents. The treaty of 1380 contains the name of the previously unknown khan of the Golden Horde, Konak-Bey. The main concession to the Genoese was the transfer of eighteen casalias (rural communities) of Soldaia and an unspecified number of casalias of Gotia. In the treaty of 1381, three casalias of Cembalo were added to the previous concession.

Keywords: Crimea, Solkhat, Caffa, Soldaia, Cembalo, Gotia, titam (titanus), Conac-bey Khan, lord of Solchat Iharcasso-bey, lord of Solchat Ellias-bey

For citation: Dzhanov A.V. The Tatar-Genoese Treaties of 1380 and 1381. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 675–713. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.675-713

Thanks: The author of this publication thanks Ilyas Kamalov for photocopy of documents and Roman Hautala for help in translating the Ligurian text.

В первом же историческом исследовании, затронувшем историю пребывания генуэзцев в Крыму, Гаспаро Луиджи Одериго привел выписки из двух татаро-генуэзских договоров, один из которых, по его сведениям, был заключен в 1380 г. между генуэзским консулом Каффы – Джанноне де Боско и «господином Солхата» Ильяс беем (dominus Solcati Ellias bey) [34, p. 138, 180–182; 37, p. 269–300]. При работе по подготовке своего труда он столкнулся с трудностями в доступе к государственным документам, даже очень древним. Как выяснилось впоследствии, копию договоров, хранившихся в составе Секретного государственного архива (Archivio segreto), он получил только благодаря протекции бывшего генуэзского дожа (1773–1775) Пер Франческо Гримальди (Pier Francesco Grimaldi) [35, p. 71–72]. Дальнейшая судьба генуэзских государственных архивов была печальна – очень скоро они на десятилетия станут недоступны для итальянских исследователей.

В 1805 г. Классом истории и древней литературы французского Королевского института в Геную для отбора исторических документов, предназначенных для вывоза в Париж, был направлен французский филолог–востоко-

вед Сильвестр де Саси. Среди большого количества отобранных им древних документов обнаружили и три татаро-генуэзских договора 1380, 1381 и 1387 гг.¹ Лишь в 1818 г. из печати вышел обзор этих находок [37, р. 85–90, 113–115]. Чуть позднее, барон де Саси осуществил первое научное издание договоров 1380 и 1387 гг., снабдив первый из них французским переводом, позаимствованным из первого обзора документа [38, р. 52–58]. По какой-то причине договор 1381 г. выпал из его поля зрения. Издатель был удивлен тем, что «господином Солхата» в нем значился некий Чаркасс бей (Iharcasso bey) или Зих бей (Zicho bey)², тогда как в публикации Одерико вместо него упомянут Ильяс бей. Опубликованный им текст представлял собой перевод с тюркского оригинала, написанного уйгурским алфавитом (*lingua ugarisca*), на латынь, а точнее говоря, на разговорный лигурийский диалект. Как значилось в заглавии, перевод был осуществлен 28 июля 1383 г. по приказанию консула Каффы, Мелиадучи Катани, о чем сообщалось в латинском предисловии к тексту собственно договора.

В 1855 г. Августино Оливьери издал текст, как ему казалось, того же договора, который был датирован в конце текста 1380 г. Публикация была осуществлена по копии XVIII в. Она находилась в рукописной тетради из библиотеки генуэзского университета, содержавшей различные выписки по истории Крыма в переводе на итальянский язык [35, р. 72–74]. Сверка этого текста позволяет сделать заключение, что именно эта дефектная копия в свое время и послужила источником публикации Гаспаре Одерико. В первой половине этого текста сторону Солхата представлял некий «господин Солхата» Ильяс бей, а во второй половине упомянут уже Чаркасс бей. Без сомнения, указанная копия была скомпилирована из двух подлинных договоров, по причине наличия лакун в разных частях обоих документов. Переписчик, считая, что перед ним две копии одного договора, не вдаваясь в подробности, соединил два фрагмента. К тому же он плоховато разобрался с палеографией документа и поэтому в некоторых случаях искажил текст, как в случае воспроизведения личного имени Мамай (Aiamay). Неопределенная ситуация с выходными данными договоров вызвала недоумение в научных кругах в течение десятков лет [26, р. 120; 10, с. 134–135].

Загадка двумённости повелителя Солхата была окончательно разрешена только после возвращения генуэзских документов из Парижа в Геную, среди

¹ После французской оккупации в 1797 г. и ликвидации аристократической Лигурийской республики, а также окончательной аннексии Францией в 1805 г. и ликвидации прежних административных институтов, генуэзские архивы пребывали в ужасном и запутанном состоянии, практически без охраны. Для выявления исторически наиболее важных и наиболее древних письменных памятников в Геную в 1805 г. и был направлен барон де Саси. Он отобрал самые древние пергаменные документы и поместил их в три особых ящика, которые в 1808 г. были вывезены в Париж. Видимо и наши два договора были в числе этих документов. Доподлинно, нам, однако, не ясно, обращался ли французский филолог к этим памятникам во время пребывания их в Париже; однако известно, что он всячески препятствовал отправке вывезенных из Генуи документов обратно после падения наполеоновской империи. Видимо ссылка де Саси на свою работу с публикуемыми документами именно в 1805 г. в своих публикациях 1818 и 1827 гг. была намеренной и преследовала целью скрыть факт пребывания их в Париже [20, р. 929].

² Этот второй вариант имени, являвшийся калькой с имени Чаркас, С. де Саси ошибочно принял за титул – шейх.

которых обнаружили в целостности и сохранности и три татаро-генуэзских договора. В 1873 г. венгерский востоковед Геза Кун, опираясь на данные, предоставленные ему заведующим архивом банка св. Георгия – Корнелио Дезимони, издал детальный анализ всех трех договоров [32, р. 23–24]. Однако ввиду того, что эта работа была опубликована только на венгерском языке, на нее мало кто обратил внимание.

Как ни странно, но только лишь в 1887 г. сам Корнелио Дезимони издал тексты договоров 1380 и 1381 гг., заключенных консулом Каффы Джанноно ди Боско и датированных с разницей в три месяца [22, р. 161–165; 39]. Транскрипцию текста для этой публикации осуществил выпускник Генуэзского университета, а впоследствии известный филолог Эрнесто Джакомо Пароди [18]. Оказалось, что первый из этих договоров был заключен с «господином Солхата» Чаркасс беєм или, по-иному, Зих беєм 28 ноября 1380 г., а второй – с «господином Солхата» Ильяс беєм, сыном Кутлу-Буги 23 февраля 1381 г. Текст их совпадает в большинстве деталей, за исключением места проведения переговоров, имен участников и большинства свидетелей с обеих сторон, что и вызвало путаницу в прошлом. Дезимони считал, что первый из них был лишь неподписанным проектом договора. Почему он принял эту точку зрения, не до конца понятно [27, р. 317–318]. Возможно, на его мнение повлияло то, что в нем не было фразы о подписании документа татарской стороной, но каковая присутствовала во втором. Во всяком случае, такой взгляд на ситуацию с этими двумя договорами остается господствующим до нашего времени, хотя очевидно, что он не имеет под собой почвы.

Текст перевода татаро-генуэзских договоров 1380 и 1381 гг. считался и считается одним из важнейших и редчайших памятников лигурийского языка XIV в. За время, прошедшее с их публикации, никто не подверг сомнению транскрипцию, выполненную Э. Пароди. Совсем недавно было осуществлено переиздание текста по публикации 1887 г., снабженного переводом на турецкий язык обоих документов. Параллельно были воспроизведены фотокопии лицевой и оборотной стороны документа [30, р. 130–141].

Итальянские исследователи обращались к тексту договоров, почти исключительно, как памятнику средневекового лигурийского языка. Однако они имеют такое же значение для истории генуэзской Каффы, Крыма и, конечно же, Золотой Орды.

Восточноевропейским исследователям издание 1887 г. в библиотеках было практически недоступно. Приходилось пользоваться цитатами из него, приведенными, преимущественно, в классических работах Гаспаре Луиджи Одериго, Петра Кеппена или Александра Васильева. В настоящее время это редчайшее издание стало доступно широкому кругу исследователей в открытых электронных библиотеках.

Существующий уже более столетия запрос на детальное исследование этих исторических документов привел к появлению значительной по объему работы В.М. Талаха, основанной, к сожалению, на давно устаревших транскрипциях текста, и муссировании старых и, объективно, ошибочных интерпретаций, которые усугубились собственными фактическими ошибками и неоправданными допущениями [11]. К великому сожалению, в этой публикации для перевода договора 1380 г. была взята даже не транскрипция Эрнесто Па-

роди, а еще более несовершенная – Сильвестра де Саси. Происхождение транскрипции текста договора 1381 г. даже невозможно идентифицировать, ибо в ней встречаются фрагменты, заимствованные из дефектной копии XVIII в., опубликованной Агостино Оливьери. Кроме того, текст, взятый за основу перевода, изобилует большим количеством явных искажений, которые являются артефактами неотредактированного OCR распознавания текста. В результате всего этого появилась досадная ошибка в дате заключения договора: то ли в 1, то ли в 20 дней – 27 или 7 день месяца Зу-ль-каада, вместо правильной даты – 28 день месяца Зу-ль-каада. К сожалению, эти погрешности существенно снижают, если не дискредитируют вообще, качество публикации. И все это, несмотря на явно искреннее желание автора наконец разрешить важный исторический эпизод.

Однако детальный разбор имеющихся гипотез и интерпретаций относительно татаро-генуэзских договоров 1380 и 1381 гг. не входит в задачи этой публикации. Мы решили отталкиваться исключительно от текста источника, предоставив возможность интерпретаций содержания другим.

Близкое знакомство с публикацией Корнелио Дезимони 1887 г. не могло не поставить новых вопросов в изучении этих важнейших для истории Крыма и Золотой Орды документов. Так, в 2013 г. в печати появилось сообщение А.Л. Пономарева, вероятно, знакомого с оригиналом документа, внесившее коррективу в понимание заключительной части договора 1380 г., где содержался список свидетелей. Исследователь справедливо усмотрел здесь имя неизвестного ранее науке хана Золотой Орды – Конак-Бея [8, с. 173]. Однако это наблюдение осталось без детального разбора, к великому сожалению, отложенного, видимо, на будущее, которое так и не наступило.

Анализ текста, опубликованного Корнелио Дезимони, а также фотокопии заключительной части оригинала договора 1380 г., случайно обнаруженной в сети интернет, привело автора этой публикации к параллельным предварительным выводам. Прежде всего, внимание было обращено на наличие в оригинале пунктуации, которая могла бы, в частности, помочь распознать порядок именованых лиц, утвердивших договор с татарской стороны. Выяснилось, что расположение знаков пунктуации, воспроизведенных (а не расставленных на свое усмотрение публикаторами) в публикациях 1827 и 1887 гг., не всегда соответствовало оригиналу. Стало ясно, что памятники должны быть повторно изданы, сверяясь с оригиналом. Благодаря любезности Ильаса Камалова и посредничеству Ильнура Миргалеева и Владислава Гулевича мы получили цветные фотокопии обоих документов, на основании которых публикуем откорректированную транскрипцию документов.

Татаро-генуэзский договор 1380 г.

Документ представляет собой лист пергамена вертикальной ориентации размерами 47,4 на 23,5 см. Лист был сначала сложен внутри текстом поперек высоты в пять раз, а затем перегнут еще вдвое. На это указывают следы сгибов, потертости углов и степень загрязненности наружных сторон.

На пергамене имеются следы плесени, что, возможно, является артефактом пожара, вспыхнувшего во время бомбардировки Генуи французской военно-морской артиллерией 1684 г., и его тушения. Хорошо известно, что генуэзские архивы, в частности архив банка св. Георгия и старый архив нотариальной

коллегии, сильно пострадали во время пожара 1684 г. Часть документации, имеющей отношение к Каффе, имеет похожие повреждения. В конце XVIII в. документ хранился в составе Секретного архива Генуи, который, очевидно, в XVII в. пребывал в палаццо Дожей. Хорошо известно, что палаццо Дожей также сильно пострадал во время бомбардировки 1684 г. Документ отреставрирован. В тексте имеются физические лакуны пергамена, а сохранившийся текст частично смыт, что доставляет немало препятствий для чтения.

Почерк документа вполне ясный и представляет собой готический минускул XIV – начала XV вв. Сокращения слов в латинском тексте минимальны и не представляют сложности для раскрытия. В лигурийском тексте они сведены почти исключительно к изъятию из строки литер N, M и R в середине и конце слов, сопровождаемому надстрочными знаками сокращения (особым для R – в виде волнистой линии, концы которой опущены вниз). В редких случаях присутствует сокращение гласных на конце частиц. Применена также характерная аббревиатура для *per*. Выносных литер всего несколько. В одном из случаев вынесена вверх аббревиатура предлога *per*, пропущенного по ошибке переписчика.

В тексте применены три вида знаков пунктуации: точка в классической форме в нижней части строки, запятая в виде тонкой косой или вертикальной черты и горизонтальное двоеточие посередине высоты строки. С пониманием функций первых двух знаков изначально проблем не возникает. Двоеточие же проставлено вместо пропущенных по какой-то причине личных имен. Точно такое же явление наблюдается в бухгалтерских книгах массарии Каффы, а также в единственной сохранившейся книге регистрации публичных актов Каффы за 1381–1382 гг. В книгах второй половины XIV в. двоеточие проставлялось в нижней части строки. Примеры срединного положения двоеточия имеются в бухгалтерской книге массарии Каффы 1456–1457 гг. Обычной точкой отделены все отдельные статьи договора, которые являются по сути дела предложениями, иногда очень длинными. Кроме того, точкой отделены имена свидетелей в конечной части документа. Причем, в сложных именах (такой-то, сын такого-то) точками отделено все сложное имя. Точно так же полностью отделены имена, которые сопровождают наименование должности (такой-то, представитель такого-то). Иногда точка и запятая проставлены в одном месте. Во всех случаях, как нам кажется, первоначально была ошибочно проставлена запятая, которая затем была заменена на точку, исходя из структуры документа. К тому же точка выполнена более темными чернилами, точно такими же, которыми выписан пропущенный предлог *per*, внесенный при проверке готового текста.

Основная часть документа представляет собой дословный перевод текста договора, составленного перед 29 днем месяца Шабан 782 г.х. (28 ноября 1380 г.) (или в тот же день) в ближайших окрестностях Каффы, в местности «Три холма» между городом и горой Йақхим. 29 Шабана, перед самым началом месяца Рамадан, текст договора, изначально записанного на тюркском языке уйгурским алфавитом, был утвержден во дворце Чаркасс бея в Солхате внесением списка свидетелей (по 4 от каждой стороны) писарем Шейх-Ассаном, о чем и упомянуто в конце текста. После этого готовый договор, очевидно удостоверенный печатью, был передан в Каффу. Перед 28 июля

1383 г. (или в тот же день) договор был переведен в Каффе на разговорный лигурийский диалект. 28 июля 1383 г. текст перевода был вписан в регистрационный картулярий публичных актов курии Каффы и снабжен предварительной справкой на латинском языке об обстоятельствах перевода. Лишь после этого с записи в картулярии курии была изготовлена копия на пергамене, о чем говорит пометка в нижней части лицевой стороны документа. Документ был сложен в шестеро, а на наружной стороне появилась помета о времени составления и содержании документа. В таком виде он впоследствии и оказался в Генуе. Сам факт внесения текста договора в картулярий регистрации публичных актов курии Каффы свидетельствует о том, что договор был ратифицирован властями Каффы, а оригинал, конечно же, был заверен по всем правилам и не вызывал сомнений в подлинности.

Договаривающиеся стороны. Татарскую сторону на переговорах представлял Чаркасс бей как правитель Солхата и полуострова Крым. Он действовал в рамках полномочий, предоставленных ему ханом, что подтверждалось ханской пайзой. Имя хана в лигурийском переводе опущено, и, судя по всему, отсутствовало в тюркском оригинале. Генуэзскую сторону представляли: полномочный консул Каффы Джанонно ди Боско, два массария – Терамо Пикенотти и Бернабоне Рицци, наделенные полномочиями советом Каффы и, соответственно, коммуной Генуи.

Предмет договора состоял в обоюдном желании продолжать дружественные отношения между генуэзцами и золотоордынским ханом, каковые имели место при прежних ханах. При этом с инициативой заключения договора, с большой долей вероятности, выступала именно татарская сторона.

Обязательства генуэзской стороны, которые представители администрации Каффы поклялись исполнять, насчитывают пять пунктов: 1. Быть в дружбе с ханом; 2. Быть врагами его врагов и друзьями его друзей; 3. Не принимать в свои города и крепости врагов и предателей хана; 4. Допускать в Каффу титама, который будет судить пришлых подданных хана. Судьей же всех постоянных жителей Каффы, независимо от их происхождения, будет консул; 5. Допускать в Каффу сборщика ханской таможенной пошлины, который будет ее взимать, согласно изначальному обычаю.

Обязательства татарской стороны: 1. Передать из состава ханства 18 казалий, которые принадлежали Солдаёе, когда она была занята генуэзцами, и которые у них позднее отобрал силой Мамай; 2. Передать из состава ханства Готию от Чембало до области Солдаи с казалиями, землей, водами и людьми, которые являются христианами; 3. Разрешить генуэзцам и их подданным сеять посевы на территории ханства, пасти скот и обладать имуществом с условием, что они будут платить амбарную подать; 4. Все торговцы на территории ханства будут в безопасности, и к ним не применятся новых обычаев или налогов; 5. Если раб или рабыня убегут из Каффы в Солхат и из Солхата в Каффу, то таковые должны быть возвращены, а за поимку никто не вправе требовать более 35 аспров; 6. Если подданный хана имеет претензии к генуэзцу, то рассудить их спор должен консул Каффы; 7. Если есть претензии к подданному хана, то судить его должен титам, если спор происходил в Каффе, или господин Чаркасс бей – в Солхате.

Свидетели с генуэзской стороны: 1. Лучано Литурфи (банкир); 2. Марко Спинола; 3. Раффо ди Фачо; 4. Джованни ди Камольи (в 1381 г. викарий мор-

ского побережья Готии). Переводил, во время переговоров между консулом и повелителем Солхата, переводчик с татарского («уйгурского») языка коммуны Каффы – Джованни Рицци. Все эти лица часто упоминаются в бухгалтерской книге массарии Каффы 1374–75 и 1381–82 гг.

Свидетели с татарской стороны: 1. Ак-Бога бей, сын Искандер бея; 2. Токолуш бей, сын Хаджи-Маш бея (Хаджи-Имаш?); 3. Мевляна Мукаррам, поверенный господина Хошкельды; 4. Омар-Ходжа, поверенный хана Конак-Бея.

Представитель татарской стороны – верховный правитель Солхата и «острова Солхата» Чаркасс бей в тексте договора только три раза назван этим именем. Во всех остальных случаях (семи) он назван Зихом. Несомненно, оба варианта имени происходят от внешних этнонимов северокавказского народа адыгов (адыгэ). Оба этнонима имеют разное происхождение и время появления. В синонимичности обоих наименований не приходится сомневаться. Сведения об этом имеются у Иоганна Шильтбергера [9, с. 120; 19, р. 78], Иоганна де Галонифонтибуса [31, р. 110; 42, р. 93], Бертрандо ди Миньярелли [25, р. 57–74] и Джорджо Интериано [29; 1, с. 47]. Представляется, что переводчик договора буквально переводил имя Чаркасс, которое находилось в оригинале, классическим Зих, поскольку для жителя Каффы они были на практике эквивалентными.

Кроме нашего документа Чаркасс бей в статусе «господина Солхата» известен по одной из записей из бухгалтерской книги массарии Каффы 1381 г. Это уникальное известие сохранилось лишь случайно в книге массарии 1381–82 гг., куда были внесены неоплаченные казной траты прежней администрации во главе с консулом Джанноно ди Боско. Сама запись датирована 4 мая 1380 г. Тогда он посетил в Каффе титама Хачатура, а администрация Каффы ассигновала 40 аспров на покупку вина для этой встречи. Это, очевидно, была не единственная сумма, истраченная на прием татарского владельца соседнего города и всего полуострова, но единственная, до нас дошедшая. Больше никаких известий о нем обнаружить не удалось. Тождество его с временщиком эмиром Черкес-Беком, чеканившим монеты в Хаджи-Тархане в 776 г.х. (1374–75 гг.) или соперником Мамай, Урус-хана, Айбека – Хаджи-Черкесом, упомянутым египетским историком Ибн Халдуном [14, с. 277], для контекста нашей публикации не актуально, а ввиду разрозненности сведений – недоказуемо. Статус Чаркасс бея в мае 1380 г. как «господина Солхата», возможно, свидетельствует о его лояльности к Мамаю и его креатуре, хану Мухаммеду (1374–1380).

Имя хана, от имени которого действовал Чаркасс бей в ноябре 1380 г., и чью пайзу он имел на руках, в интитуляции лигурийского перевода договора от ноября 1380 г. не указано, точно так же, как, совершенно очевидно, оно не было указано и в тюркском оригинале. В латинском введении к переводу вместо имени хана поставлено двоеточие перед титулом. Это, конечно же, может дать повод для очередных спекуляций насчет того, что сохранившийся документ был лишь проектом следующего договора от февраля 1381 г., однако и в нем имя хана отсутствует.

Сам факт отсутствия имени хана в основной части документа несколько не должен смущать. В ярлыках правителей Солхата Рамадана 1356 г. и Кут-

луг-Бути 1358 г. [24, р. 25–26, 51–52] венецианцам наблюдается аналогичное явление. Видимо, в золотоордынском формуляре присутствие имени правящего хана, в ярлыках и иных документах локальных правителей, жестко не регламентировалось. В ярлыках самих ханов оно присутствует преимущественно лишь в начальной части документов в форме «имярек слово мое» или с обратным порядком слов.

Увеличенные изображения удостоверительного раздела
татаро-генуэзского договора 1380 г. с именем хана Конак-Бей

Enlarged images of the certification part of the 1380 Tatar-Genoese treaty
with the name of Konak-Bey Khan

Следует указать, что в бухгалтерских книгах массарии Каффы 1374–75 и 1381–82 гг. имя хана также повсеместно отсутствует, лишь в нескольких записях от весны 1381 г. встречается загадочное именование хана титулом «император Таны» (*imperator Tane*). По всей видимости, в период «Замятни», когда генуэзцы контактировали преимущественно с креатурами Мамая, в каффской канцелярии выработалась традиция пропуска имени хана в документации, чтобы избежать неудобных моментов в момент подтверждения прежних актов у ханов – преемников.

Тем не менее имя хана в акте от 28 ноября 1380 г. все же присутствует. Среди свидетелей с татарской стороны есть имя некоего Омар-Ходжи, «поверенного хана Конак-Бей» (*Omarcoia messo de lo Imperao Conachbey*). Чтение не вызывает сомнений. Полное имя свидетеля отделено точками. Имя этого хана в других источниках отсутствует. Был ли это ставленник Мамая, возведенный на трон после поражения и гибели хана Мухаммеда Бюлека (1374–1380) в битве на Куликовом поле, или же это был самостоятельный претендент, выяснить, ввиду отсутствия параллельных источников, не представляется возможным. Единственное, что можно сказать: власть его продлилась недолго. В первых месяцах следующего 1381 г. в Крым и Солхат прибывает новый правитель, ставленник «императора Таны» (Токтамыш?), Ильяс бей, сын Кутлуг-Бути.

Следует отметить, что в латинских текстах, при упоминании татарского хана, употребляется традиционная формулировка: *dominus имярек imperator Tartarorum*. Именно в таком порядке, когда личное имя предшествует титулу,

или вовсе без личного имени, «хан татар» упоминается в подавляющем большинстве генуэзских документов. Хотя, в принципе, этот порядок слов при воспроизведении имен правителей (и других личностей) не был жестко регламентирован в средневековой латыни, но все-таки был наиболее предпочтительным (в том числе и в эпиграфике), особенно в официальных текстах, начиная с античной эпохи. В позднесредневековых диалектных текстах, в условиях использования артиклей, последовательность расстановки имени и титула (должности) становится более свободной. В переводных же документах порядок слов должен был, преимущественно, сохранять ту же последовательность, которая была в иноязычном оригинале. В качестве близкого примера приведем обратные по порядку слов формулировки из диалектных переводов ярлыков хана Джанибека 1347 г. и Бердибека венецианцам 1358 г.: «Li Venetiani Franchi manda requirando allo imperador grande Usbeccho...»; «Lo Imperador Usbech; lo imperador Zanibech; lo imperador Berdibech» [23, p. 311–313; 24, p. 48–51]. Все эти примеры, как нам кажется, достаточно ясно указывают на правомочность утверждения, что в удостоверительной части татаро-генуэзского договора 1380 г. указано имя хана, от чьего лица и заключил этот договор «господин Солхата» Чаркасс бей и чей представитель – Омар-Ходжа присутствовал при его утверждении.

Место проведения переговоров в тексте договора обозначено топонимом «Три холма» (treu rozì). Слово rozò имеет совершенно однозначное толкование в большинстве романских языков как ‘колодец’. Однако в словарях лигурийского языка присутствует и весьма схожее слово rozzo, которое иногда на письме принимало форму rozò и означает ‘вершина’, ‘гора’, ‘холм’ [16, p. 276]. Исследователи до сих пор понимали это выражение договора именно как «три колодца», прислушиваясь к авторитету Сильвестра де Саси, который именно таким образом перевел его на французский язык (и был совершенно прав в виду изолированности контекста)³. Поиски на топонимических картах тюркской кальки для «трех колодцев» – Уч-Кую, Ус Quуи, в районе Каффы, не привели ни к чему. Сведения же генуэзских документов, в частности бухгалтерских книг массарии Каффы, позволяют нам сделать вывод, что в нашем случае топоним treu rozì следует переводить как «Три холма».

³ «Les présentes promesses et conventions ont été faites entre Caffa et la montagne de Jachim, devant les Trois Puits» [37, p. 58].

Фрагмент плана Каффы 1784 г. (Российский государственный военно-исторический архив, ф. 846, оп.16, д. 22008).

Fragment of Caffa's plan of 1784 (Russian State Military Historical Archive, fund 846, inventory 16, file 22008)

«Три холма» или «Три холмика» (лат.: Tres Montaculi, Tria Monticuli, Tres Montagnoli; тюркск.: Уч-Оба (?), Уч-Тобе (?)) начиная с 1442 г. часто упоминаются в бухгалтерских книгах массарии Каффы как место встречи татарско-

го хана и его представителей с властями генуэзской Каффы, в том случае, если они не испытывали большого желания входить внутрь ее крепостных стен. В течение 1380–1382 г. власти Солхата были более беспечными и без страха посещали город. Однако уже Хаджи-Гирей, насколько нам известно, в отличие от своего сына Менгли-Гирея, ни разу не входил внутрь стен Каффы. Впоследствии обычай (?) строго воспрещал крымским ханам ночевать в пределах крепостных стен османской Кефе [6, с. 21; 7, с. 112].

По всей видимости, «Три холма» были традиционным местом встречи в ближайших окрестностях Каффы. Можно, без сомнения, предполагать наличие вблизи этого места источника питьевой воды, поскольку татарские делегации пребывали здесь иногда не один день. Также не подлежит сомнению, что татарская сторона для переговоров всегда приходила со стороны Солхата. Таким образом, эту местность следует искать поблизости от дороги из Каффы в Солхат (нынешнее Симферопольское шоссе в г. Феодосии).

Упомянутая гора Йақхим, видимо, соответствует горе Паша-Тепе, поскольку это, хотя и не единственный, но самый заметный обособленный орографический объект вблизи Каффы, со стороны Солхата. На карте Каффы и окрестностей 1784 г. между городом и горой Паша-Тепе к юго-востоку от дороги как раз и отмечены три заметных всхолмления, между которыми обозначен фонтан, каменный (?) мост через балку и еще какие-то постройки. Это означает, что этот объект был достаточно примечательным даже во второй половине XVIII в. В настоящий момент местность находится под современной застройкой, но на топографических картах довоенного времени вхолмление всё ещё было обозначено. Высота его составляла порядка 36,6 м над уровнем моря.

Относительно границ земельного участка, принадлежавшего генуэзской Каффе, а затем османской Кефе, можем привести лишь достаточно позднее, но заслуживающее особого внимания, свидетельство османского историографа хана Сахиб-Гирея (1532–1551) – Реммаль-Ходжи. По его сведениям, на момент взятия Каффы османскими войсками в 1475 г. граница земли Каффы едва доходила до горы Паша-Депеси (нынешняя г. Паша-Тепе) [41, р. 116–117, 249–250; 12, с. 213–214]. Во всяком случае, этот текст полностью разрушает столетний исторический миф, бытующий в историографии, об обширной округе генуэзской Каффы.

Татаро-генуэзский договор 1381 г.

Документ представляет собой лист пергамента вертикальной ориентации, размерами 56,9 на 24,1 см. Лист сначала был сложен текстом внутрь в шесть раз, а затем был перегнут еще раз вдвое. На это, как и в предыдущем документе, указывают следы сгибов, потертости внешних углов, вплоть до утраты, и загрязненность внешних сторон.

Документ несет такие же следы плесени, которые имеются на предыдущем. Документ отреставрирован. В тексте имеются физические лакуны пергамента и самого текста, не без труда восстанавливаемые.

Почерк документа вполне ясный. Не вызывает сомнения то, что обе копии были написаны рукой одного сcribes – Джулиано Панисарио, о чем и сказано в заключительных клаузулах обоих документов. Система сокращений и пунктуации идентична таковой же в предыдущем документе. Примеча-

тельно использование литеры k при транскрипции восточного имени свидетелей – Акбаш (Ackbas, кыпчакск. Aqbaş). Графически она представляла собой литеру h, перечеркнутую сверху горизонтально. Подобное начертание использовалось сcribes массарии Каффы при ведении бухгалтерских книг, например в аббревиатуре слова karatus.

Основная часть документа (44 с половиной строк текста) представляет собой дословный перевод с тюркского оригинала на лигурийский язык договора, предварительно составленного перед 28 днем месяца Зу-ль-каада 782 г.х. (23 февраля 1381 г.) во дворце коммуны Каффы. Основной текст договора был записан письмоводителем коммуны Антонио Мазурро на латинском (?) языке и был удостоверен именами шести представителей татарской стороны. С оригинала, в свою очередь, в Каффе переводчиком коммуны с (на) тюркского языка – Франческо ди Джибелетто было изготовлено два экземпляра перевода договора на тюркском языке, записанного уйгурским алфавитом. Один из них был утвержден печатью коммуны. 23 февраля все три экземпляра были рассмотрены «господином Солхата» Ильяс беем в своем дворце в Солхате. По крайней мере, один из экземпляров на тюркском языке дополнительно был удостоверен пятью свидетелями с татарской стороны, после чего к готовому тексту было прибавлено еще несколько строк, содержащих удостоверяющие клаузулы и список свидетелей, и, очевидно, приложена печать Ильяс бея. Лишь после этого готовый текст договора был отправлен в Каффу.

Перед 28 июля 1383 г. (или в тот же день) в Каффе договор был переведен переводчиками коммуны: Франческо Джибеллетто и Лучано Каллигепарии на разговорный лигурийский диалект. 28 июля 1383 г. текст перевода был внесен в регистрационный картулярий публичных актов курии Каффы нотариусом и письмоводителем курии – Джулиано Панисарио и снабжен предварительной справкой об обстоятельствах перевода на латинском языке. После того с этой записи в картулярии курии рукой Джулиано Панисарио была изготовлена копия на пергамене, о чем говорит помета в нижней лицевой части документа. Далее документ был сложен всемеро, а на наружной стороне появилась помета о времени составления и содержании документа. В таком виде он впоследствии и оказался в Генуе.

Договаривающиеся стороны. Татарскую сторону, как указано в тексте договора, представлял Ильяс бей как правитель Солхата и полуострова Крым. Он действовал в рамках полномочий, предоставленных ему ханом, что подтверждалось ханской пайзой. Однако лично он при обсуждении и составлении предварительного текста договора во дворце коммуны Каффы не присутствовал. Татарскую сторону на переговорах представляла делегация его представителей. Возглавлял её посол Ильяс бея – Комарджи, сын Акбаш бея. Вторым по важности представителем был поверенный Ильяс бея – Байрам-Ходжа, имевший на руках пайзу хана. Кроме них, в состав посольства входили: Ходжа-Исса, сын Хаджи-Давуда; Ала-ад-Дин, из Дио дель'Оро; Ходжа-Асан, сын Макомета; Макомет из Таны. Генуэзскую сторону, как и в прошлый раз, представляли: полномочный консул Каффы Джанонно ди Боско, два массария – Терамо Пикенотти и Бернабоне Рицци, а также члены совета Каффы.

Из имен татарских представителей следует обратить внимание на имя некоего Ала-ад-Дина (в оригинале: Alauadim de lo dio de loro). Если с транслитерацией собственно имени не возникает проблем, то вторая часть имени

представляет собой некоторую загадку. Если попытаться перевести его с итальянского, как это попытался сделать Гёза Кун, то выходит не вполне удобное выражение «их бога», что заставило исследователя предполагать, что этот Ала-ад-Дин был представителем мусульманского духовенства. Нам кажется, что слово, принятое за местоимение «их» (lo), вовсе не следует рассматривать как местоимение. В лигурийском языке местоимение lo конечно же применялось, но было, так сказать, «итальянизмом»; вместо него повсеместно в лигурийских диалектах использовалась, преимущественно, форма lor, которая присутствует и в тексте нашего договора (28 строка). По всей видимости, во второй части имени Ала-ад-Дина произошло обычное для этого времени слияние артикля lo со следующим элементом – ого, который начинался на гласную. Примеры такого слияния артиклей с топонимами присутствуют в книге массарии Каффы 1381–82 гг.: Larpati = l'Arpati ≈ lo Arpati, Larbato = l'Arbato ≈ lo Arbato. По всей видимости, вторая часть имени представляла собой какой-то неизвестный нам топоним. Отбросив артикли, мы получим Дио Оро, а учитывая взаимозаменяемость в лигурийском языке L и R, особенно в ономастике, то возможна и форма Дио Оло (+ варианты с заменой O на U). Образование же сложных имен по схеме *имя + место происхождения* не требует никаких дополнительных объяснений.

Имя еще одного представителя татарской делегации – Ходжа-Асана, сына Макомета, можно было бы связать с Шейх-Ассаном, сыном покойного «господина Солхата» – Хаджи-Макомета, сведения о котором присутствуют в книге массарии Каффы 1381–82 гг. (Sic Assan filius quondam Agimasomet domini Sorchati)⁴. Однако для этого недостаточно оснований.

Предмет договора традиционно состоял в обоюдном желании продолжать дружественные отношения между генуэзцами и золотоордынским ханом, каковые имели место при прежних ханах. При этом с инициативой заключения договора, с большой долей вероятности, выступала именно татарская сторона.

Обязательства генуэзской стороны, которые они обязались исполнять, аналогичны тем, что были зафиксированы в договоре 1380 г.: 1. Быть в дружбе с ханом; 2. Быть врагами его врагов и друзьями его друзей. 3. Не принимать в свои города и крепости врагов и предателей хана; 4. Допускать в Каффу титама, который будет судить пришлых подданных хана. Судьей же всех постоянных жителей Каффы, независимо от их происхождения, будет консул; 5. Допускать в Каффу сборщика ханской таможенной пошлины, который будет ее взимать, согласно изначальному обычаю.

Обязательства татарской стороны: 1. Передать из состава ханства 18 казалий, которые принадлежали Солдае, когда она была занята генуэзцами, и которые у них позднее отобрал Мамай; 2. Передать из состава ханства Готию от Чембалло до области Солдаи с казалиями, землей, водами и людьми, которые являются христианами; 3. Передать из состава ханства 3 казалии Чембалло; 4. Разрешить генуэзцам и их подданным сеять посевы на территории ханства, пасти скот и обладать имуществом с условием, что они будут платить амбарную подать; 5. Все торговцы на территории ханства будут в безопасности, и к

⁴ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1226. f 11^v (далее в тексте ссылка на рукопись: MC 1381).

ним не применится новых обычаев или налогов; 6. Если раб или рабыня бегут из Каффы в Солхат и из Солхата в Каффу, то таковые должны быть возвращены, а за поимку никто не вправе требовать более 35 аспров; 7. Если подданный хана имеет претензии к генуэзцу, то рассудить их спор должен консул Каффы; 8. Если есть претензии к подданному хана, то судить его должен титам, если спор происходил в Каффе, или Чаркас бей – в Солхате.

Как следует из текста пожалования, по сравнению с прежним договором в соглашении 1381 г. исчезло уточнение о том, что жители казалий Готии были христианами. На наш взгляд, не стоит придавать особое значение этому факту, который может оказаться случайностью. Гораздо более существенным является прибавление о пожаловании трех казалий в округе Чембало. Бухгалтерская книга массарии Каффы 1381–82 гг. фиксирует факт включения неназванных по имени и числу казалий Чембало в налоговую ведомость, наряду с казалиями Солдайи и Готии в декабре 1381 г.⁵

Свидетели с татарской стороны при утверждении договора в Солхате:

1. Реджиб сын Итурлу; 2. Мерет-Бога бей сын Яголтай бей; 3. Комарджи, сын Акбаш бей; 4. Пандасени Чаркассо. Обязанности переводчика в Солхате исполнял Джованни Рицио.

В обоих договорах упоминается об обязательном присутствии в Каффе некоего «татарского» чиновника, названного *titam* (лат. *titanus*). В сферу его полномочий, судя по контексту самих договоров, входило юридическое (судебное) представительство исключительно подданных хана. Те же самые полномочия оговорены в тексте Статута Каффы 1449 г. (*titanus seu vicarius canlucorum*) [15, с. 763; 21, р. 650, § 461]. Первый издатель текста Статута – В.Н. Юргевич высказал предположение, что этот термин связан с тюркским титулом или же должностью «тудун», который был известен преимущественно по византийским источникам [15, с. 830–831, прим. 114]. Однако, никаких особых филологических или документальных подтверждений этому до сих пор так и не было найдено. В дальнейшем В. Гейд, в свою очередь, связал термин *titano* (так у В. Гейда, в источниках именно такая форма не встречается) с титулом *capitano della campagna* (*governatore della campagna*), который известен по генуэзским документам 2-й половины XV–XVI вв. [26, р. 155–156]. В последующей научной литературе, посвященной с генуэзскому присутствию в Крыму, схема *titano* = тудун = *capitano della campagna* оставалась и остается непоколебимой, хотя она исключительно искусственна. К ней со временем добавлялись так же вымышленные детали, например, о том, что эту должность занимали исключительно татары [5, с. 209]. Вразрез с последним мнением, французский исследователь М. Балар обнаружил в книгах массарии Каффы 1374–75 гг. и 1381–82 гг. имя одного титама (титана) по имени Хачатур (*Caihador*), а в 1386–87 гг. – еще одного, по имени Пандасени (*Pandaseni*) [17, р. 286]. Были и, мягко говоря, не совсем удачные попытки интерпретировать первое из имен вкупе с должностью (*Caihador titanus*), как наименование особой должности – «кетхюда тудун» [2, с. 192–194].

В источниках имеется некоторое количество реальных данных, которые имеют отношение непосредственно к титаму (титану), находившемуся в Каффе. Впервые в документах титам упоминается в сборнике генуэзских

⁵ *Cartularium introitus casalium Soldaye Gotie et Cimballi* [MC 1381 f 294^v; 3, с. 244].

законов 1363 г., где речь идет о том, что консул Каффы ежегодно получал от титама или коммеркиариев 4000 аспров – вероятно, давно оговоренной суммы⁶. Эта сумма регулярно попадает в доход коммуны Каффы и фигурирует в книгах массарии Каффы второй половины XIV в.⁷ [3, с. 162, 186]. В 1374–1382 гг. эту должность занимал некий Хачатур, по всей видимости, армянин по происхождению. Свою должность Хачатур занимал длительный период. Его дом находился где-то возле главных ворот Каффы, которые, конечно, были теми воротами, от которых начиналась дорога в Солхат. Во всяком случае, внутри крепостных стен находился какой-то склад, принадлежавший лично Хачатуру⁸. Видимо, даже свое название «ворота Хачатура» они получили из-за того, что где-то рядом стоял дом титама Хачатура. К 1386 г. почившего Хачатура сменил титам Пандасени, который, надо полагать, какое-то время исполнял еще и должность сборщика ханского коммеркия⁹. Возможно, титам Пандасени идентичен представителю Ильяс бея в договоре 1381 г. – черкесу Пандасени. В более поздних источниках имена ханских титамов Каффы в источниках нами (пока?) не обнаружены. В целом, данные татаро-генуэзских договоров и Статута Каффы 1449 г. дают четкое представление о полномочиях титама. Домысливать им дополнительные функции представляется излишним.

Вполне вероятно, что титул или наименование должности *titam* является золотоордынским отражением наименования китайско-монгольской чиновничьей должности *tidem*, со значением ‘распорядитель’, ‘инспектор’, ‘управля-

⁶ «И [консул] не может использовать, требовать либо присваивать или же обращать в свое пользование, те 4 000 аспров, что консулы имели обыкновение получать, и изымать у титана или коммеркиариев. Эти 4 000 аспров в дальнейшем должны быть взяты и истрачены синдиками коммуны» (*Nec possit habere, petere vel recipere, seu in usum suum convertere, asperos quatuormillia quos solitum est consules recipere et habere a Titano sive a comerihariis. Qui asperi quatuormillia deinceps percipi et haberi debeant per syndicos comunis*) [33, col. 361].

⁷ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1225. f 36^r (далее в тексте ссылка на рукопись: MC 1374); MC 1381 40^r.

⁸ «Дня первого августа. 1386. Склад один с оградой и постройками, который принадлежал покойному господину Хачатуру, прежнему т(ит)аму, в Каффе находящийся, в бурге у главных ворот Хачатура, который был продан Санбеем, сыном и наследником упомянутого господина Хачатура и Эмкинам, женою упомянутого господина Хачатура и матерью упомянутого Санбея генуэзской коммуне в Каффе в лице господ Леонардо Дустиниано и Коррадо Леонели синдигов и массариев Каффы, как об этом записано в картулярии прежней массарии, должен нам [согласно записи] в упомянутом картулярии прежней массарии на [листе] 241, и об этом [же] в счете “должников и заимодавцев” в этом [картулярии] на [листе] 328 – 100 соммов и 15 саджо» (*Die prima augusti. [1386] Iardacum unum cum uno sbaro cum certis domunculis quod fuit quondam domini Caiadoris olim t[it]amii Caffa situm in burghis ad ostium mastrum Caiadoris et quod venditum fuit per Sanbey fillium et heredem dicti domini Caiadoris et Emchinam uxor dicti domini Caiadoris et mater dicti Sanbey dominis Leonardo Iustiniano et Conrado Leonelis sindicis et massariis pro comuni Ianue in Caffa ut in dicto cartulario massarie precedenti continetur debet nobis pro dicto cartulario massarie precedenti in CCXXXXXI et de eo in ratione debitorum asignatorum in isto in CCCXXVIII sommos C sagios XV*); *Massaria Caffae 1386–87*. Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1226bis. f 373^r (далее в тексте ссылка на рукопись: MC 1386).

⁹ «Pandaseni titanus Comeriharius Canlucorum»; MC 1386 204^r.

ющий» [13, с. 475–492], что вполне соответствует определению, данному для титама в Статуте 1449 г. – *vicarius*, что значит ‘поверенный’, ‘управляющий’, ‘уполномоченный’. На тождество их, на наш взгляд, наглядно указывает и форма лигурийской транслитерации термина в договорах 1380 и 1381 гг.: *titam* в единственном числе и *titayn* – во множественном. Очень примечательно, что такая форма зафиксирована именно в разговорной форме. В латинских текстах обиходная форма подверглась принудительной латинизации в форме *titanus*.

Положение и деятельность титама в Каффе были тесно связаны с деятельностью ханских коммеркиариев, собиравших ханскую таможенную пошлину – тамгу (*tamoga*, *comerihium canlucorum*, *comerihium Imperii Gazarie*, *comergium canlucorum*, *tolta canlucorum*). В некоторых случаях генуэзские документы прямо называют титама коммеркиарием¹⁰. Ханские коммеркиарии упоминаются в самых ранних сохранившихся актах, составленных в Каффе в 1289–90 гг. Размер ханского коммеркия во времена Франческо Балдуччи Пеголотти (первая половина 1320-х гг.) составлял 3% от стоимости ввозимого и вывозимого товара [36, р. 26]. Те же 3% взимали с итальянцев до 1443 г. в Тане. После урегулирования татаро-итальянского конфликта венецианцам разрешили торговать в Тане с условием уплаты 5% торговой пошлины. В Крыму в портах Провато, Калитра и Солдайя, согласно ханским и локальным привилегиям 1356 и 1357 гг., венецианцам позволялось торговать за 3% ханского коммеркия. В дальнейшем, из венецианской документации 1360 г. становится известно, что венецианцы поручали своему послу к хану испросить снижение коммеркия в Тане с 5% до 4% [43, р. 95, № 355], как в то же самое время платили генуэзцы, а в 1369 г. – с 4% до 3% [43, р. 121, № 476]. Сведения о размере ханской тамги в Каффе со времен Пеголотти до 1386–87 гг. нам неизвестны. Книга массарии Каффы 1386–87 гг. фиксирует ставку ханского коммеркия в 5%¹¹. Коммеркий взимался по результатам взвешивания на особых «сарацинских весах», оплата места под которые принесла казне Каффы 10 соммов или 1700 аспров в 1387 г.¹²

¹⁰ «*Dominus Caihador titanus et alii comeriharii*»; MC 1381 f 39^r. «*Tolec et socius comeriharii domini Caihadori titani*»; MC 1381 f 190^v. «*Exin bey filius quondam Caihadores comeriharii canluchorum*»; MC 1386 f 80^r. «*Pandaseni titanus comeriharius canlucorum*»; MC 1386–87 f 204^r.

¹¹ «Дня 3 июля 1387 г. Рафаэль ди Найно и Батиста Зоали, сборщики ханского коммеркия в 5% должны нам за поступление упомянутого коммеркия [по счету] на [листе] 389 – 18 соммов» (*Die III iullii [1387] Raffael de Naino et Batista de Zoalio colectores comerihii de quinque pro centenario ca(n)lucorum debet nobis pro introitu dicti comerihii in CCCLXXXVIII sommos XVIII*); MC 1386 f 448^r.

¹² «Также 18 мая 1387 г. Квилико ди Понтремоли [по счету] на [листе] 52, а именно за коммунальный земельный налог ханских подданных за [размещение] ханских весов, который, как повелось, ханские подданные платят, и который коммуна собирает монетой из дохода упомянутого ханского коммеркия; упомянутый Квилико должен получить ежегодные 10 соммов в уплату за взвешивание на упомянутых весах от упомянутых ханских подданных, а именно, как откупщик земельного налога за недавно прошедший 86-ой год, [согласно] решению господ массариев о том, что действительно упомянутый Квилико или откупщик упомянутого земельного налога должен взимать каждый год у упомянутых ханских подданных 10 соммов в уплату земельного налога, и поэтому они постановляют предоставить упомянутые суммы, как полагается, [в размере] 1700 аспров за 10 соммов, из расчета 170 аспров за 1 комм, каковую ценность они [тогда] имели» (*Item die XVIII maii pro Quilicho de Pontremulio in LII et sunt pro teraticho comunis canlucorum pro pondere canluchorum*

Довольно часто деятельность по сбору ханской таможенной пошлины выполняли граждане Генуи, хотя это и строго воспрещалось самыми ранними Статутами, регламентировавшими административное устройство, экономические и правовые нормы в генуэзском Заморье¹³. Нам доподлинно известно о сборе ханского коммерция генуэзцами в 1380–81, 1387, 1457 гг. Однако мы можем констатировать, что это происходило в периоды нестабильности в отношениях между Кафрой и татарскими властями Крыма, а в 1457 г. – в условиях открытой конфронтации с Крымским ханом Хаджи-Гиреем.

Весьма примечательным является обязательство татарской стороны допускать на территорию ханства генуэзцев и их подданных с правом культивировать землю и пасти скот. При этом они обязываются платить налог, который на языке оригинала (тюркском) звучал как «амбар» (*l'ambar*). Название этого налога широко представлено в тарханных ярлыках золотоордынских и крымских ханов. Примечательно, что этот же термин мы встречаем и в генуэзских документах. В частности, он присутствует в книге массарии Каффы 1381–82 гг. в ведомости сбора подати с казалий, относящихся к Солдае (*abl. sing.: ambario*) [3, с. 116]. Надо полагать, что в золотоордынском Крыму это был основной налог с жителей сельскохозяйственных территорий. Судя по названию, он исчислялся с суммы наличных продуктов в амбаре (условно), надо полагать, осенью, после сбора урожая и забоя скота.

В целом договоры 1380 и 1381 гг. можно охарактеризовать как полноценные международные соглашения-ярлыки с весьма прозрачной и четкой структурой и составом. Для истории итальянско-татарских взаимоотношений эти два документа уникальны. Все остальные сохранившиеся тексты носят более локальный характер и упрощенный состав, а чаще и вовсе – лишь подтвердительный характер, как татаро-генуэзский договор от августа 1387 г. Возможно, в деле изучения татаро-генуэзских дипломатических и договорных отношений еще ожидаются открытия новых источников¹⁴.

quod consuetudo erat canluchis solvere et qua comune coliget monetam introitum dictorum canluchorum comerihii dictus Quilichus recipere debeat sommo X pro penssione dicti ponderis annuatim a dictis canluchis videlicet tamquam emptor teraticor(um) anni proxima preteriti de LXXXVI habito consyllio per dominos massarios quod in re vera dictus Quilichus sive emptores dictorum teraticorum habere debent omni anno a dictis canluches (sic!) sommos X pro pensione dicti teratici et propter deliberant dare dictos sommos ut debitum est asperos MDCC. per sommos X ad rationem asperorum CLXX per sommum I prout valebant); MC 1386 f 217°.

¹³ От Статута 1290 г. сохранился лишь соответствующий заголовок главы: «16 Quod aliquis non habeat comerchium» (О том, чтобы никто не взимал коммеркий). Текст же самого постановления полностью дошел в составе Статута 1304 г. и 1316 г. [40, р. 774–775; 28, col. 396].

¹⁴ В онлайн описях фонда банка св. Георгия (Casa di San Giorgio) в Государственном архиве Генуи присутствует упоминание о сохранившейся копии перевода договора генуэзцев с ханом Хаджи-Гиреем от 12–14 сентября 1457 г. (22 числа месяца Шавваль, 861 гх). Режим доступа: <http://www.lacasadisangiorgio.eu/main.php?do=scheda&ricerca=0&idscheda=38547&page&fbclid=IwAR2qDNPas7SuAw6DisaUwNWHhgwjGQjMBQs45aZAhl07a6dfWYkby8ec2A> (дата обращения 30.06.2020)

Рис. 1. Татаро-генуэзский договор от 28 ноября 1380 г. (Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 23). Лицевая сторона

Pict. 1. A tatar-gonoese treaty, November 28, 1380 (Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 23). Front side

Рис. 2. Татаро-генуэзский договор от 28 ноября 1380 г. (Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 23). Обратная сторона

Pict. 2. A tatar-genoese treaty, November 28, 1380 (Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 23). Flip side

Рис. 3. Татаро-генуэзский договор от 23 февраля 1381 г. (Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 24). Лицевая сторона

Pict. 3. A tataro-genoese treaty, February 23, 1381 (Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 24). Front side

Pict. 4. A tatar-gonoese treaty, February 23, 1381 (Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 24). Flip side

Именно обращение к оригиналам источников в нашем случае показало возможные перспективы в изучении документальных источников по истории Золотой Орды. К счастью, удалось выявить те детали текста, которые ускользнули от внимания предшественников. Следует отметить, что документы в XIX в. наверняка пребывали в гораздо более худшем состоянии для прочтения, чем сейчас – после реставрации. Так, в договоре 1380 г. удалось выявить имя золотоордынского хана-временщика Конак-Бея. Это имя ранее не встречалось в письменных источниках. В том числе, оно не известно в генеалогиях Джучидов. В договоре же 1381 г. удалось рассмотреть полустертое числительное «три» перед упоминанием казалий Чембало, что позволяет теперь пересмотреть господствующие в археологической литературе умозрительные взгляды на границы и состав территорий, входивших в юрисдикцию консула этой генуэзской крепости в Юго-Западном Крыму.

При транскрипции текста договоров учитывались все знаки препинания, имеющиеся в оригинале. Восстановленные лакуны текста даны в квадратных скобках. Все раскрытия сокращений даны косым шрифтом. Литеры, вынесенные над строкой, даны в соответствующей позиции. Разнотечения даны по публикации Корнелио Дезимони. Публикация Сильвестра де Саси в разнотечениях не учитывалась. При воспроизведении литеры V и в начале слова везде представлена форма V, а в середине слов – в форме U, как это и выглядело в средневековом тексте. При наборе текста намеренно не использовалась литера J j. Удлиненное вниз написание *i* в текстах генуэзского происхождения применялось лишь при воспроизведении второй *i* в буквосочетании *ii* (графическая форма: *ij*). Подобная форма, как нам кажется, выполняла исключительно идентификационную (не позволяя, в условиях курсива, спутать две *ii* с другой литерой) и декоративную функцию, и не несла особой фонетической нагрузки.

Как нам кажется, следует пересмотреть конечную согласную форм глаголов 3-го лица мн. ч. Во всех случаях, когда конечная не сокращена, в конце слова наблюдается – *m* (*seam*, *deiam*, *stam*, *fam*, *am*, *obligam*, *accresceram*, *passam*, *vam*, *fuziram*, *sum*). В случаях сокращения окончания глаголов, в транскрипции Э. Пароди – К. Дезимони, конечная согласная восстановлена как – *n* (*auean*, *anderan*, *habitan*, *seran*, *recateran*, *passan*, *vozeran*, *eran*, *fauan*), что характерно для поздней и «современной» грамматики лигурийского языка. Случаи разнотечений указывают на то, что авторы транскрипции часто машинально, при записи глаголов 3-го лица мн. ч., ставили литеру *n* вместо наличной в тексте *m*. Неверно раскрытые формы попали, в частности, в глагольные парадигмы словаря Серджио Апрозио, ибо в публикации К. Дезимони восстановленные сокращения никак не были отмечены. Считая, что будет справедливо максимально точно отразить специфику публикуемого документа, во всех случаях мы восстановили сокращение конечной согласной глаголов 3-го лица мн. ч. как *m*, вместо *n*. Следует отметить, что трансформация *n* в *m*, в финальной позиции и после ударного гласного, была характерна для некоторых северо-западных итальянских диалектов. Появление такой замены в нашем тексте объясняется, видимо, личными пристрастиями конкретного писца. В этой связи, вспомним настойчивую тенденцию европейских авторов писать титул «хан» (*khan*, *chan*) в форме *cham*.

При переводе слово *segno* (господин), следующее за личным (восточным, неевропейским) именем, мы переводили как «бей». В транскрипции присутствует апостроф, в тех местах, где его наличие, очевидно, необходимо для понимания текста.

1.

1380 г. 28 ноября (782 г.х. 29 Шабан); местность «Три холма», между Каффой и горой Йахим, в пределах границ Каффы; Солхат, дворец господина Чаркасс бея.

Повелитель Солхата и Крыма, Чаркасс бей, со своей стороны, и от имени хана татар, заключает мирный договор с Генуэзской республикой в лице консула Каффы Джанноно ди Боско, массариев Каффы Бернабоне Рицци и Терамо Пикенотти, которые получили полномочия от консульского совета Каффы и коммуны Генуи.

Archivio di Stato di Genova (ASG), Archivio Segreto (AS), Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 23. Копия перевода на лигурийский язык от 28 июля 1383 г. (или позднее) из кодекса публичных актов курии Каффы. Пергамен, 47.4×23.5 см. Документ реставрирован и дезинфицирован, физические лакуны восполнены.

Пометки на обороте почерком XVIII в.:

1383 28 Julij

C^a pr (=Cantera prima)

Tartari e / Caffa

Tartaria / Caffa / Sodaia / Gotia / Licoxono (?) / Cembalo –

Архивные пометки карандашом почерком XX в.:

9 / Questa pergamena misura / centm. 47.4 centm. 23.5

Materie politiche / Marco (?) 9/2728 / 9/23

Отпечаток архивного штампа с подправленными ручкой надписями (одна строка зачеркнута, на следующей вписано правильное название фонда и далее – шифр документа). Текст вписанный от руки выделен жирным шрифтом:

ARCHIVIO DI STATO / GENOVA / ~~NOTARI~~ / MATERIE POLITICHE / n.g. 9/2728 /

Публикации: [38, p. 53–55; 22, p. 161–165; 30, p. 132–133, 136].

Транскрипция

. Millesimo , trecentesimo , Octuagesimo [,] tercio die vigesima octaua Iulii .

. Hoc est exemplum seu registratio cuiusdam Instrumenti scripti in lingua vgaresca , certorum pactorum et conuentionum initorum | et firmatorum , inter magnificum et potentem dominum , dominum¹⁵ Iharcasium tunc dominum Solcati¹⁶ , nomine et vice Excellentissimi | domini ·· Imperatoris Tartarorum , et nomine ipsius tanquam domini

¹⁵ Слово отсутствует.

¹⁶ Sorcati

Solcati ex una parte . Et Egregium¹⁷ ac nobiles et pr^u dentes | viros dominum¹⁸ Ianonum de Bosco tunc consulem Caffè et Ianuensium in toto Imperio Gazarie . Bernabouem Ricium et | Theramum¹⁹ pichenotum massarios Caffè , et · Consilium eiusdem domini · Consulis , nomine et vice victoriosissimi | et excelsi Comunis Ianue ex altera parte , et prout in dicto Instrumento plenius continetur , et translati²⁰ de dicta lingua vgaresca | in lingua latina , de manda¹⁰ et ex commissione Eg[reg]ii [e]t nobilis viri domini Meliaducis Catanei Consulis caffè | et Ianuensium in toto Imperio Gazarie per [me] Iulianum Paniçarium²¹ notarium et Curie Caffè Scribam scribentem , | legente dictum Instrumentum in dicta lingua vgaresca [Francisco] de Gibelleto scriba dicte Curie , quo ad dictam | linguam [vg]arescam , Et inter[pretante et referente] in lingua latina luchino Calligeparii Interprete comunis | et Curie Caffè in omnibus prout infe[r]rius ad litteram continetur.]

. In nome de dee posselo esse amen . Cum [la graci]a de lo Imperao , Iharcasso segno , quando elo fo mandao^{per} segno | in Solcati , e de lo pouo de la ysora de Sorcati per acrece la amis[t]ay e lo amo , quela amistay che | li franchi conachi aueam²² cum²³ li Imperao per li [tem]pi passay , voiando lo zicho fa lo comandamento | de lo Imperao , questi pati e conuencioyn²⁴ e[lo] a fay[to ,] che lo [segn]o zich[o]²⁵ , segno de Sorcati cum coman[damento de lo Imperao como meso de lo Imperao, e como s[o] mesaygo, [v]egnando cum lo paysam de | lo Imperao a nome de lo Imperao, e a so nome si como [s]egno de sorcati da vnna parte . Messe | Ianum da Bosco Consoro de Caffa, e de tuti li zenoeysi in lo Imperio de Gazaria , e de tuti li zenoeysi chi habitam²⁶ in quella, a nome de lo grand[e] Comun. E messe Bernabo Riço²⁷ e Theramo | pichenoto Sindichi e massay de lo Comun in Caffa , cum [com]andamento de lo grande Comun | dauanti li conseie de Caffa e cum vor[e]ntay de quelli da l'atra parte. pati am fayto, a nome de | lo grande Comun e si am zurao, in ques[ta m]aynera . pa[ti] e conuentioyn am fayto , che a questi pati | contra no anderam²⁸ , a nome de lo Imperao, a lo s[e]gno [Z]icho²⁹ [pati] eli fam e si se obligam, e tuti li franchi | chi stam in Caffa e chi stam in le Citay de lo grande Comun , che tuti seram³⁰ fide e leay , a lo Imperao , | de lo so amigo amixi seram³¹ , de li soy Inimixi inimi[x]i seram³² , e quel in le soe Citay e in le soe | castelle no receteram³³ li Inimixi de lo Imperao, ni quel chi vozeram³⁴ viso da³⁵ lo Imperao, e accre[scer]am lo nome de lo Imper[a]o a tuto so poey, c[o]m[o] eli

¹⁷ egregios

¹⁸ dominorum

¹⁹ Teramum

²⁰ translato

²¹ panizarium

²² avean

²³ con

²⁴ convencioyn

²⁵ Zico

²⁶ avean

²⁷ Rizo

²⁸ anderan

²⁹ Zico

³⁰ seran

³¹ seran

³² seran

³³ receteran

³⁴ vozeran

³⁵ de

fauam³⁶ in lo tempo de li Imperaoy passay. | Anchora fam pati. che Titayn possam³⁷ vegni in Caffa , che andando e vegnando homi de lo Imperio , a quelli | possam³⁸ fa raxun³⁹ . Anchora messe lo consoro chi e aora , e quelli chi verram⁴⁰ , a tuti raxun | faram⁴¹ a quelli chi sum⁴² habitay intra⁴³ le confinnie de Caffa , de che maynera⁴⁴ eli seam. Anchora | pati fam che in Caffa possa sta lo comerih de lo Imperao , e posa prende lo comerih de lo Imperao | segundo le pr^umere vsansse . Per parte de lo Imperao , lo Segno Zicho, e per soa parte e si como segno | de Sorcati, Se obliga, A messe lo Consor[o], e a li Sindichi , e a lo so conseio, a nome de lo grande | comun de Zenoa, e de Caffa, quelli dixoto casay , li quay eram⁴⁵ sotemixi e rendenti a Sodaya⁴⁶ | quando lo Comun preyse Sodaya⁴⁷ , poa Mamay⁴⁸ segno ge li leua per forza , quelli dixoto Casay seam⁴⁹ | in la voluntay e bayria de lo Comun e de lo Consoro , e seam franchi da lo Imperio . Semelieyueenti la Gotia , cum li soy⁵⁰ casay , e cum lo so pouo li qu^ay sum⁵¹ xpistiayn⁵² , da lo Cembaro fim in | Sodaya⁵³ Sea de lo grande comun , e seam⁵⁴ franchi li sourascriti casay , lo pouo cum li soy | terren cum le soe aygoe . Iharcasso segno a lo grande comun elo a donao , e pato elo a fayto e a | zurao che in queste parole elo no contradira . E anchora se obliga lo Zicho⁵⁵ segno , che chi se | spaiha per Zenoeyse , In li terren de lo Imperao possa semena , lo so bestiame , le soe massarie , | possam⁵⁶ Anda⁵⁷ , l'ambar de lo Imperao eli paga deiam⁵⁸ . E anchora tuti⁵⁹ mercanti chi vam⁶⁰ e vennem⁶¹ | seam⁶² securi sum lo terren de lo Impera[o ,] e a quelli [no] se renouera vsanssa noua . Anchora | Sihauo ni sihaua , se eli fuziram⁶³ de Sorcati⁶⁴ in Caffa , e de Caffa in Sorcati⁶⁵ , quelli | tay se deiam rende , otra

³⁶ favan³⁷ possan³⁸ possan³⁹ raxum⁴⁰ verran⁴¹ faran⁴² sun⁴³ inte⁴⁴ mainera⁴⁵ eran⁴⁶ Sodaja⁴⁷ Sodaja⁴⁸ Mamaj⁴⁹ sean⁵⁰ soi⁵¹ sun⁵² Cristiyan⁵³ Sodaja⁵⁴ sean⁵⁵ zigo⁵⁶ possan⁵⁷ Слово заключено в скобки.⁵⁸ deian⁵⁹ li⁶⁰ van⁶¹ vennen⁶² sean⁶³ fuziran⁶⁴ Sorcati⁶⁵ Sorcati

trentacinque asperi de troueura atro⁶⁶ mente no se prenda . Anchora | se lo canlucho , a , questiun , o , a ,⁶⁷ demanda alcunna cossa da lo zenoyse , la raxun faça messe | lo consoro segundo la soa raxun . E la raxun de lo Canlucho⁶⁸ , Iarchasso⁶⁹ segno la faça⁷⁰ in | Sorcati , e lo Titam la faça in Caffa segundo li pati souraditi . E questi pati e conuentioin⁷¹ | sum stay fayti in mezo de Caffa e de la montagna de Iachim dauanti li trey pozi deuer | la faça⁷² de Caffa . Testemonnii luciam de liturffi . Marcho Spinnora . Raffe de facio . Zoane | da Camogi . da⁷³ mezo chi a torcimanao , Zoane Riço⁷⁴ torciman de Caffa , cum lo zicho segno , | messe lo consoro de Caffa façando questi pati . Testemonnii Achboga bey fiio de Allexandro | bey . Toholus bey fiio de Caihimas⁷⁵ bey . Molana Mocharram⁷⁶ messo de lo Segno Coscheldi . | Omarcoia⁷⁷ messo de lo Imperao Conachbey⁷⁸ . Questi testemonnii sotescriti , mi Sichassam | scriuan eo⁷⁹ scritto intra⁸⁰ lo paraxo de lo segno , cum comandamento de lo segno Zicho . Millesimo | de li Sarrem⁸¹ setecento oytanta doy , lo derre di de lo meyse de Sabam ela e stayta scritta⁸² .

Extractum est ut supra de [actis] publicis Curie Caffé , | videlicet de Cartulario R[egistrationu]m , per me notarium | infrascriptum .

Consul | Caffé etc 3. Iulianus paniçarius [no]tarius et Cur^{ie} Caffé scriba⁸³ .

[На обороте]

Copia et interpretacio pactorum factorum in | Caffa , cum Officiali domini Imperatoris | Tartarorum super dacione Gotie . | Tempore consulatus Ianoni de Bosco .

Перевод

1383, 28 июля.

Это копия или регистрационная [запись] одного акта, написанного уйгурским языком, [об] определенных договорах и соглашениях, заключенных и подписанных между великим и могущественным господином, господином Чаркасом, в то время повелителем Солхата, от имени и от лица превосходнейшего господина ... императора тартар, и от своего имени как господина Солхата, с одной стороны, и славными, благородным и благоразумными мужами: господином Джанноне де Боско, в то время консулом Каффы и генуэзцев во всей империи Газарии, Бернабоне Рицци и Терамо Пикенотти, массариями Каффы и сове-

⁶⁶ Слитно с предыдущим.

⁶⁷ Слитно с предыдущим.

⁶⁸ Canchanluco

⁶⁹ Iharcasso

⁷⁰ faza

⁷¹ convencioin

⁷² faza

⁷³ Слитно с предыдущим.

⁷⁴ Rizo

⁷⁵ Cachiimas

⁷⁶ mocharran

⁷⁷ Omar coia

⁷⁸ Conach bey

⁷⁹ e o

⁸⁰ in te

⁸¹ Sarrein.

⁸² scripta

⁸³ Далее текст не приведен.

том того же господина ... консула, от имени и от лица Всепобеждающей и Выдающейся коммуны Генуи, с другой стороны; и то, что содержится в этом акте, в самой полной форме с упомянутого уйгурского языка переведено на латинский язык по распоряжению и поручению могущественного и благородного мужа господина Мелиадуче Катани, консула Каффы и генуэзцев во всей империи Газарии мною, Джулиано Панисарио, нотарием и письмоводителем курии Каффы записано; зачитан этот акт на том уйгурском языке Франческо де Джибеллетто, письмоводителем на том уйгурском языке упомянутой курии; переведено и истолковано на латинском языке Лукино Каллигепари переводчиком коммуны и курии Каффы, во всем дословно содержится ниже.

Именем Бога, да будет это, аминь.

Милостью императора, Чаркасс бей, когда он был послан повелевать Солхатом и народом острова Солхата, ради укрепления дружбы и любви, каковая дружба была между франками-кунаками и императорами в прежние времена; Зих, желая исполнить волю императора, заключил он эти договоры и соглашения.

Господин Зих, волею императора, как господин Солхата, и как уполномоченный императора, и как его посланник, пришедший с пайзой императора, от имени императора и от своего имени как повелителя Солхата, с одной стороны. Мессир Джанноне да Боско, консул Каффы и всех генуэзцев в империи Газарии, и всех генуэзцев, которые проживают в ней, от имени Великой коммуны, и мессир Бернабо Рицци и Терамо Пикенотти, синдики и массарии коммуны в Каффе, от имени Великой коммуны перед [лицом] членов совета Каффы, и по воле их, с другой стороны. Заключают они соглашения от лица Великой коммуны, и клянутся таким образом. Заключают они договора и соглашения, что не пойдут против этих соглашений.

Они заключают соглашения и обязуются господину Зиху, представляющему императора, что все франки, которые живут в Каффе и в городах Великой коммуны, все будут верными и преданными императору, что они будут друзьями его друга и врагами их врагов, и те, что в ее городах и крепостях не примут врагов императора, ни тех, кто отвернет лицо от императора, и будут возвеличивать имя императора со всей своей силой, как это было во времена прежних императоров.

Еще, заключают соглашения, о том, что могут приходить в Каффу титамы, чтобы могли судить приходящих и уходящих людей императора.

Еще, мессир консул, который есть сейчас, и те, которые придут [после него], будут вершить суд всем тем, кто живет в пределах границ Каффы, какого бы происхождения они не были.

Еще, заключают соглашения, что в Каффе может находиться коммерциарий императора и взимать коммеркий императора, следуя изначальному обычаю.

От имени императора, господин Зих, и со своей стороны, как повелитель Сорката, обязуется мессир консулу и синдикам и его совету, [и в их лице] Великой коммуне Генуи и Каффы, те восемнадцать казалий, которые подчинялись и были переданы Солдаю, когда коммуна заняла Солдайю, а позднее господин Мамай отобрал силой, те восемнадцать казалий отдать во власть и управление коммуны и консула, и что будут [они] свободными от империи. Таким же образом Готия со своими казалиями, со своими людьми, которые суть христиане, от Чембало до [области] Солдаи да будут [принадлежать] Великой коммуне, и да будут свободными вышеуказанные казалии со своими людьми, со своей землей и своими водами. Чаркасс бей Великой коммуне пожаловал их и соглашается и клянется он, что не нарушит он этих слов.

И еще, обязывается Зих бей, что тот, кто является генуэзцем, может сеять на земле императора, и могут приходить со своим скотом и своим имуществом, [но] амбар императорский они должны заплатить.

И еще, все торговцы, которые приходят и уходят, да будут в безопасности на земле императора, и к ним не применится новый обычай.

И еще, если раб или рабыня убегут из Солхата в Каффу и[ли] из Каффы в Солхат, те должны быть возвращены. Больше тридцати пяти аспров вознаграждения за находку не берется иного.

Еще, если ханский подданный имеет спор или требует чего-либо от генуэзца, да вершит суд мессир консул, следуя своему закону, а – подданного хана, да судит Чаркасс бей в Солхате, а титам да вершит в Каффе, следуя вышеуказанным договоренностям.

И эти договоры и соглашения были заключены между Каффой и горой Йаким, перед Тремя холмами, в пределах земли Каффы.

Свидетели: Лучано Литурфи, Марко Спинола, Раффе де Фачо, Джованни де Камольи, среди которых Джованни Рицци, переводчик Каффы для перевода этих соглашений мессира консула Каффы с Зихом беом.

Свидетели: Ак-Бога бей сын Искандер бея (?); Тохолуш бей сын Хаджи-Маш бея; Мевляна Мукаррам, поверенный господина Кошкельди; Омар-Ходжа, поверенный императора Конак-Бея.

[Имена] этих подписавшихся свидетелей я, Шейх-Ассан, письмоводитель записал во дворце повелителя, по приказу господина Зиха.

Года сарацинов семьсот восемьдесят второго, дня последнего месяца Шабан это было написано.

Выписано все то, что выше, из публичных актов курии Каффы, а именно из регистрационного картулярия, мною, нотарием нижеподписавшимся.

... консул Каффы и т.д.

Джулиано Панисарио, нотариус и письмоводитель курии Каффы.

[На обороте]

Копия и перевод соглашений, заключенных в Каффе с официальном господина Императора Тартар, о передаче Готии. Во время консулата Джанноне де Боско.

2.

1381 г. 23 февраля (782 г.х. 28 Зу-ль-каада); Каффа, дворец коммуны; Солхат, дворец Ильяс бея.

Повелитель Солхата и Крыма, Ильяс бей, со своей стороны, и от имени хана татар, заключает мирный договор с Генуэзской республикой в лице консула Каффы Джанноне ди Боско, массариев Каффы Бернабоне Рицци и Терамо Пикенотти и консульского совета Каффы, которые действуют в рамках полномочий предоставленных коммуной Генуи.

Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziazioni e Trattati, busta 2728, doc. 24. Копия перевода на лигурийский язык от 28 июля 1383 г. (или позднее) из кодекса публичных актов курии Каффы. Пергамен, 47.4×23.5 см. Документ реставрирован и дезинфицирован, физические лакуны восполнены.

Пометки на обороте. Почерком вт. половины XVIII – начала XIX вв.:

1383 28. Julij

Ca^{ra} Pr. (=Cantera prima)

Tartari / Sorcati / Caffa / Cembalo / Gotia

Архивные пометки карандашом почерком 2-й половины XX в.:

Quartia pergamena misura | centm. 56.9 × centm. 24.1 | doc. 24 (=Quartina?)

Публикации: [32, о. 37–43; 22, р. 161–165; 30, р. 130, 137–139].

Транскрипция

Millesimo, Trecentesimo, Octuagesimo, tertio, die vigesima octava Iulii.

Hoc est exemplum seu registratio cuiusdam Instrumenti scripti in lingua vgaresca, certorum pactorum et Conuentionum | initorum et firmatorum inter Magnificum et potentem dominum, dominum⁸⁴ Elliam⁸⁵ tunc dominum Sorcati, nomine et vice | Excellentissimi domini Imperatoris Tartarorum [,] et nomine ipsius tanquam domini Sorcati ex vna parte. Et | Egregium⁸⁶ et nobiles et prudentes viros dominum⁸⁷ Ianonum de Boscho tunc Consulem Caffe et Ianuensium | in toto Imperio Gazarie, Bernabouem Ricium et Theramum⁸⁸ [P]ichenotum Massarios Caffe et Consilium eiusdem | domini ·· Consulis, nomine et vice victoriosiss[im]i et [e]xcelsi Comunis Ianue ex altera parte, et prout in dicto I[nstrumento] | plenius continetur. Et transla[to] de dicta lingua [vgaresca in l]ingua latina, de manda¹⁰ et ex commissi[one] | Egregii et nobilis viri domini M[eli]aducis [Catanei Co]nsulis Caffe, et Ianuensium in toto Im[perio Ga]zarie, per me Iulianum paniçarium⁸⁹ notarium et curie [Caffe] scribam scriben[t]em, legente dictum Instr[umentum in dicta] | lingua vgaresca francisco de Gibelleto scriba dict[ur]e curie quo ad dictam linguam vgarescam. Et [inter]pretante et referente in lingua latina luchino Calligeparii interprete Comunis et Curie [Caffe] | in omnibus prout inferius ad litteram continetur.

In nome de dee possello esse amen. Cum la gracia de lo Imperao, Ellias segno fiio de Inach Cotoloboga⁹⁰ seando | mandao per segno in Sorcati, e sum lo pouo de la ysor[a] de Sorcati, per accresse la amistay e lo am[o], | quela amistay che aueam⁹¹ li franchi cum li Imperao⁹² passay, voiando Ellias bey far lo comandamento de | lo Imperao, questi pati e conuentioyn a fayto, como Elliasbey⁹³ segno de Sorcati, cum comandamento de lo | Imperao, si como meso de lo Imperao, e como so mesaygo, quando ello vegne cum lo so paysam⁹⁴ de lo Imperao, | a nome de lo Imperao, e a so nome si como segno de Sorcati da vnna parte. Messe Ianum da Boscho | Consoro de Caffa, e⁹⁵ de tuti li zenoeysi chi stam in l[a] ysora de lo Imperao, a nome de lo grande

⁸⁴ *Отсумстөүөт.*

⁸⁵ Eliam

⁸⁶ egregios

⁸⁷ dominorum

⁸⁸ Teramum

⁸⁹ panizarium

⁹⁰ Cotoloboga

⁹¹ auean

⁹² Imperaoj

⁹³ Ellias Bey

⁹⁴ paysan

⁹⁵ et

| Comun , e messe Bernabo Riço⁹⁶ e messe theramo pichenoto [s]indichi e massay de lo Comun in Caffa | per lo comun , cum comandamento de lo grande Comun [daua]nti li conseie de Caffa , A[nchora cum vorent]ay | [d]e quelli da⁹⁷ la [atra] parte , pati am fayto [a nome de] lo grande [Comun e si a]m⁹⁸ z[urao] in questa | maynera pati e conuencioyn am fayto , che contra li pati no anderam⁹⁹ , a [nome] de lo Imperao a Ellias | segno pati fam e se obligam , e tuti li fra[nc]hi chi s[ta]m in Caffa , e in le Citay de lo grande | Comun , che tuti seram¹⁰⁰ fide e leay a lo Imperao , A lo so amico [a]mixi seram¹⁰¹ , de lo so Inimigo | Inimixi seram¹⁰² . A le soe Citay ni a le soe castel[le non li] re[cete]ram¹⁰³ [l]i inimixi de lo Imperao , ni | anchora quelli baroyn , chi vozeram¹⁰⁴ viso da lo Imperao , E accresceram¹⁰⁵ lo nome de lo Imperao segundo | lo lor poey , si como i faxeam¹⁰⁶ per li Imperao passay . Anch[ora] pati eli fam , che lo Titam | vegna in Caffa , e li mercanti chi vam e vennem a quel[l]i ra[xun] d[e]ia¹⁰⁷ fa , e messe lo consoro | chi e aora , e quello chi verra fara raxun , a tuti quelli chi sum¹⁰⁸ abitay den[tro] da le Confinnie | de Caffa in che maynera se sea . Anchora pati fam che in Caffa possa sta vm comerihia | de lo Imperao , e prenda lo comerihio de lo Imperao , segundo la p[re]m[er]a vsanssa [.] Per parte | de lo Imperao , e per soa parte , Elliasbey¹⁰⁹ si como [seg]no de Sorcati , se oblig[a a] messe lo | Consoro e a li Sindichi e a li Conseie soy , a nome de lo g[ra]nde Comun de zenoa , e de | Caffa , quelli dixoto casai , li quay eram¹¹⁰ d[e] Sodaya quando lo Comun preyse Sodaya , possa Mamay | segno per força¹¹¹ li preyse , quelli dixoto Casay seam in [b]ay[ria de lo] Comun [e de] messe lo | Consoro , e seam franchi da lo Imperao . [Seme]ley[ue]menti la Gotia cum l[i] s[oy] ca]say e cum | lo so pouo da lo Cembaro fim [in Soda]ya , quelli trey¹¹² Casay [de lo Cembaro , seam¹¹³] de lo grande | Comun , e seam franchi da lo Imperio , li sourascriti Casay [, e] anchora [la Go]tia , lo pouo | cum li terren E cum le Aygoe . Ellias [se]gno a lo grande Comun elo a d[ona]o , e pato elo , a , | fayto e si a zurao , che elo¹¹⁴ no fara in queste parole atra [men]ti¹¹⁵ , Anchora se obliga Ellias | bey , che chi se spaiha per zenoeysse , [chi e in] lo pou[o] chi ge appertem¹¹⁶ e in lo [ter]ren de lo Imperao | possa semena , lo so bestame e le soe massarie possam anda , e [e]li pageram¹¹⁷ l'ambar de lo | Imperao , e tuti li mercanti chi vam¹¹⁸ [e vennem¹¹⁹] sum¹²⁰ lo terren de lo Imperao

⁹⁶ Rizo⁹⁷ Слито с предыдущим.⁹⁸ an⁹⁹ anderan¹⁰⁰ seran¹⁰¹ seran¹⁰² seran¹⁰³ receteran¹⁰⁴ vozeran¹⁰⁵ accresceran¹⁰⁶ faxeram¹⁰⁷ deian¹⁰⁸ sun¹⁰⁹ Ellias Bey¹¹⁰ eran¹¹¹ forza¹¹² Отсутствует.¹¹³ sean¹¹⁴ e lo¹¹⁵ atramenti¹¹⁶ apperten¹¹⁷ pageran¹¹⁸ van

, seram¹²¹ seguri , e a quel | vsansse noue no se fara . Anchora Sihauo , [ne] Sihaua , se de Caffa fuzira , e in Sorcati | andera , e de Sorcati in Caffa fuzira , se deia rende , trentacinque asperi de troueyre se prenda | e no pu . Se li homi de lo Imperio aueram¹²² questiun ni a di , ni a fa arcunna cossa cum li franchi , | messe lo Consoro gi faça raxun in la soa maynera , la raxun de lo Canlucho , Elliasbey¹²³ | la faça in Sorcati , e lo Titam la faça in Caffa segundo li pati , chi sum de soura . Questi | pati e queste Conuentioyn sum¹²⁴ stayti fayti in Caffa dentr^o da lo paraxo de lo Comun , li Ambaxoy | de Elliasbey , Comarihi fiio de Achbas . Coia Isse fiio de Agidauot . Alauadim de lo dio de | l'oro . Coia asa[o] fiio de [Ac]h[omet]o . Macho[meto da] la tan[na . Baylam] coia messo de Ellias | bey , li quay [s]um vegnuuy cum paysam de [lo Imperao e cum li messi d]e lo seg[no e de] li | mesaygi . Cum messe lo Consoro cum [li] s[oy] sindichi e cum li soy Conseie li quay sum | mentoay de soura , de questi pati scrittura ge scripta per man de Anthogno maçorro¹²⁵ , chi e | scriuan de lo Comun , e de questi pati de soura mi Ellias sum stayto contento , e si li o fermay | in Sorcati , e si zuro che a questi pati e conuencioyn e oseruero , e in contra e no ge andero . E si | sum Contento che Anthogno maçorro scriuan de lo Comun faça vnna¹²⁶ scrittura çoe¹²⁷ sum carta | a lo moo latin , e Anchora franceschin de Gibelleto questa scrittura scriua in letera | vgoresca¹²⁸ , e lo me segna sum quela , e metero , ¹²⁹e anchora vnna scrittura a lo moo de questa | cum lo seelo de lo Comun noy la auemo . In queste parole sum testemomii Regibo fiio de | Iturlu . Meret boga segno fiio de Iagaltay segno . Comarihi fiio de Ackbas¹³⁰ bey . Caraboga | fiio de Ackbas¹³¹ bey . pandasseni Iharcasso , torcimanando Zoane Riço¹³² . Millesimo de li Sarrem | Setecento oytanta doy , a vinti VIII di de lo meyse de Sochada , Ela e stayta scritta in | lo paraxo de Elliasbey .

Extractum est vt supra de Actis public^{is} Curie Caffè · | videlicet de Cartulario Registratum [per me notarium infr^a]scrⁱptum 3 .

Consul | Caffè etc 3 . Iulianus paniçarius notarius et Curie Caffè scriba .

[Ha обопоте]

Copia et interpretacio pactorum factorum cum offici|ali domini Imperatoris Tartarorum , super | dactione Gottie . tempore consulatus Ianoni | de Bosco .

¹¹⁹ vennen

¹²⁰ sun

¹²¹ seran

¹²² averan

¹²³ Ellias bey

¹²⁴ sun

¹²⁵ Mazorro

¹²⁶ una

¹²⁷ zoe

¹²⁸ ugaresca

¹²⁹ Слитно с предыдущим.

¹³⁰ Achbas

¹³¹ Achbas

¹³² Rizo

Перевод

1383, 28 июля.

Это копия или регистрационная [запись] одного акта, написанного уйгурским языком, [об] определенных договорах и соглашениях, заключенных и подписанных между великим и могущественным господином, господином Ильясом, в то время повелителем Солхата, от имени и от лица превосходнейшего господина императора тартар, и от своего имени как господина Солхата, с одной стороны, и славными, благородным и благоразумными мужами: господином Джанноне де Боско, в то время консулом Каффы и генуэзцев во всей империи Газарии, Бернабоне Рицци и Терамо Пикенотти, массариями Каффы и советом того же господина ... консула, от имени и от лица Всепобеждающей и Выдающейся коммуны Генуи, с другой стороны; и то, что содержится в этом акте, в самой полной форме с упомянутого уйгурского языка переведено на латинский язык по распоряжению и поручению могущественного и благородного мужа господина Мелиадуче Катани, консула Каффы и генуэзцев во всей империи Газарии мною, Джулиано Панисарио, нотарием и письмоводителем курии Каффы записано; зачитан этот акт на том уйгурском языке Франческо де Джибеллето, письмоводителем на том уйгурском языке упомянутой курии; переведено и истолковано на латинском языке Лукино Каллигепари переводчиком коммуны и курии Каффы, во всем дословно содержится ниже.

Именем Бога, да будет это, аминь.

Милостью императора, Ильяс бей, сын Инака Кутлу-Буги был послан повелевать в Соркат и над народом острова Сорката, ради укрепления дружбы и любви, которую имели франки с прежними императорами, желая исполнить волю императора, заключил Ильяс бей эти соглашения и договоры, как поверенный императора, и как его посланник, когда он пришел с его императорской пайзой, от имени императора, и своего имени, как повелителя Сорката с одной стороны, Мессир Джанноне да Боско, консул Каффы и всех генуэзцев, которые находятся на острове императора, от имени Великой коммуны, и мессир Бернабо Рицци и мессир Терамо Пикенотти, синдики и массарии коммуны в Каффе, [назначенные ?] коммуной, волею Великой коммуны, перед [лицом] членов совета, еще и с согласия их, с другой стороны, заключили эти договора и соглашения, именем Великой коммуны, и поклялись таким образом.

Заключают договора и соглашения, что не пойдут против [этих] соглашений.

Дают согласие и обязуются господину Ильяс бею, представляющему императора, что все франки, которые живут в Каффе и в городах Великой коммуны, все будут верными и преданными императору, что они будут друзьями его друга и врагами его врага, и те, что в её городах и крепостях не примут врагов императора, ни тех баронов, которые отвернут лицо от императора, и будут возвеличивать имя императора со всей своей силой, как это делали во времена прежних императоров.

Еще, заключают соглашения, о том, что [может] приходить в Каффу титам, и приходящие и уходящие люди императора, которые должны быть судимы [им].

И, мессир консул, который есть сейчас, и тот, который прибудет [после него], будет вершить суд всем тем, кто живет в пределах границ Каффы, какого бы происхождения они не были.

Еще, заключают соглашения, что в Каффе может находиться коммеркиарий императора и взимать коммеркий императора, следуя изначальному обычаю.

От имени императора, и со своей стороны, как повелителя Сорката, Ильяс бей обязуется мессире консулу и синдикам и его совету, [и в их лице] Великой

коммуне Генуи и Каффы, те восемнадцать казалий, которые подчинялись Солдае, когда коммуна заняла Солдаю, а позднее господин Мамай отобрал силой, те восемнадцать казалий отдать во власть и управление коммуны и консула и, что будут [они] свободными от империи. Таким же образом, Готия со своими казалиями, со своими людьми, от Чембало до [области] Солдаи, [и] те три казалии Чембало, да будут [принадлежать] Великой коммуне, и да будут свободными от империи вышеуказанные казалии и еще Готия, народ, со своей землей и своими водами. Ильяс бей пожаловал их Великой коммуне, и соглашается и клянется, что не нарушит он этих слов.

И еще, обязывается Ильяс бей, что тот, кто является генуэзцем и те, кто из подчиненных им людей, может сеять на земле императора, и могут приходить со своим скотом и своим имуществом, [но] амбар императорский они должны заплатить.

И, все торговцы, которые приходят и уходят, на земле императора да будут в безопасности, и к ним не применится новый обычай.

И еще, если раб или рабыня убежит из Каффы и придет в Солхат и[ли] из Солхата убежит в Каффу, те должны быть возвращены. Тридцать пять аспров платится вознаграждения за поимку, не более.

Еще, если ханский подданный имеет какой-то спор, ничего не скажут и не сделают генуэзцам, но мессир консул совершит суд, следуя своему закону, а подданным хана суд да вершит Ильяс бей в Солхате, а титам да вершит – в Каффе, следуя вышеуказанным договоренностям.

И, эти договоры и эти соглашения были заключены в Каффе, во дворце коммуны послом Ильяс бея – Комарджи, сыном Ак-Баша; Ходжа-Иссой, сыном Хаджи-Давуда; Ала-ад-Дином из Дио де л'Оро; Ходжа-Асаном, сыном Ахмета; Махомедом из Таны; Байрам-Ходжой, поверенным Ильяс бея, который прибыл с пайзой императора – поверенными и послами господина [Ильяс бея], с мессиром консулом, с его синдиками и членами его совета, которые упоминаются выше.

Запись же этих соглашений была сделана рукой Антонио Мазурро, который является письмоводителем коммуны.

И, этими соглашениями, что [приведены] выше, я, Ильяс был удовлетворен и подписал их в Солхате, и клянусь, что буду соблюдать эти договора и соглашения, и не пойду против них. И я доволен, что Антонио Мазурро, письмоводитель коммуны сделал один экземпляр этих слов на латинский манер. И еще, Франческо де Джибеллето этот текст записал уйгурским письмом, а я удостоверил и отослал. И еще один экземпляр [написанный] таким же образом получили мы с печатью коммуны. Свидетели этих слов: Реджиб, сын Итурлу; Мерет-Буга бей, сын Ягалтай бея; Комариджи, сын Ак-Баш бея; Кара-Буга, сын Ак-Баш бея; Пандасени Чаркасс; переведено Джованни Рицци. Года сарацинов семьсот восемьдесят второго, в двадцать восьмой день месяца Зу-ль-каада. Написано во дворце Ильяс бея.

Выписано все то, что выше, из публичных актов курии Каффы, а именно из регистрационного картулярия, мною, нотарием нижеподписавшимся.

... консул Каффы и т.д.

Джулиано Панисарио, нотари и письмоводитель курии Каффы.

[На обороте]

Копия и перевод соглашений, заключенных в Каффе с официалом господина Императора Тартар, о передаче Готии. Во время консулата Джанноне де Боско.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Под ред. Гарданова В.К. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
2. Галенко О. Тудун // Східний світ. 1998. № 1–2. С. 183–204.
3. Джанов А.В. Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Київ, 2018. Вип. 1 (VII). С. 44–303.
4. Джанов А.В. Каффа, Кримское ханство и османи в 1454–1456 гг. по данным бухгалтерских книг массарии Каффы // Сугдейський збірник. Київ, 2019. Вип. 2 (VIII). С. 79–373.
5. Ковалевский М. Юридический быт Генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. // Сборник статей по истории права, посвященный Н.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 195–228.
6. Описание Чёрноморья, составленное Эмидием д'Асколи в 1634 г. / Изд. Дашкевича Н.П. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. V. Киев, 1891. С. 172–228. (Отд. оттиск: xi + 46 с.).
7. Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 / Перев. Пименова Н.Н., примеч. Бертье-Делагарда А.Л. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. XXIV. С. 89–180.
8. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение.. 2013. № 2. С. 158–190.
9. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер. и примеч. Бруна Ф.К. // Записки императорского Новороссийского университета. Том I. 1867. iii + 158 с.
10. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб, 1887. xxxv + 770 с.
11. Талах. В.М. Ординсько-генуезькі договори 1380 та 1381 років у історичному контексті. Режим доступа: <https://www.myslencedrevo.com.ua/uk/Sci/History/HordeGenovaTreaties1380-1.html> (дата обращения 26.06.2020)
12. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 4 / Перев. Абдулджемилев Р. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 13. С. 203–233.
13. Рыкин П.О. Титямь: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // АБ-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб., 2007. С. 475–492.
14. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских // История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 712 с.
15. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Изд. и примеч. Юргевича В.Н. // Записки одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V. С. 629–837.
16. Aprozio S. Vocabolario Ligure storico – bibliografico sec. X–XX. Parte seconda – Volgare e Dialetto. Vol. II (M–X). Savona, 2003.
17. Balard M. La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). 2 Vols. Genova; Rome: Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome, 1978. 1008 p. (со сквозной пагинацией).
18. Benedetti A. Contributo alla biografia di Ernesto Giacomo Parodi // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 2012. Nuova Serie. T. LIII (CXXVII). Fasc. I. P. 269–284.

19. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396–1427 / Buchan Telfer J. (tr.). London: Hakluyt Society, 1879. xxix + 264 p.
20. *Caroli P.* “Note sono le dolorose vicende ...”: gli archivi genovesi fra Genova, Parigi e Torino (1808–1952) // Spazi per la memoria storica. La storia di Genova attraverso le vicende delle sedi e dei documenti dell’Archivio di Stato – Atti del convegno internazionale. Genova, 7–10 giugno 2004 / Assini A. e Caroli P. (eds). Genova, 2009. P. 273–388.
21. Codice diplomatico delle colonie Tauro–Liguri (1453–1475). T. II. Parte II: 1473–1475 / Vigna A. (ed.) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1879–1881. Vol. VII. Parte II. 1014 p.
22. *Desimoni C.* Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano. Torino, 1887. Vol. XX. P. 161–165.
23. *Diplomatarium veneto-levantinum*. Vol. 1: 1300–1350 / Thomas G.M. et Tafel T.L.F. (eds). Venetiis: Sumptus societatis. 1880. xxvi + 356 p.
24. *Diplomatarium veneto-levantinum*. Vol. 2: 1351–1454 / Thomas G.M. et Predelli R. (eds). Cambridge, 2012 (1899). xviii + 452 p.
25. *Fischel W.J.* Ascensus Barcoch (I): A Latin biography of the Mamlūk Sultan Barqūq of Egypt (d. 1399) written by B. de Mignanelli in 1416: Rendered into English with an Introduction and a Commentary // Arabica. 1959. T. 6, Fasc. 1. P. 57–74.
26. *Heyd G.* Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel Medio Evo. Vol. II. Venezia, 1868. viii + 447 p.
27. *Gardini S.* Cornelio Desimoni (1813–1899) “un ingegno vasto e sintetico” // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 2014. Nuova Serie. Vol. LIV (CXXVIII). Fasc. I. P. 37–61.
28. *Imposicio Officii Gazarie* / Sauli L. (ed.) // *Historiae Patriae Monumenta*. T. I: *Leges municipales. Augustae Taurinorum* (Torino), 1838. P. 287–430.
29. [Interiano Giorgio.] *La Vita et Sito de Zychi*. Venetis, 1502.
30. *Kemaloğlu İ., Özyetgin A.M.* Altın Orda Hanlığına Ait Resmi Yazışmalar. Ankara, 2017. xvi + 172 p.
31. *Kern A.* Der “Libellus de Notitia Orbis” Iohannes III (De Galonifontibus) O.P. Erzbischof von Sulthanyeh // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1938. Vol. VIII. P. 82–123.
32. *Kuun G.* Adalékok Krim történetéhez // Értékezések a Nyelv- és Széptudományok köréből. III. kötet 10. szám. 1873. 52 o.
33. *Leges genuenses* / Desimoni C., Belgrango A.T. e Poggi V. (eds) // *Historiae patriae monumenta*. T. XVIII. *Augustae Taurinorum: E regio typographeo apud fratres Bocca bibliopola Regis* (Torino), 1901. viii p. + 1212 col.
34. *Oderico G.L.* Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memore storiche di Caffa, ed altre luoghi della Crimea posseduti un tempo da Genovesi. Bassano, 1792. xxii + 216 p.
35. *Olivieri A.* Carte e cronache manoscritte per la storia genovese esistenti nella Biblioteca della R. Università Ligure. Genova, 1855. 242 p.
36. *Pegolotti F.B.* La pratica della mercatura / Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936. liv + 244 p.
37. *Sacy S.* Rapport sur les recherches faites dans les Archives du Gouvernement et autres dépôts publics à Gènes // Histoire et mémoires de l’Institut royal de France: classe d’histoire et de littérature ancienne. Paris, 1818. T. 3. P. 85–125.
38. *Sacy S.* Pièces diplomatiques tirées des archives de République de Gènes // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques. Paris, 1827. T. XI. P. 1–122.

39. Salone A.M. La figura e l'opera di Gasparo Luigi Oderico // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie. 1982. Vol. XXII. P. 269–300.
40. Statuti della colonia genovese di Pera / Promis V. (ed.) // Miscellanea di Storia Italiana. Torino, 1870. T. XI. P. 513–780.
41. Tārih-i Sāhib Giray Hān (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 à 1551) / Gökbilgin Ö. (ed. et tr.). Ankara, 1973.
42. Tardy L. The Caucasian peoples and their neighbours in 1404 // Acta Orientalia. 1978. T. 32 (1). P. 83–111.
43. Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Vol. I. Paris, 1958. 248 p.

Сведения об авторе: Александр Витальевич Джанов – старший научный сотрудник Национального заповедника «София Киевская» (01001, ул. Владимирская, 24, Киев, Украина). E-mail: alexanderdzhanov@gmail.com

Поступила 05.08.2020 Принята к публикации 27.11.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Adygi, balkartzy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [The Adygs, Balkars, and Karachais according to the European authors from the thirteenth to nineteenth centuries]. Gardanov V.K. (ed.). Nalchik: Elbrus, 1974. 636 p. (In Russian)
2. Galenko O. Tudun [Tudun]. *Skhidnyi Svit* [Oriental World]. 1998, no. 1–2, pp. 183–204. (In Ukrainian)
3. Dzhanov A.V. Kaffa i Krym vo второй polovine XIV veka (preimushestvenno po dannym knig massarii Kaffy) [Caffa and Crimea in the second half of the fourteenth century (according to the books of Caffa's massarias)]. *Sugdeys'kiy zbirnyk* [Sugdeian Collection]. Kyiv, 2018, iss. 1 (VII), pp. 44–303. (In Russian)
4. Dzhanov A.V. Kaffa, Krymskoe khanstvo i osmany v 1454–1456 гг. (po dannym knig massarii Kaffy) [Caffa, the Crimean Khanate, and the Ottomans in 1454–1456 (according to the books of Caffa's massaria)]. *Sugdeys'kiy zbirnyk* [Sugdeian Collection]. Kyiv, 2019, iss. 2 (VIII), pp. 79–373. (In Russian)
5. Kovalevskiy M. Yuridicheskiy byt Genuezskikh koloniy na Chernom more v pervoy polovine XV v. [Legal life of the Genoese colonies on the Black Sea in the second half of the fifteenth century]. *Sbornik statey po istorii prava, posvjashennyi N.F. Vladimirskomu-Budanovu* [Collection of Articles on the History of Law, Dedicated to N.F. Vladimirsky-Budanov]. Kyiv, 1904, pp. 195–228. (In Russian)
6. Opisanie Chernomor'ya, sostavlennoe Emidiem l'Askoli v 1634 godu [Description of the Black Sea, compiled by Emidius d'Askoli in 1634]. Dashkevich N.P. (ed.). *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler]. Kyiv, 1891, no. 5, pp. 172–228. (In Russian and Italian)
7. Opisanie Chernogo morya i Tatarii, sostavil dominikanets Emidio Dorotelli D'Askoli, prefekt Kaffy i Tatarii i proch. 1634 [The description of the Black Sea and Tataria made by the Dominican Emiddio Dortelli D'Ascoli, the Prefect of Caffa, Tataria, and so on. 1634]. Pimenov N.N. (tr.). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. 1902, no. 24, pp. 89–180. (In Russian)
8. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheystva Kaffy [The early khans of Crimea: The chronology of the Turmoil in the accounts of the Genoese Treasury of Caffa, the 1420s]. *Zolotoordynskoie obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)

9. *Puteshestvie Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god* [The Travels of Johann Schiltberger in Europe, Asia and Afrique since 1394 to 1427]. Brun F. (tr.). Vol. 1. Odessa, 1867. iii + 158 p. (In Russian)
10. Smirnov V.D. *Krymskoie khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy Porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Port until the beginning of the eighteenth century]. Saint Petersburg, 1887. xxxv + 770 p. (In Russian)
11. Talakh V.M. *Ordyns'ko-genuez'ki dogovory 1380 ta 1381 rokiv u istorychnomu konteksti* [The Horde-Genoese Treaties of 1380 and 1381 in a Historical Context]. Available at: <https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/History/HordeGenovaTreaties1380-1.html> (accessed 26.06.2020) (In Ukrainian)
12. Remmal Khoja. "Tarikh-i-Sahib Geray Khan" [History of Sahib Geray Khan]. Part 4. Abduzhemilev R. (tr.). *Krymskoie istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 13, pp. 203–233. (In Russian)
13. Rykin P.O. Titiam: ob odnom kitayskom titule v srednevekovekh russkikh letopisiakh [Titam: About a Chinese title in medieval Russian chronicles]. *AB-60. Sbornik k 60-letiyu Al'berta Kashfullovicha Bayburina*. [AB-60. Collection of Articles Dedicated to the Sixtieth Birthday of Albert Kashfullovich Bayburin]. St. Petersburg, 2007, pp. 475–492. (In Russian)
14. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. T. I: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde, Vol. 1: Extracts from the Arabic Sources]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Arabic sources]. Vol. I. Almaty, 2005. 712 p. (In Russian)
15. *Ustav dlia genuezskikh koloniy v Chernom more, izdannyy v Genuie v 1449 godu* [The statute for the Genoese colonies in the Black Sea published in Genoa in 1449]. Yurgevich V.N. (ed. and tr.). *Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. 1863, no. 5, pp. 629–837. (In Latin and Russian)
16. Aprosio S. *Vocabolario Ligure storico – bibliografico sec. X–XX*, Parte seconda: *Volgare e Dialecto*, Vol. II: *M–X*. Savona, 2003. (In Italian)
17. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XVIe siècle)*. 2 Vols. Genova; Rome: Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome, 1978. 1008 p. (with continuous pagination). (In French)
18. Benedetti A. Contributo alla biografia di Ernesto Giacomo Parodi. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 2012, nuova serie, vol. LIII (CXXVII), fasc. I, pp. 269–284. (In Italian)
19. *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396–1427*. Buchan Telfer J. (tr.). London: Hakluyt Society, 1879. xxix + 264 p.
20. Caroli P. "Note sono le dolorose vicende ...": gli archivi genovesi fra Genova, Parigi e Torino (1808–1952). *Spazi per la memoria storica. La storia di Genova attraverso le vicende delle sedi e dei documenti dell'Archivio di Stato – Atti del convegno internazionale. Genova, 7–10 giugno 2004*. Assini A. e Caroli P. (eds). Genova, 2009, pp. 273–388. (In Italian)
21. *Codice diplomatico delle colonie Tauro–Liguri (1453–1475)*. T. II. Parte II: 1473–1475. Vigna A. (ed.). *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Genova, 1879–1881. Vol. VII. Parte II. 1014 p. (In Italian)
22. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. *Archivio storico italiano*. Torino, 1887, no. 20, pp. 161–165. (In Italian)
23. *Diplomatarium veneto-levantinum*, Vol. 1: 1300–1350. Thomas G.M. et Tafel T.L.F. (eds). Venetiis: Sumptibus societatis. 1880. xxvi + 356 p. (In Latin)
24. *Diplomatarium veneto-levantinum*, Vol. 2: 1351–1454. Thomas G.M. et Predelli R. (eds). Cambridge, 2012 (1899). xviii + 452 p. (In Latin)

25. Fischel W.J. *Ascensus Barcoch* (I): A Latin biography of the Mamlūk Sultan Barqūq of Egypt (d. 1399) written by B. de Mignanelli in 1416: Rendered into English with an Introduction and a Commentary. *Arabica*. 1959, vol. 6, fasc. 1, pp. 57–74.
26. Heyd G. *Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel Medio Evo*. Vol. II. Venezia, 1868. viii + 447 p. (In Italian)
27. Gardini S. Cornelio Desimoni (1813–1899): “un ingegno vasto e sintetico”. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Genova, 2014, nuova serie, vol. LIV (CXXVIII), fasc. I, pp. 37–61. (In Italian)
28. Imposicio Officii Gazarie. Sauli L. (ed.). *Historiae Patriae Monumenta*, T. I: *Leges municipales*. Augustae Taurinorum (Torino), 1838, pp. 287–430. (In Latin)
29. [Interiano Giorgio.] *La Vita et Sito de Zychi*. Venetis, 1502. (In Italian)
30. Kemaloglu İ. and Özyetgin A.M. *Altun Orda Hanlığına Ait Resmi Yazışmalar*. Ankara, 2017. xvi + 172 p. (In Turkish)
31. Kern A. Der “Libellus de Notitia Orbis” Iohannes III (De Galonifontibus) O.P. Erzbischof von Sulthanyeh. *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 1938, no. 8, pp. 82–123. (In Latin and German)
32. Kuun G. *Adalékok Krim történetéhez. Értekezések a Nyelv- és Széptudományok köréből*. III. kötet 10. szám. 1873. 52 p. (In Hungarian)
33. *Leges genuenses*. Desimoni C., Belgrango A.T., et Poggi V. (eds). *Historiae patriae monumenta*. T. XVIII. Augustae Taurinorum: E regio typographeo apud fratres Bocca bibliopola Regis (Torino), 1901. viii + 1212 col. (In Latin)
34. Oderico G.L. *Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memore storiche di Caffa, ed altre luoghi della Crimea posseduti un tempo da Genovesi*. Bassano, 1792. xxii + 216 p. (In Italian)
35. Olivieri A. *Carte e cronache manoscritte per la storia genovese esistenti nella Biblioteca della R. Università Ligure*. Genova, 1855. 242 p. (In Italian)
36. Pegolotti F.B. *La pratica della mercatura*. Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936. liv + 244 p. (In Italian)
37. Sacy S. Rapport sur les recherches faites dans les Archives du Gouvernement et autres dépôts publics à Gènes. *Histoire et mémoires de l'Institut royal de France: classe d'histoire et de littérature ancienne*. Paris, 1818, no. 3, pp. 85–125. (In French)
38. Sacy S. Pièces diplomatiques tirées des archives de République de Gènes. *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques*. Paris, 1827, no. 11, pp. 1–122. (In French)
39. Salone A.M. La figura e l'opera di Gasparo Luigi Oderico. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1982, nuova serie, vol. XXII, pp. 269–300. (In Italian)
40. Statuti della colonia genovese di Pera. Promis V. (ed.). *Miscellanea di Storia Italiana*. Torino, 1870, vol. 11, pp. 513–780. (In Italian and Latin)
41. *Tārih-i Sāhib Giray Hān (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 à 1551)*. Gökbilgin Ö (ed. and tr.). Ankara, 1973. (In Turkish)
42. Tardy L. The Caucasian peoples and their neighbours in 1404. *Acta Orientalia*. 1978, no. 32 (1), pp. 83–111.
43. Thiriet F. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*. Vol. I. Paris, 1958. 248 p. (In Latin and French)

About the author: Aleksandr V. Dzhанov – Senior Research Fellow, National Conservation Area “St. Sophia of Kyiv” (24, Vladimirska Str., Kyiv 01001, Ukraine). E-mail: alexanderdzhанov@gmail.com

Received August 5, 2020 Accepted for publication November 27, 2020

Published December 29, 2020

ДЮРБЕ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XV ВВ. В СОЛХАТЕ (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

М.Г. Крамаровский¹, Э.И. Сейдалиев^{2,3}

¹ Государственный Эрмитаж

Санкт-Петербург Российская Федерация
solkhat@hermitage.ru

² Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация

³ Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова
Симферополь, Российская Федерация
codexcumtanicus@gmail.com

Цель исследования: введение в научный оборот данных о новооткрытом памятнике архитектуры золотоордынского Солхата/Крыма.

Материалы исследования: в результате раскопок, проведенных на городище средневекового Солхата в 2018–2019 гг., нами выявлен неизвестный ранее археологический объект – дюрбе, принадлежащее исламской общине города. В качестве материалов исследования предлагаются архитектурные обмеры и чертежи, описания и анализ погребальных сооружений, а также данные о монетных находках и вещевом инвентаре, включая женские украшения, обнаруженные в одном из погребений.

Результаты и научная новизна: в ходе археологических разведок 2018 года в юго-восточной части золотоордынского Солхата, неподалеку от современного водохранилища, был выявлен новый объект, идентифицированный в ходе раскопок как средневековый мусульманский мавзолей (дюрбе). В результате разведок и раскопок 2018–2019 годов было установлено, что объект представляет собой руинированное строение, сохранившееся на уровне нижних кладок фундамента. В северном объеме дюрбе, на уровне пола локализовано два погребальных сооружения, представляющих собой подземные камеры: погребение 1, выложенное из квадратного золотоордынского кирпича, и погребение 2, выложенное из бута. В первом погребении, принадлежавшем женщине, обнаружены фрагменты архитектурных деталей и украшения в виде парных серег из желтого металла (золото?) с полупрозрачной подквадратной вставкой. Конструктивные особенности серег указывают на стилистику, характерную для Центральной Азии и Китая. Второе погребение – коллективное, с костными остатками не менее трех человек (из них два мужских); по времени оно совершено несколько раньше первого погребения и определяется как основное. Судя по нумизматическому материалу, мавзолей датируется в пределах конца XIV – начала XV веков.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Солхат, Крым, мавзолей, дюрбе, ювелирные украшения

Для цитирования: Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Дюрбе конца XIV – начала XV вв. в Солхате (новые материалы) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 714–736. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.714-736

A TÜRBE OF THE LATE FOURTEENTH OR EARLY FIFTEENTH CENTURY IN SOLKHAT (NEW MATERIALS)

M.G. Kramarovsky¹, E.I. Seydaliev^{2,3}

¹ State Hermitage Museum
St. Petersburg, Russian Federation
solkhat@hermitage.ru

² Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation

³ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
Simferopol, Russian Federation
codexcummanicus@gmail.com

Abstract: *Research objectives:* To present data about a newly discovered architectural monument of the Golden Horde's Solkhat/Krym.

Research materials: As the result of excavations of the medieval settlement of Solkhat in 2018–2019, we have revealed an unknown archaeological object – a türbe (mausoleum) belonging to the Islamic community of the town. The research materials contain architectural measurements and plans, a description and analysis of the burial structures, along with data on coins and other finds, including female jewelry found in one of the burials.

Results and novelty of the research: During archaeological surveys in 2018 in the southeastern part of the Golden Horde's Solkhat, not far from the modern reservoir, a new archaeological object was discovered and identified as a medieval Muslim mausoleum (türbe). As a result of the 2018–2019 excavations, it was found that it is a ruined structure, preserved at the level of the lower rows of the foundation. The plan of the mausoleum is based on a rectangle oriented to the cardinal directions. The structure consists of two parts – the southern which is the entrance and the northern which contains the actual tombs (gurkhan). In the northern part of the türbe at the floor level, two burial underground chambers were discovered: **burial 1**, constructed of square Golden Horde bricks, and **burial 2**, constructed of rubble stones. The first female burial contained fragments of architectural details and a pair of golden earrings with a translucent sub-square inlay. The design features of the earrings indicate a style distinctive to Central Asia and China. The gender of the buried individual is confirmed by anthropological analysis. The second burial is a collective one, with bone remains of at least three individuals, two of them being males.

According to the numismatic finds, the mausoleum dates to the late fourteenth or early fifteenth century. The presence of female jewelry among the funeral inventory of **burial 1** formally contradicts the traditions of Islamic funeral rites. Apparently, gold earrings, marking the social status of the deceased (among other details of clothing that have not reached us), indicate the persistent preservation of traces of steppe traditions.

Keywords: Golden Horde, Jochid ulus, Solkhat, Crimea, mausoleum, türbe, jewelry

For citation: Kramarovsky M.G., Seydaliev E.I. A Türbe of the late fourteenth or early fifteenth century in Solkhat (new materials). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 714–736. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.714-736

Мавзолеи Солхата. Историко-архитектурный контекст.

В результате археологических исследований на территории исламских кварталов средневекового Солхата/Крыма (г. Старый Крым) в разные годы изучено несколько мавзолеев (дюрбе). Один из таких объектов *раннего типа*

открыт в 1925 году экспедицией Всероссийской ассоциации востоковедения на территории медресе, учрежденного с благотворительной целью женой **Тоглук-Тимура**, солхатского улусбека времени Узбек-хана (1312–1341). Комплекс медресе возведен в начале 30-х гг. XIV века [17, с. 206–213; 16, с. 75–81]. Одно из зимних помещений западного крыла медресе в *последней трети того же столетия* было перестроено в *дюрбе* – сводчатую усыпальницу со *склепом* (погребальной камерой). Как и захоронение самого Мухаммеда, первоначально совершенного под полом одной из комнат собственного дома, погребение знатной дамы оказалось размещено в склепе с криптой, встроенном под уровень пола *гурхоны* дюрбе. Имя Инджи-бек хатун (Ильчи Хатун) и дата 775 г.х./1373 г. высечены на торцах мраморного кенотафа, обнаруженного в наземной части усыпальницы. Надгробие Ильчи Хатун, дочери Килбурун Бея, было установлено на подиуме из дерева, украшенном полихромными изразцами с бирюзовой поливой и надглазурным декором золотом; в северной части помещения сооружена *суфа* из кирпича, облицованная изразцами. Пол гурхоны выложен бирюзовыми плитками. Здесь же находился еще один кенотаф (тоже мраморный) с именем Ир-Султан, датированный 833 г.х./1429 г. Оба надгробия хранятся ныне в Бахчисарайском музее-заповеднике [9, № 286, с. 373; № 285, с. 272]¹. По свидетельству И.Н. Бороздина (раскопки 1925 г.), в подземной части мавзолея обнаружено *восемь погребений в деревянных гробах* и у входа в склеп еще два погребения [4, с. 24–30]. Таким образом, дюрбе Инджи-бек хатун со временем по законам *адата* превратилось в *коллективную усыпальницу*, в которой, по меньшей мере, две благочестивые праведницы оказались уподоблены знаменитым обитательницам Рая, чьи имена внесены в *хадисы*². Так для современников дюрбе жены *даруги* (монг.) Солхата стало *мазаром*. Представление о мавзолее-мазаре как особо почитаемом месте в жизни не менее трех поколений горожан сформировалось в период временной дистанции в пятьдесят шесть лет между 1373 и 1429 годами. Традиция *ибада* (от арабск. «поклонение») сказалась и после гибели медресе в 1-ой четверти XV в., когда жизнь

¹ На торцах кенотафа Инджи-бек хатун вырезана арабская надпись: «*Покойная, прощенная Ильчи Хатун. Во время 775 [1373] г.*» (перевод О. Акчокраклы) [см.: 1, с. 159]. На торцах кенотафа Ир-Султан – арабская надпись: «*Могила покойной, прощенной Ир-Султан, дочери <...>ранбека. От месяца Реби альб- Эвель в год 833 [1429]*» (перевод О. Акчокраклы) [см.: 4, с. 24–30].

² Их имена: *Хадиджа бин Хувайлид* – первая супруга Пророка, одна из богатейших женщин Мекки, расходовавшая после принятия ислама свое состояние на благотворительные цели; *Фатима бин Мухаммад* – младшая дочь Посланника Аллаха. Она родила пятерых детей, носила прозвище «*Захра*» – «белолицая, со светлым сияющим лицом», и «*Батуль*» – «благочестивая женщина»; *Асия бин Музахим* – жена деспотичного фараона. По преданию, она обнаружила в Ниле корзину с лежащим внутри ребенком, будущим Пророком Мусой. Асия скрывала от мужа свою веру, за что была казнена. Умерла во время пыток со словами *шахады* на устах. *Марьям бин Имран* – мать пророка Исы, символ благочестия; отличалась внешней красотой и духовным богатством. Все четверо жили в разное время в эпоху раннего ислама. См. в режиме доступа: https://m.islam-today.ru/veroucenie/4-samyh-velicestvennyh-obitatelnicy-raa/?fbclid=IwAR2ehiTvWN5MIi7wOzdJ_5WnBCCFzZhpJVilubqMHswFKxgwc7K57UwcxQQ (дата обращения 3.12.2020).

мазара продолжала поддерживаться общиной в форме обустройства специальной «сторожки» в одной из угловых худжр полуразрушенного медресе на стыке западной и северной стен³. Возможно, что причиной гибели медресе стало землетрясение 1423 г.⁴

Несколько слов о **Тоглук-Тимуре**, наместнике Крыма, принявшем ислам при Узбек-хане. Власть этого эмира, известного по воинским акциям против Судака, но еще по совместному путешествию с Ибн-Баттутой и его спутниками в Азак (летом 1333 г.) [11, с. 210–214], в эту пору не замыкалась пределами полуострова. Не случайно вопрос о выборе участка расселения венецианцев в Тане, «...где присутствие генуэзцев было засвидетельствовано в 1289–1290 годах» [2, с. 601], по соглашению Венецианского Сената с Золотой Ордой (1333 г.), решался *на месте даругой Солхата*, которого латинский источник называет «*господином земли*» [7, с. 591]⁵.

В 1980-х гг. и 2013 г. дюрбе Инджи-бек хатун было доследовано археологической экспедицией Эрмитажа с целью создания обмеров склепа (*план, разрезы*). Здесь же при расчистке пола нами обнаружена сердоликовая перстневая вставка с арабской надписью «*Слава тому, кто не умирает*» и изображением так наз. «узла счастья» [9, № 293, с. 382]. Находка вставки дорогого перстня, наряду с другими подобными случаями, напоминает о сохранении приверженцами шиитской ветви тюркского ислама старых обычаев сельджукидов Анатолии, вошедших не только в низовую культуру крымской улицы [17, с. 127–139], но, как мы видим в данном случае (и увидим еще), солхатской элиты.

В 1987 и 1990 гг. работами Старокрымской археологической экспедиции Эрмитажа (далее СКАЭГЭ) был обнаружено и изучено еще два исламских дюрбе.

Первое располагалось на площади перед порталом возобновленной в конце XV в. мечети Узбека [15, с. 131–132]. Мавзолей представлял собой прямоугольное в плане сооружение, с порталом (не сохранился), ориентированным на восток. При общих размерах мавзолея 6,3 x 9,65 м внутренняя площадь гурхоны составляла ок. 24 кв.м. Стены дюрбе толщиной 0,85–0,9 м сохранились на высоту 0,7–1,25 м; все кладки осуществлены на известковом растворе. В центре усыпальница обнаружена плита надгробия (2,0 x 0,76 м) с выемками под вертикальные торцы (не сохранились). По монетному материалу мавзолей датируется концом XIV–XV вв.

³ При исследовании остатков северо-восточной угловой худжры медресе, перестроенной для нужд «сторожки», нами расчищен отопительный *тандыр*, по стратиграфии принадлежащий ко второму этапу обживания помещения. Тандыр располагался в центральной части помещения и был выстроен в прослойке запустения, лежащей на первоначальном полу. Под основанием тандыра (при его разборке) обнаружился клад из 608 серебряных джучидских монет, помещенный в небольшую копилку [см.: 22, с. 43–46].

⁴ Принято считать, что землетрясение 1423 г. сравнимо с 9-ти бальным Большим крымским землетрясением 1927 г., получившем название «Ялтинского».

⁵ Напомним, что в 1333 г. «посольство» Тоглук-Тимура, состоявшее из его брата 'Исы, двух сыновей – Кутлуг Тимура и Сару-бека, имама Са'ад-дина, проповедника Абу Бакра, кади Шамс ад-дина, правововеда Шараф ад-дина Мусы и му'аррифа (докладчика) 'Ала' ад-дина, сопровождал еще и путешественник-араб Ибн-Баттута [см. 11, с. 210, 212, 213].

Из находок в слое разрушения мавзолея выделяется замковый камень (песчаник, 45,0х32,0х15,0 см) с именем *Махмуда ибн Османа ал-Ирбили* [10, № 212, с. 116, 207; 10, № 269, с. 351]. В имени Махмуда ибн Османа повторяется нисба *Ибраима ал-Ирбили*, вероятного строителя (архитектора) мечети Узбека (712 г.х./1314 г.). Нисбы строителей переносят нас на почву древнего Ирбиля (Эрбиль, Арбиль) в исторической Месопотамии⁶. Можно предположить, что в качестве ближневосточных мигрантов оба (?) попадают в Крым уже в начале эпохи хана Узбека.

В 1990-е гг. нами исследован самый значительный мавзолей, расположенный на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш в нескольких метрах от линии крепостной стены 1370–1375 гг., воздвигнутой беклербеком Мамаем [16, с. 131–132; 8, с. 132–133].

Мавзолей принадлежал к башенному типу, с шатровым завершением, покрытым бирюзовыми изразцами. Благодаря перепадам высот, он был виден с любой точки Солхата, поскольку город расположен много ниже, на восточном склоне Большого Агармыша в долине горной реки Чурук-су.

В основу плана дюрбе положена фигура, близкая к прямоугольнику, ориентированного с юго-запада на северо-восток. Его размеры: по длинной оси – 15,7 м, с юго-запада – 9 м, с северо-востока – 10 м. Стены сложены на известковом растворе в технике панцирной кладки из крупных блоков известняка по лицевым фасадам и заполнением бутом между ними. Стены сохранились в высоту до 1,25 м. Здание состояло из двух объемов: входной части с порталом (утрачен) и лестницей из 5 ступеней (общей высотой 1,45 м и шириной 2,85 м), и центрального объема – гурхоной – с погребениями под уровнем пола.

Входная часть мавзолея площадью 45 кв.м, что составило 2/3 всего сооружения (107 кв.м). Толщина стен мавзолея доходила до 2,5 м, что говорит о запасе прочности здания, чьи стены от уровня дневной поверхности как минимум должны были возвышаться на высоту ок. 10 м (или немногим более). Размеры внутреннего пространства центрального объема мавзолея 5,7 х 6,0 м. К сожалению, помещение гурхоны не содержало ни одного кенотафа. По видимому, это связано с разграблением памятника после его разрушения и разборкой кладок на нужды городского строительства в новое время. Между тем, в полуподземном склепе с криптой обнаружены останки 14 человек. Склеп перекрыт сводом. Сюда для вноса усопших вел специальный коридор с проемом в восточной стене склепа; длина коридора 4,8 м, ширина – 1,25 м. Пол склепа частично выложен обожженным кирпичом. Мавзолей датируется 50–60 гг. XIV в.

Сейчас невозможно ответить на вопрос, для кого именно был предназначен мавзолей. Можно лишь полагать, что он был ориентирован на погребение представителей городской элиты времени, предшествовавшего переходу Солхата в управление Мамаем в **1350-е** годы. Едва ли будет ошибкой

⁶ Монголы завоевывали город дважды – в 1237 г. (не сумев сломить сопротивление цитадели), но овладели им после завоевания Багдада в феврале 1258 г. Монгольский период Эрбиля продолжался до 1410 г. В 1921 году Эрбиль вошел в составе Ирака.

связать величественное дюрбе с именами улусных беев Тоглук-Тимура или его сына и преемника Кутлуг-Тимура, беклерибека в правительстве Джанибека и крымского улусбека с конца 1358 по 1368 гг. [30, с. 147–148].

Новые материалы. Раскоп XLVII.

В 2018 году в результате разведок Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, проведенных совместно с КИПУ имени Ф. Якубова в районе плотины Старокрымского водохранилища, был локализован объект, именуемый в устной традиции старожилов города как «дюрбе с плинфовым сводом» [6, с. 5, 8–10]. Подобно большинству строений средневекового Солхата, мавзолеев был разобран при добыче строительных материалов вплоть до кладок фундамента, сохранившихся частично. Остатки мавзолея (в том числе траншеи под фундаменты) оказались погребены под слоем запустения, заросшего дерниной и кустарником. На месте руин нами был заложен раскоп XLVII общей площадью 120 кв.м.

Раскоп расположен в 200 м к юго-востоку от края плотины Старокрымского водохранилища (см. отчет СКАЭГЭ за 2018 г.). Обнаруженный в ходе раскопок объект представлял собой остатки прямоугольного строения, ориентированного по оси северо-восток – юго-запад. После снятия дерна установлена следующая геометрия строения: длина его продольных стен (восточной и западной) составила 12,9 м; северной и южной стен – 8,1 м. Ширина траншеи под фундаменты от 1,0 до – 1,1 м; ширина сохранившихся кладок фундаментов: северного объема (в т.ч. фундамента стены, отделяющей входное помещение от гурхоны) – 1,1 м. Ширина кладок стен южного (входного) объема – 0,95 м. Размеры объемов дюрбе по внутреннему периметру траншей: южный (входной) объем: 6,0 х 3,0 м; северный: 6,1 х 6,1 м. Общая площадь сооружения составила около 104,5 кв.м.

Южную и северную часть строения разделяла стена, фундамент которой сохранился только в центральной части на небольшом участке. Фундамент сложен из местного бутового камня на известковом растворе. Здесь же обнаружались фрагменты кирпичного основания от обрамления входа в северный объем мавзолея – *гурхону*. Кирпичи и их отпечатки в растворе фиксируются в 0,6 м от продольной оси разделительной стены. Толщина поперечной стены – ок. 1,1 м, ширина траншеи под стену – 1,2–1,3 м, глубина траншеи – 0,35–0,4 м от условной поверхности несохранившегося пола (Рис. 1).

В центральной части северного объема (в кв. Б-3) (Рис. 2) на поверхности пола гурхоны после зачистки обнаружили контуры двух погребальных сооружений, впущенных под уровень пола – плотной известковой структуры, лежащей на темно-коричневом стерильном суглинке. Погребальные сооружения нумеровались по мере вскрытия.

Погребение 1 (Рис. 3) расположено в северном сегменте гурхоны. Погребение отстоит на 0,3 м от южного края траншеи северной стены. Погребальная камера ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Ее продольные стены параллельны северной стене мавзолея. Следов перекрытия над погребальной камерой не сохранилось. Но с восточной и западной стороны склепа кирпичи, уложенные на известковом растворе и примыкающие к ее

вертикальным стенкам, оказались выложены под углом ок. 60°. По-видимому, они указывают на возможное использование не дошедшего до нас коробового (?) свода.

Заполнение погребения представляло собой рыхлую светло-серую супесь, насыщенную известью, фрагментами раствора, штукатурки и кирпичей. Следы вероятного ограбления погребальной камеры кажутся очевидными. На это указывают перемещенные кости человеческого скелета и *отсутствие черепа*. В соответствии с антропологическими наблюдениями разрозненные человеческие кости принадлежали женщине ростом около 168–170 см⁷ (см. приложение 2).

О погребальной камере. Ее стенки и пол были выложены из плоского кирпича форматом 20 x 20 x 3,8 (4) см. Кладка выполнена на известковом растворе с большой тщательностью: в кладках стен кирпичи стыкуются достаточно плотно, а их горизонтальные швы не превышают 2 см. В высоту стены погребальной камеры достигают 0,75–0,78 м и сложены в 13 рядов кирпича. Пол выложен кирпичами с чередованием в соотношении 4-ех к 10-и строго по горизонтали. Кладка выполнена на известковом растворе плотно со швами, не превышающими 1 см.

Размер погребальной камеры по внутреннему периметру кладки: верхняя линия стенок: северная стена – 2,13 м, южная стена – 2,2 м, западная стена – 0,74 м, восточная – 0,73 м; по линии дна: северная – 2,13 м, южная – 2,18 м, западная – 0,8 м, восточная – 0,79 м. Глубина камеры от уровня пола гурхоны – 0,75–0,78 м; ширина конструкции в поперечной оси – 0,82 м, длина по продольной оси – 2,22 м. Площадь погребальной камеры – 1,8 кв.м.

Среди находок выделим глазурованный кирпич и зеленую плитку размерами 20 x 20 x 2 см, фрагменты ганчевой облицовки с оттиснутым рельефным орнаментом в виде шестиконечных звезд, ромбов, косых линий и несколько фрагментов с арабографическими надписями.

Наибольший интерес с точки зрения типологии, манеры исполнения и социальной характеристики владелицы представляет пара золотых серег (см. приложение 1). Среди погребального инвентаря также следует отметить фрагмент подвески из желтого металла, две бусины, фрагмент проволоки в желтой фольге (?) и стертую, неопределимую джучидскую монету (см. таблицу 1: №14).

Погребение № 2 – расположено в 0,3 м к югу от погребения №1 и в 2,6 м к северу от поперечной стенки дюрбе. Таким образом, оно находился в центральной части гурхоны. Западная часть кирпичной обкладки контура погребения расположена в 1,8 м от западной стены дюрбе; восточная часть – в 1,6 м от восточной стены. Размеры погребения: по линии запад-восток – 2,8 м; по линии север-юг – 1,6 м; площадь погребения ~ 4,5 кв.м.

Его стенки выложены из плоского квадратного золотоордынского кирпича (размер 22 x 22 x 4 см) на известковом растворе. Обращает внимание факт

⁷ Антропологический анализ проведен старшим научным сотрудником Института археологии Крыма РАН А.В. Ивановым.

использования в обоих погребениях кирпичей разного формата, что косвенно указывает на разновременность захоронений.

Подпольная часть склепа сложена из плоского бутового камня на известковом растворе, что отличает его от погребения №1, где стенки камеры сложены из кирпича. Пол камеры выложен из кирпича с чередованием в соотношении 9 к 2,5. Размер кирпичей – 22 х 22 х 4 см. Каменная кладка стенок опущена на глубину 0,83 м от уровня пола гурхоны. Изнутри стенки погребения покрыты известковым раствором. Толщина кладки $\approx 0,2\text{--}0,26$ м. Размеры погребальной камеры: длина – 2,2 м, ширина – 0,6 м, глубина $\approx 0,57$ м.

Погребальное сооружение впущено в подпольное пространство, представляющее собой слой темно-серого суглинка с известью и мелким камнем, встречаются и камни крупного бута. Толщина этого слоя около 0,3 м. Над ним вплоть до поверхности пола прослежен слой светло-серого грунта с большим содержанием извести, кирпича и глазурованной плитки, угольков. Можно предположить, что функционально – это слой ремонта.

Заполнение погребальной камеры несет следы явного ограбления, поскольку все кости погребенных, а их, по заключению антрополога, оказалось не менее трех (*см. приложение 2*), беспорядочно перемешаны. Над стенками погребальной камеры нами сохранен останец в виде стратиграфического разреза для последующего уточнения конструкции перекрытия захоронения. Отметим крупные камни в юго-западном и северо-восточном углу погребения, относящиеся, вероятно, к остаткам свода.

Грунт заполнения представлен рыхлым темно-серым суглинком. Находки из заполнения погребальной камеры представлены фрагментами кирпича из верхнего уровня кладок, глазурованных керамических плиток, невыразительного донца стеклянного сосуда и фрагментами бронзового зеркала. Облицовочные плитки квадратной и прямоугольной формы выполнены из хорошо обожженной красной глины. С лицевой стороны они покрыты коричневой и зеленой глазурью. На тыльной стороне плиток помещено по три конических выступа. Их предназначение, можно думать, связано с креплением в слой обмазки стен погребения (Рис. 4-1). Подобные отделочные детали до сих пор в раскопах городища нам не известны. Впервые встречены и детали декоративных панелей ганчевых облицовок с оттиснутым рельефом. Часть фрагментов этих панелей содержала арабографические надписи. На двух из них прочтена часть фразы: «Эта могила (райский сад) покойной <.....>»⁸. (Рис. 4-2, 4-3). К сожалению, имя адресата и дата пока не поддаются чтению.

Сооружение с коллективным погребением мы относим ко второму этапу захоронений в мавзолее.

Итак: 1) погребение №1 принадлежало женскому захоронению, из чего следует, что оно было сооружено в честь безымянной для нас праведницы. Логично предположить и другое: очевидно затратное дюрбе «с плинфовым сводом» было создано под стать социальному рангу усопшей. По-видимому, семья, на средства которой построен мавзолей, по уровню общественного

⁸ Чтение М.А. Усеинова, за что приносим автору глубокую благодарность.

статуса сопоставима с домом крымского феодала Мухаммеда сына Хаджи-Байрама, известного по тарханному ярлыку Тимур-Кутлука [22, с. 178].

2) Погребальная камера коллективного погребением № 2 относится к первому периоду функционирования мавзолея. Однако определить временной разрыв в обустройстве погребений не представляется возможным.

В погребении, судя по анализу костных остатков, оказалось захоронено, по меньшей мере, три человека, два из которых были мужчинам (*см. приложение 2*).

3) По монетному материалу дюрбе возведено в последнее десятилетие XIV – начале XV вв. Об этом свидетельствует преобладание джучидских монет конца XIII – начала XV в. Большинство золотоордынских дангов обнаружено в заполнении внутренней части мавзолея. Их даты, в пределах XIV – начала XV в. (*см. приложение 3*), позволяют отнести к этому времени и сам объект.

По-видимому, мавзолей, открытый раскопом XLVII, принадлежал переходной эпохе периода борьбы за Крым Токтамыша (1376–1394) и Тимур-Кутлука (1395–1401).

Приложение 1. Вернемся к определению золотых серег из погребения № 1 (Рис. 5) с полупрозрачной подквадратной вставкой из белого стекла (?), покрытой сеткой кракелюр. По форме вставка серьги, в виде обращенного книзу усеченного конуса, близка к элементу браслета XIV в. из Северного Причерноморья [31, р. 422–423]. Вставка 1,4 x 1,54 см закреплена в ажурном касте высотой до 3 мм, составленном из петлевидных элементов, выгнутых из тонкой плющеной проволоки. По верхнему краю каст украшен зернью. Подобные касты можно видеть в декоре парных золотых серег конца XIII – начала XIV вв. из Сирии или Египта, найденных в Центральной Азии [31, р. 415, № 309], или миниатюрных золотых нашивных бляшек, выполненных в технике филигрании, из числа находок Симферопольского клада (1-я половина XIV в.) [14, с. 327, № 476–478; общую характеристику клада см.: 13, с. 195–209]. Вставка удерживается в гнезде каста четырьмя трехлепестковыми розетками из тончайшей витой проволоки. С тыльной стороны каст напаян на крупную S-образную дужку из толстой золотой проволоки, составляющей конструктивную основу серьги. На эту же дужку напаяна и семилепестковая розетка из витой проволоки, в центре которой укреплена полусферическая вставка (утрачена); нижняя часть серьги заканчивается небольшой петлей. Петля служила для крепления статусных подвесок, нередко украшенных жемчугом. Подобные подвески можно видеть на портретах юаньских императриц из собрания музея Гугун на Тайбее [32, р. 298–303. Кат.-№. 348–352] и скульптурах Бодхисаттвы милосердия Гуаньинь (мастерские Цзиндэчжэнь, 1-я половина XIV в.) из белого фарфора с бело-голубой глазурью [20, с. 478].

На Руси статусные подвески с жемчугом, пришедшие через посредство Золотой Орды из юаньского Китая с монгольскими женами потомков Джучи в период ок. середины XIII – 1-ой трети XIV вв., известны как *рясы*. Подоб-

ные подвески украшают икону Богоматери из Благовещенского собора Московского Кремля [25, с. 219–223; 24, с. 47, ил. 1]. По наблюдениям московской исследовательницы, *рясы*, заимствованные из Золотой Орды, первоначально служили украшениями *венцов русских княгинь*, откуда были перенесены на храмовые моленные иконы богородичного цикла.

Таким образом, неприметная петля, завершающая композицию S-овидной серьги, является существенной деталью дизайна, указывающей не только на дальневосточное происхождение данного типа украшений, но и на время их прихода в Восточную Европу на рубеже XIII–XIV вв.

Серьги с основой в виде S-образно изогнутой петли редко встречаются в женских украшениях Золотой Орды, где подавляющее распространение получил иной тип – серьги в форме знака вопроса (в том числе и в находках с городища средневекового Солхата) [28, тип 6 а – 6 ж; ср. с серьгой типа VIII (2 экз., с. 39, рис. 6); 12, с. 28–35; 19, с. 33, 63, 193]. Их появление в Новгороде и городской среде территории Белоруссии связано с распространением моды на монгольские реалии [23, с. 15–16; 18, с. 86]. В XIV в. этот тип украшений, обстоятельно проанализированный болгарским археологом Г. Владимировым [5], получает широкое распространение в Восточной Европе (от Молдавии до Румынии и Венгрии) и на Балканах (Македония, Сербия, Болгария). Вместе с тем, в стремлении расширить ареал находок автор ошибается, причислив некоторые экземпляры женских украшений из района Тянь-Шаня к типу серег в виде знака вопроса. К ним относятся *сельджукская серьга* в виде несомкнутого кольца с характерным миниатюрным многогранником на одном из концов⁹ [5, с. 11, рис. 1, 7] и *серьги с плавным S-овидным изгибом дужек* [5, с. 11, рис. 1, 1 и 1, 3] и миндалевидными вставками. К последнему типу относятся одиночные серьги и три парные находки из кочевнических курганов Притяньшанья монгольского времени [26, с. 126]. Эти серьги типологически и по стилю (в том числе и декору каста с зернью) наиболее близки к солхатской находке 2019 г.

Серьги с плавно изогнутой S-видной петлей восходят к танскому Китаю и известны для эпохи Сун (960–1279). Одним из ярких примеров является находка 1990 г. из могильника на холме Машань в районе средневекового Лояна в провинции Хэбэй [33, п. 12, р. 37–51]. В склепе с погребением дамы, близкой к императорскому двору, обнаружены *in situ* золотые серьги интересующего нас типа с филигранью (ill. 21: 7, 12). Еще более роскошные золотые серьги того же типа были выставлены в 1995 г. на аукционе Christie's в Лондоне [14, с. 172–173, рис. 88, 89]. Интересующий нас тип серег, но более скромных по декору, известен и по находкам в Монголии эпохи Юань (1271–1368 гг.) [27, с. 187–188]; см. еще фрагмент серьги из захоронения Маамуу толгой к юго-востоку от Каракорума [29, с. 221, рис. 110, 6]. По-видимому, золотые серьги из Притяньшанья и серьги, найденные нами в захоронении дюрбе Солхата, восходят к одной традиции.

⁹ Аналогичные серьги известны по ряду находок XIII–XIV вв.; см., например, золотую (?) серьгу из клада на городище Каялык (Жетысу, XIII в.) [3, с. 308].

Приложение 2. Определение антропологического материала.

В результате археологических исследований в двух открытых в дюрбе погребальных сооружениях были выявлены разрозненные кости погребенных. По-видимому, в погребении № 1, хронологически сооруженном позднее, бы похоронен один индивид, в то время как более раннее погребальное сооружение №2 содержало коллективное захоронение.

Из заполнения погребения 1 взяты разрозненные кости, по-видимому, относящиеся к посткраниальному скелету одного взрослого индивида. В соответствии с заключением антрополога погребенная – вероятно, взрослый индивид (*maturus*) женского пола, с реконструируемым ростом 158–160 см.

В погребении №2 были также обнаружены разрозненные кости посткраниального скелета, принадлежавшие не менее чем трем погребенным. В соответствии с заключением антрополога было определено, что кости принадлежат следующим индивидам:

1. Погребенный, вероятно, мужчина. Реконструируемый рост погребенного – ок. 170 см.
2. Кости, вероятно, так же принадлежавшие взрослому мужчине, реконструируемый рост – 160–163 см.
3. Кости, принадлежавшие не крупному грацильному костяку взрослого индивида, вероятно, взрослой женщине (?).

Приложение 3. Определение монет.

В ходе исследований на территории раскопа XLVII в 2019 году было обнаружено всего 26 монет, все они представлены в таблице 1. Пять из них не удалось определить, ввиду плохой сохранности (№№ 1, 6, 11, 14, 24). Три монеты – анонимные пулы: один – времени правления Менгу-Тимура (№ 5), и два – конца XIII в (№ 17, 22). Еще два анонимных медных пула принадлежат времени правления хана Токты (№ 25, 26). Времени правления хана Узбека принадлежат также две монеты (№№ 2, 13). Четыре монеты приходится на время правления хана Джанибека (№№ 3, 9, 15, 16). Наибольшее количество определимых монет (пять) относятся ко времени правления хана Токтамыша (№№ 4, 7, 10, 12, 20). Также был обнаружен один анонимный пул с тамгой «коз» (№ 23). Две монеты ориентировочно относятся к анатолийским бейликам XIV – начала XV вв. (№ 18, 19). Одна из монет была определена как акче крымского хана Сахиба I Герая (№ 8), обнаружена поблизости от дюрбе, за его пределами. Таким образом, большинство монет, обнаруженных в пределах раскопа, датируются второй половиной XIV в.

Таблица 1

(Авторы благодарны нумизмату А. Козлову за определение монет и консультации)

№ пп	Участок	Фотография находки	Определение	Кол -во	Ме- талл	Размеры (см)
1	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат В2. Дерн		Трудноопреде- лимая монета	1	Медь	18x17,5 мм
2	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат В2. Дерн		Данг хана Узбе- ка 720 г.х. С надчеканкой «Хан», чекан Крым ал- Махруса (Монета обломана)	1	Се- ребро	16,5x13 мм
3	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б2. Дерн		Анонимный пул, чекан Крыма 743 г.х. (год прописью) с изображением стилизованного двуглавого орла, правление хана Джанибека	1	Медь	18x17,5 мм
4	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б2. Штык 2		Анонимный пул, [Крым] с надпи- сью «Власть Богу» (ал-Мульк Аллах) куфиче- ским шрифтом, время правления хана Токтамыша	1	Медь	18,5x17 мм
5	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б2. Штык 2		Анонимный пул, чекан Крыма с надписью «48-1 йармак», правление Менгу Тимура	1	Медь	15x16,5 мм
6	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б2. Штык 2		Монета не опре- делена из-за плохого состояния	1	Медь	15x13 мм

7	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат В2. Штык 2		Анонимный пул, чекан ал-Джадид 782 г.х. С надписью «Адил» (Законный), правление хана Тохтамыша	1	Медь	16x17,2 мм
8	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б4. Штык 1. Прирезка		Акче Сахиба I Герая Крым? Кырк Йер?	1	Серебро	11x12,5 мм
9	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат А2. Штык 3		Анонимный пул, чекан Сарая ал-Джадид 752–753 г.х., правление хана Джанибека	1	Медь	16x16,5 мм
10	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б3-В3. Бровка. Штык 2		Анонимный пул, чекан ал-Джадид 782 г.х. С надписью «Адил» (Законный), правление хана Тохтамыша и надчеканкой Каффы («портал», начало XV в.)	1	Медь	18x19 мм
11	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат А4. Штык 3		Трудноопределимая монета (с отверстием)	1	Медь	12x15 мм
12	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б3. Штык 3		Анонимный пул, чекан ал-Джадид 782 г.х. С надписью «Адил» (Законный), правление хана Тохтамыша	1	Медь	16,2x17,5 мм

13	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат А5. Штык 1		Пул Узбек хана, чекан Крыма, без года л.с. Хан справедливый Узбек о.с. Тамга, чекан Крыма	1	Медь	17,5x18 мм
14	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б3. Заполнение склепа № 1		Трудноопределимая монета	1	Медь	17x15,5 мм
15	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат А4. Штык 3		Анонимный пул, чекан Сарая ал-Джадид 752–753 г.х., правление хана Джанибека	1	Медь	15,5x16,2 мм
16	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат А4. Штык 3		Анонимный пул, чекан Крыма 743 г.х. (год прописью) с изображением стилизованного двуглавого орла, правление хана Джанибека. (Монета обломана)	1	Медь	13x16,2 мм
17	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат Б5. Штык 3		Анонимный пул конец XIII в., [Крым], без года, с изображением оленя влево	1	Медь	19x21,5 мм
18	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат А3. Бровка. Штык 2		Jandar, Candarogullari Beyliqi, Isfendiyarid or Candarid Mangir	1	Медь	19x18,5 мм

19	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат В2. Погребение № 2		Ильханы, Османы, Анатолийские Бейлики (?), на одной из сторон просматривается символ веры	1	Медь	D=17 мм
20	Раскоп 47. Дюрбе. Подъемный материал		Анонимный пул, [Крым] с надписью «Власть Богу» (ал-Мульк Аллах) куфическим шрифтом, время правления хана Токтамыша	1	Медь	18,5x17,5 мм
21	Раскоп 47. Дюрбе. Подъемный материал		Анонимный пул, чекан Азака, с изображением тарак тамги. В слове «Азак» вместо буквы «каф» написана «гайн».	1	Медь	14x15,5 мм
22	Раскоп 47. Дюрбе. Подъемный материал		Анонимный пул конца XIII в., чекан Крыма, с надписью «Счастье и успех»	1	Медь	18x18,5 мм
23	Раскоп 47. Дюрбе. Подъемный материал		Анонимный пул, чекан ал Джадид с изображением тамги «Коз»	1	Медь	15,5x17 мм
24	Раскоп 47. Дюрбе. Подъемный материал		Трудноопределимая монета	1	Медь	11x13 мм
25	Раскоп 47. Дюрбе. Подъемный материал		Анонимный пул, Крым конец XIII – начало XIV вв. Правление хана Токты? Инкузный брак	1	Медь	15x16 мм

26	Раскоп 47. Дюрбе. Квадрат А'3 – А3. Бровка		Анонимный пул, чекан Крыма, 69(690 г.х.), правление хана Токты	1	Медь	D=16 мм
----	---	---	--	---	------	---------

Рис. 1. Общий вид раскопа XLVII

Fig. 1. General view of the excavation site XLVII

Рис. 2. Контур погребальных сооружений 1 и 2 на участке Б-3

Fig. 2. The contour of the burial structures 1 and 2 on the plot B-3

Рис. 3. Погребальная камера захоронения 1

Fig. 3. The burial chamber of the burial 1

Рис. 4. Находки из заполнения погребального сооружения 1.
1 – глазурованные облицовочные плитки, 2 – фрагменты архитектурного декора,
3 – фрагмент надписи

Fig. 4. Findings from filling the burial structure 1.
1 – glazed facing tiles, 2 – fragments of architectural decor,
3 – a fragment of the inscription

Рис. 5. Серьги из заполнения погребального сооружения 1

Fig. 5. Earrings from the filling of the burial structure 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О.Н. Старокрымские надписи (по раскопкам 1928 года) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3 (60). С. 152–159.
2. Балар М. Генуэзцы и Золотая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 598–608.
3. Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. науч. ред. Ускенбай К.З. Алматы, 2008. 880 с.
4. Бороздин И.Н. Солхат: Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году. Научн. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1926. 32 с.
5. Владимиров Г. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства / Отв. ред. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Казань: ИА АН РТ, 2018. 128 с.
6. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: «Бизнес-Информ», 2014. 212 с.
7. Ди Козмо Н. Татары и торговцы на черноморской границе в XIII и XIV веках: совпадения интересов и конфликты // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 578–598.
8. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество: Монография. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
9. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
10. Золотая Орда. История и культура: каталог выставки. СПб.: «Славия», 2005. 264 с.
11. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005. 711 с.
12. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийского региона». М.: Восточный институт, 2019. 128 с.

зийских степей». Вып. 16 / Отв. ред. Миргалеев И.М. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с.

13. Крамаровский М.Г. «Симферопольский клад»: первые владельцы и гипотеза стоимости сокровищницы в XIV в. // Античная древность и средние века. Т. 47. Екатеринбург, 2019. С. 195–209.

14. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. 364 с.

15. Крамаровский М.Г. Исследование трех архитектурных объектов на территории средневекового Солхата // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. М., 1987. С.131–132.

16. Крамаровский М.Г. Комплекс мечети и медресе Солхата; актуальные проблемы изучения и сохранения // Сборник тезисов Международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). 14–18 октября 2014 года. Симферополь, 2014. С. 205–213.

17. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: «ЕВРАЗИЯ», 2012. 496 с.

18. Лавыш К.А. Художественные традиции Восточной и Византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск: «Белорусская наука», 2008. 208 с.

19. Майко В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007. 273 с.

20. Меньшикова М. Бодхисаттва // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 478.

21. Сафаргалеев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 275 с.

22. Северова М.Б. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа. (По материалам Старокрымской экспедиции) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 54. СПб., 1990. С. 43–46.

23. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. 158 с.

24. Стерлигова И.А. К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской торевтики // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. № 1/2019. М.: Государственный институт искусствознания, 2019. С. 43–52.

25. Стерлигова И.А. Новгородский след в истории древнерусских золотых ряс // Нескончаемое лето; Сб. ст. к юбилею Е.А. Рыбиной. М.; Великий Новгород, 2018. С. 219–224.

26. Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1966. 256 с.

27. Тэнгэрийн сулд (The Banner of Heaven). Эзэнт гурний эд Өлгийн соел (Material culture of The Great Mongol Empire). Пурэвжавын Эрдэнэчулууны цуглуулга (Collections of Erdenechuluun Perevijav). 2014.

28. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского университета, 1966. 276 с.

29. Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уллаанбаатар, 2008.

30. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде: монография / Перевод с англ. яз. Хамидовой Ч.И., Хаутала Р.; отв. ред. Миргалеев И.М. Казань, 2019. 260 с.

31. Spink M. Golden Horde, Mamluk and Ilkhanid jewellery // The Nasser D. Khalili collection of Islamic Art. Vol. XVII. General Editor Julian Raby. The Nour Foundation in association with Azimuth Editions. 2013. P. 383–703.

32. Wang Yao-T'ing. Die Darstellung der mongolischen Herrscher in der chinesischen Materrei der Yuan – Dynastie // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. 2005. P. 298–303.

33. Wen-wu (Cultural Relics). № 12. 1992. P. 37–51.

Сведения об авторах: Марк Григорьевич Крамаровский – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока, Государственный Эрмитаж, куратор центрально-азиатских коллекций (190000, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: solkhat@hermitage.ru

Эмиль Исаевич Сейдалиев – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник ФГБУН Институт археологии Крыма РАН (295007, проспект академика Вернадского, 2, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2822-3930. E-mail: codexcummanicus@gmail.com

Поступила 21.06.2020 Принята к публикации 24.11.2020

Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Akchokrakly O.N. Starokrymskie nadpisi (po raskopkam 1928 goda) [Starokrymsky inscriptions (from the 1928 excavation)]. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Tauride Society of History, Archaeology, and Ethnography]. 1929, vol. 3 (60), pp. 152–159. (In Russian)
2. Balard M. Genueztsy i Zolotaya Orda [Genoese and the Golden Horde]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, pp. 598–608. (In Russian)
3. *Bol'shoy atlas istorii i kul'tury Kazakhstana* [Great Atlas of the History and Culture of Kazakhstan]. Almaty, 2008. 880 p. (In Russian)
4. Borozdin I.N. *Solkhat: Predvaritel'nyy otchet o rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymsika i Nauchnoy assotsiatsii vostokovedeniya Soyuza SSR v 1925 godu* [Solkhat: A Preliminary Report on the Work of the Archaeological Expedition of the Crimean Council of People's Commissars, Central Executive Committee of the Crimean ASSR, and Scientific Association of Oriental Studies of the USSR in 1925]. Moscow: "Spark of revolution", 1926. 32 p. (In Russian)
5. Vladimirov G. *Ser'gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoy Bolgarii (XIII–XIV vv.): o material'nykh sledakh kumanov i Zolotoy Ordy v kul'ture Vtorogo Bolgarskogo tsarstva* [Question Mark Earrings from Medieval Bulgaria (thirteenth and fourteenth centuries): On the Material Traces of Cumans and the Golden Horde in the Culture of the Second Bulgarian Kingdom]. Kazan: A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 128 p. (In Russian)
6. Gavrilov A.V., Mayko V.V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkheologicheskoy karte goroda Staryy Krym)* [Medieval Settlement of Solkhat-Krym (materials for the archaeological map of the city of Staryi Krym)]. Simferopol: "Business-Inform", 2014. 212 p. (In Russian)
7. Di Cosmo N. *Tatary i torgovtsy na chernomorskoy granitse v XIII i XIV vekakh: sovpadeniya interesov i konflikty* [Mongols and merchants on the Black Sea frontier (thirteenth and fourteenth centuries): coincidence of interests and conflicts]. Moscow: "Vostochnyye knigi", 2004. 128 p. (In Russian)

teenth and fourteenth century): Convergences and conflicts]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, pp. 578–598. (In Russian)

8. Zilivinskaya E.D. *Arkhitektura Zolotoy Ordy, Chast' 1: Kul'tovoe zodchestvo. Monografiya* [Architecture of the Golden Horde, Part 1: Cult Architecture. Monograph]. Kazan: "Fatherland", 2014. 228 s. (In Russian)

9. *Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoy imperii: katalog vystavki* [The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Chinggisid Empire: Exhibition catalog]. Moscow: Marjani Foundation, 2019. 504 p. (In Russian)

10. *Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura: katalog vystavki* [The Golden Horde. History and Culture: Exhibition Catalog]. St. Petersburg: "Slavia", 2005. 264 p. (In Russian)

11. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh, Tom I: Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannykh V.G. Tizengauzenom. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie* [The History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. I: Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic Works Collected by V.G. Tiesenhausen. Revised and Expanded Edition]. Almaty, 2005. 711 p. (In Russian)

12. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya)* [Elements of Decoration and Accessories of the Costume of the Golden Horde Nomads (typology and socio-cultural interpretation)]. Kazan, 2013. 212 p. (In Russian)

13. Kramarovskiy M.G. "Simferopol'skiy klad": pervye vladel'tsy i gipoteza stoimosti sokrovishchnitsy v XIV v. ["Simferopol treasure": the first owners and the hypothesis of the value of the treasury in the fourteenth century]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg, 2019, vol. 47, pp. 195–209. (In Russian)

14. Kramarovskiy M.G. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy* [Chinggisids' Gold: Cultural Heritage of the Golden Horde]. St. Petersburg, 2001. 364 p. (In Russian)

15. Kramarovskiy M.G. *Issledovanie trekh arkhitekturnykh ob'ektov na territorii srednevekovogo Solkhata* [Study of three architectural objects on the territory of medieval Solkhat]. *Zadachi sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s"ezda KPSS. Tezisy dokladov* [Tasks of Soviet Archaeology in the Light of the Decisions of the Twenty-Seventh Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Abstracts]. Moscow, 1987, pp. 131–132. (In Russian)

16. Kramarovskiy M.G. *Kompleks mecheti i medrese Solkhata; aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya* [The complex of the mosque and madrasah of Solkhat: Actual problems of study and conservation]. *Sbornik tezisev Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka (g. Staryy Krym). 14–18 oktyabrya 2014 goda* [Proceedings of the International Research Conference Dedicated to the Seven Hundredth Anniversary of the Mosque of Özbek Khan (Strayy Krym). October 14–18, 2014]. Simferopol, 2014, pp. 205–213. (In Russian)

17. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya* [Man of the Medieval Street. Golden Horde. Byzantium. Italy]. St. Petersburg: "Eurasia", 2012. 496 p. (In Russian)

18. Lavysh K.A. *Khudozhestvennye traditsii Vostochnoy i Vizantiyskoy kul'tury v iskusstve srednevekovykh gorodov Belarusi (X–XIV vv.)* [Artistic Traditions of Eastern and Byzantine Culture in the Art of Medieval Cities of Belarus (from the tenth to fourteenth centuries)]. Minsk: "Belarusian Science", 2008. 208 p. (In Russian)

19. Mayko V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoy doliny* [Medieval Necropolises of the Sudak Valley]. Kyiv, 2007. 273 p. (In Russian)

20. Men'shikova M. *Bodhisattva* [Bodhisattva]. "Podarok sozertsayushchim". *Stranstviya Ibn Battuty: katalog vystavki* ["A Masterpiece to Those Who Contemplate". Travels of Ibn Battuta. Exhibition Catalog]. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2015, p. 478. (In Russian)

21. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [The Dissolution of the Golden Horde]. Saransk: Mordovian book publishing house, 1960. 275 p. (In Russian)
22. Severova M.B. Popolnenie fonda dzhuchidskikh monet Ermitazha. (Po materialam Starokrymskoy ekspeditsii) [Replenishment of the fund of Jochid coins of the Hermitage: Based on materials from the Starokrymsk expedition]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [State Hermitage Messages]. St. Petersburg, 2008, no. 54, pp. 43–46. (In Russian)
23. Sedova M.V. *Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Old Novgorod (from the tenth to fifteenth century)]. Moscow, 1981. 158 p. (In Russian)
24. Sterligova I.A. K izucheniyu “mongol'skogo” perioda v istorii drevnerusskoy toreutiki [To the study of the “Mongolian” period in the history of old Russian toreutics]. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva. Zhurnal po istorii drevnerusskogo iskusstva* [Bulletin of the Sector of Old Russian Art. Journal of the History of Old Russian Art]. Moscow: State Institute of Art Studies, 2019, no. 1, pp. 43–52. (In Russian)
25. Sterligova I.A. Novgorodskiy sled v istorii drevnerusskikh zolotokh ryas [Novgorod trace in the history of old Russian golden robes]. *Neskonchaemoe leto. Sbornik statey k yubileyu E.A. Rybinoy* [Endless Summer: Collection of Articles for the Anniversary of E.A. Rybina]. Moscow; Velikiy Novgorod, 2018, pp. 219–224. (In Russian)
26. Tabaldiev K. *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya* [Mounds of the Medieval Nomadic Tribes of Tien Shan]. Bishkek, 1966. 256 p. (In Russian)
27. *Tengeriyn suld. Ezent gyрниy ed Olgiyn soel. Purevzhavyn Erdenechuluuny tsugluulga* [The Banner of Heaven. Material Culture of the Great Mongol Empire. Collections of Erdenechuluun Pervijav]. 2014. (In Mongolian)
28. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde's Khans]. Moscow: Moscow University, 1966. 276 p. (In Russian)
29. Tseveendorzh D., Bayar D., Tserendagva Ya., and Ochirkhuyag Ts. *Arkheologiya Mongolii* [Archaeology of Mongolia]. Ulaanbaatar, 2008. (In Russian)
30. Schamiloglu U. *Plemennaya politika i sotsial'noe ustroystvo v Zolotoy Orde: monografiya* [Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde: A Monograph]. Kazan, 2019. 260 p. (In Russian)
31. Spink M. Golden Horde, Mamluk and Ilkhanid jewellery. *The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art*. Vol. XVII. Raby J. (ed.). 2013, pp. 383–703.
32. Wang Yao-T'ing. Die Darstellung der mongolischen Herrscher in der chinesischen Materrei der Yuan – Dynastie. *Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen*. 2005, pp. 298–303. (In German)
33. Wen-wu (Cultural Relics). № 12, 1992. pp. 37–51.

About the authors: Mark G. Kramarovskiy – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (34, Dvortsovaya Naberezhnaya, St. Petersburg 190000, Russian Federation). E-mail: solkhat@hermitage.ru

Emil I. Seydaliev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Chair of history, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov (8, Uchebny lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Senior Research Fellow, Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Sciences (2, Academician Vernadsky Avenue, Simferopol 295007, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Crimean Research Center of Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2822-3930. E-mail: codexcummanicus@gmail.com

Received June 21, 2020 Accepted for publication November 24, 2020
Published December 29, 2020

К ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
rpochekaev@hse.ru*

Цель: характеристика юридической науки в Золотой Орде (Улусе Джучи). Рассматриваются основные этапы развития золотоордынской юриспруденции, выявляются основные ее научные центры на территории этого государства.

Материалы исследования: исследование базируется на классических и новейших трудах по истории Золотой Орды и отдельных ее аспектах (включая те, которые лишь в последнее время стали активно изучаться специалистами – в частности, религия, культура и наука Улуса Джучи), а также источниках, в т.ч. и сравнительно недавно введенных в научный оборот – сочинениях средневековых восточных авторов, ранее неизвестных широкому кругу исследователей, либо не использовавшихся как источник по истории Золотой Орды.

Научная новизна: на примере конкретных представителей юридической науки (законододов и преподавателей права) дается характеристика направлений, по которым она развивалась, анализируются научные контакты золотоордынских правоведов с учеными других стран, процессы «академической мобильности». Также уделяется внимание поддержке развития юридической науки в Золотой Орде ее правителями, причинам, по которым она достигла расцвета в первой половине XIV в. и пришла в упадок к началу XV в.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что хотя юриспруденция в Золотой Орде, несомненно, была частью юридической науки мусульманского Востока в целом, однако, вместе с тем, имела и определенную «золотоордынскую» специфику, которая обусловила основные этапы развития юриспруденции в Улусе Джучи, ее направления, повлияла на судьбу отдельных ученых. Это позволяет говорить о самостоятельности юриспруденции в Золотой Орде и о перспективности дальнейших исследований в этом направлении – изучении золотоордынских письменных памятников, имеющих юридическое значение, биографий отдельных ученых и т.д.

Ключевые слова: Золотая Орда, юриспруденция, традиционное монгольское право, мусульманское право, мазхабы, международное научное сотрудничество

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 737–752. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752

ON THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE'S JURISPRUDENCE

*R.Yu. Pochekaev**National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article contains a characteristic of the jurisprudence in the Golden Horde (Ulus of Jochi). The author considers basic stages of development of the Golden Horde's jurisprudence and uncovers its scholarly centers located within its territory.

Research materials: This research was carried out on the basis of the classical and most recent works on the history of the Golden Horde and its specific aspects (including those that began to be studied by specialist only recently). It was also based on the sources including those which were introduced into scholarly circulation relatively recently; for example, works of medieval eastern authors that were not previously known to a wide range of researchers or were not typically employed as sources on the history of the Golden Horde.

Novelty of the research: Following the example of specific scholars (specialists and lecturers in law), the author characterizes basic directions of the development of the Golden Horde's jurisprudence, while analyzing academic contacts of the Golden Horde's scholars and the process of "academic mobility". Also, the author pays attention to the Golden Horde rulers' support of jurisprudence and the reasons behind its flourishing in the first half of the fourteenth century and its decline by the beginning of the fifteenth century.

Research results: The author has found that the Golden Horde's jurisprudence was undoubtedly part of jurisprudence of Islamic Eurasia in general, but at the same time had specific "Golden Horde" features. These determined the basic stages and directions of its development and even had an influence on the life and activity of specific scholars. It provides justification to speak of the original character of the Golden Horde's jurisprudence and perspectives in regard to its further research: the study of the Golden Horde's written monuments (legal and non-legal), biographies of specific scholars, etc.

Keywords: Golden Horde, jurisprudence, traditional Mongol law, Muslim law, madhabs, international scholarly cooperation

For citation: Pochekaev R.Yu. On the History of the Golden Horde's Jurisprudence. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 737–752. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752

Значительные достижения в изучении Золотой Орды (Улуса Джучи) в начале XXI в. позволили обратиться к таким ее аспектам, которые до этого совершенно не затрагивались – в частности, о науке и культуре этого государства. Достаточно подробно изучены вопросы развития золотоордынской литературы, философии и богословия, есть работы, посвященные изучению в Золотой Орде даже математики и астрологии. Однако, насколько нам известно, до сих пор ни один автор не обращался к истории юридической науки в Улусе Джучи, хотя ряд исследователей (как историки, так и правоведы) занимаются изучением различных правовых аспектов золотоордынской истории [см., напр.: 6; 7; 15; 20; 23].

Вполне вероятно, что причиной отсутствия подобных исследований являлось отсутствие сведений о юридической науке в Золотой Орде и ее пред-

ставителях. Однако на сегодняшний день ситуация несколько изменилась. Можно без преувеличения утверждать, что в настоящее время в «ордыноведении» происходит настоящий взлет, характеризующийся укреплением междисциплинарного взаимодействия ученых и введением в научный оборот источников, которые либо не привлекали внимание специалистов по истории Золотой Орды, либо же были доступны только узкому кругу специалистов (в первую очередь из-за того, что написаны на восточных языках, которыми владеет отнюдь не большинство авторов, занимающихся проблемами золотоордынской истории). В результате сегодня в распоряжении исследователей имеется довольно широкий круг источников восточного происхождения – средневековые арабоязычные и персоязычные хроники, энциклопедии и словари, содержащие ценные сведения о золотоордынском правоведении и правоведах, а также работы отдельных специалистов, занимающихся проблемами истории мусульманского права, затрагивающие и некоторые вопросы, относящиеся к золотоордынскому периоду¹. Использование этих источников и исследований позволило автору настоящей статьи предпринять попытку дать общую характеристику правовой науки в Золотой Орде, ее основных этапов и направлений, проиллюстрировав их на примере деятельности конкретных правоведов.

Как известно, правовая система Золотой Орды была сложной и многоуровневой. При этом далеко не все элементы этой системы стали предметом исследований правоведами этого государства. В частности, нам неизвестно о том, что в Улусе Джучи (равно как и во всей Монгольской империи) были специалисты, изучавшие имперское монгольское право – правовые установления Чингизхана (Великую Ясу) и его изречения (билики), равно как и изречения его потомков, судебную практику – решения имперских судей-дзаргучи. Обратившись к вопросу о распространении знаний и представлений о монгольском имперском праве, мы приходим к довольно неожиданному выводу: их наличие являлось признаком не профессиональной, а социальной, а в ряде случаев – даже и семейной принадлежности.

Так, ознакомление с Ясой (правовыми принципами и нормами) Чингизхана происходило на курултаях – съездах монгольской знати, а со временем и знати вассальных государств. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что в 1235 г. хан Угедэй, сын и преемник Чингизхана, созвал курултай, поскольку «захотел собрать еще раз всех сыновей, родственников и эмиров и заставить их вновь выслушать ясу и постановления» [28, с. 35]. Внимание исследователей неоднократно привлекал тот факт, что Яса, которую в историографической традиции принято считать сводом законов Монгольской империи и государств Чингизидов, на самом деле не была доступна широким слоям их населения [см., напр.: 34, р. 169]. В самом деле, согласно сообщению Джувейни – современника и высокопоставленного чиновника на службе у монгольских правителей Ирана (ильханов), списки Ясы хранились «в казне у доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться или посадит на конь войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устройении – те свитки приносят и по ним кладут основу дел» [4, с. 141]. Можно в значительной степени согласиться с мнением петербург-

¹ В различных зарубежных архивах время от времени обнаруживаются даже юридические трактаты золотоордынских ученых [см. подробнее: 32, с. 144].

ского востоковеда А.К. Алексеева, что Великая Яса регламентировала отношения между самими Чингизидами и, соответственно, имела достаточно ограниченное распространение [1, с. 39]. Это в значительной степени объясняет и отсутствие специалистов, которые могли бы изучать и толковать это законодательство, а затем – и передавать свое знание.

Билики, т.е. изречения Чингизхана этического, политического и правового характера, казалось, могли бы стать предметом для изучения – подобно хадисам, т.е. изречениям пророка Мухаммада, которые уже в течение многих столетий не только являются источником права, но и изучаются мусульманскими богословами и правоведами. По нашему мнению, билики являлись своего рода правовой доктриной Монгольской империи и входивших в ее состав улусов, в т.ч. и Золотой Орды [см. подробнее: 25, с. 49–58]. Тем не менее, насколько нам известно, и они были известны представителям знати, занимавшим высокое место в имперской властной структуре. Для них знание биликов было своего рода обязанностью, на что указывает как раз один из биликов Чингизхана: «Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингизхана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают билика, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, [и] тот, и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников» [27, с. 260]. Знание биликов однажды даже стало решающим фактором при выборе хана: «между Тимур-кааном и [его братом] Камалой, который был годами старше его, начались споры и пререкания относительно престола и царствования. Кокчин-хатун, которая была крайне умна и способна, сказала им: “Мудрый каан, то есть Кубилай-каан, приказал, чтобы на престол воссел тот, кто лучше знает билики Чингизхана, теперь пусть каждый из вас скажет его билики, чтобы присутствующие вельможи увидели, кто лучше знает”. Так как Тимур-каан весьма красноречив и [хороший] рассказчик, то он красивым голосом хорошо изложил билики, а Камала, из-за того что он немного заикается и не владеет в совершенстве речью, оказался бессилён в словопрении с ним. Все единогласно провозгласили, что Тимур-каан лучше знает и красивее излагает [билики] и что венца и престола заслуживает он» [28, с. 206]. Этот пример, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что знание биликов, как и Ясы Чингизхана, являлось прерогативой правящей элиты.

Наконец, что касается судебной практики, то и она, насколько известно, не являлась предметом специального изучения и не использовалась для подготовки «профессиональных юристов». Судебные решения, безусловно, записывались (начало этой практике положил сам Чингизхан²) и в дальнейшем использовались судьями в качестве прецедентов. Однако сами судьи не принадлежали к числу профессиональных юристов, обладавших специальными знаниями в правовой сфере, а происходили также из числа монгольской знати, для которых знание принципов и норм права, как уже отмечалось,

² Согласно монгольской средневековой хронике «Сокровенное сказание», Чингизхан повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись “Коко Дефтер-Бичик”, связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных “гур-ирген”, а равным образом и судебные решения» [14, § 203, с. 160].

являлось обязательным требованием. Именно эти требования содержались в ярлыках, которыми судьи-дзаргучи назначались на должность: знание Ясы и монгольского (т.е. имперского) права в целом [5, с. 104]. Нам известны имена двух верховных судей Монгольской империи в первой половине XIII в., которые были родовитыми нойонами и, в первую очередь, ханскими военачальниками, а судебские обязанности выполняли *ad hoc*. Первый из них – татарин Шихи-Хутаг, приемный сын матери самого Чингизхана, участник многих его походов³. Второй – полководец Мункесар из племени джалаир, назначенный судьей для разбирательства дела нескольких царевичей-Чингизидов, устроивших заговор против только что пришедшего к власти хана Мунке (1251–1259) [о нем см.: 10, с. 233–239].

Не были профессиональными юристами со специальной подготовкой и судьи, выносившие решение на основе норм и принципов обычного права – так называемые бии. Традиционно они выбирались из лиц, обладавших высокой репутацией и знанием правовых обычаев, независимо от их социальной принадлежности [см. подробнее: 24, с. 122–124, 266–275]. Однако, поскольку правовые знания, как мы уже отметили, не имели широкого распространения среди населения, бии, как правило, являлись родственниками (чаще всего прямыми потомками – сыновьями и внуками) предыдущих народных судей, которые и передавали им знания об обычном праве.

Таким образом, говоря о юридической науке в Золотой Орде, следует пониматься под ней именно мусульманское правоведение (фикх). На это могут возразить, что, в таком случае, речь идет лишь об отдельном хронологическом периоде в истории науки мусульманского права в целом, и нет оснований считать его именно «золотоордынским правоведением». Однако ниже мы постараемся показать именно специфику развития науки мусульманского права в Золотой Орде и влияние, какое оказал на это развитие факт принадлежности юридической науки и ее представителей именно к этому государству.

Прежде всего, проследим основные этапы развития мусульманского правоведения в Золотой Орде. Наверное, стоит начать с того, что оно возникло далеко не вместе с образованием этого государства. Развитию золотоордынского мусульманского правоведения и достижению им высокого уровня, признаваемого и на международной научной арене, во многом способствовал тот факт, что еще до появления Золотой Орды в ряде регионов, вошедших впоследствии в ее состав, имелись развитые мусульманские школы. Так, хорезмийское правоведение пользовалось известностью и авторитетом среди мусульманских правоведов уже с IX–X вв. [18, с. 204–205]. Также существовала собственная правовая школа в Волжской Булгарии: ее ученые были известны уже в XII в. [33, с. 75; см. также: 19, с. 290, 337, 412–413; ср.: 11, с. 98–99].

Монгольское нашествие 1210–1230-х гг. сначала на Центральную Азию, а затем и в Поволжье, конечно же, повлияло на состояние науки, в т.ч. и юриспруденции. Многие ученые погибли либо в сражениях с монголами, либо при взятии и разграблении городов, многие отправились в изгнание,

³ Сравнительно недавно в Монголии появилось специальное исследование, посвященное этому деятелю [16].

найдя убежище в странах мусульманского мира, на тот момент не подвергшихся нашествию – в Багдадском халифате, Египте и др. [18, с. 206].

После создания Золотой Орды в регионах, пострадавших во время нашествия, постепенно был восстановлен порядок, и уже в 1240–1250-е гг. мусульманские правоведы Хорезма, Булгара и других мусульманских регионов вернулись к своей научной, преподавательской и практической деятельности – уже в качестве подданных ханов-Чингизидов. С этого времени берет начало собственно золотоордынское правоведение.

Расцвет золотоордынской правовой науки относится к первой половине XIV в. и непосредственно связан с политическими событиями этого периода. К 1320 г. хан Узбек (1313–1341) объявляет ислам официальной государственной религией Золотой Орды, и мусульманское право, до этого времени являвшееся одним из «региональных» источников права в Улусе Джучи, фактически ставится на один уровень с монгольским имперским правом, а мусульманские судьи-кади заседают в судах вместе с судьями-дзаргучи, и тяжущиеся сами были вправе определять, к кому из судей обращаться [31, с. 311–312]. Неудивительно, что эти изменения вызвали всплеск в развитии и теоретической мусульманской правовой науки, появление многочисленных трудов, увеличение числа публичных диспутов и пр.

В 1330–1340-е гг. в Государстве ильханов в Иране наступают смутные времена, и вскоре государство распадается на ряд враждующих между собой владений. В обстановке безвременья многие мусульманские правоведы из Ирана эмигрируют в Золотую Орду, где их с удовольствием принимают хан Узбек и его сын Джанибек (1342–1357), оказывая им всяческое покровительство [17, с. 124].

В 1360–1370-е гг. и в самой Золотой Орде началась многолетняя гражданская война, в результате которой многие научные связи между регионами были утрачены. В частности, это привело к тому, что в Хорезме в этот период возникла школа «новых ханафитов», представители которой – Джалал ад-Дин ибн Шамс ад-Дин ал-Гурлани, Мухаммад ибн Шихаб ал-Кардари, Тахир ибн Ислам ал-Харизми Сугднамадпуш, Мухаммад ибн Мухаммад ал-Кардари, более известный как «Ибн ал-Баззази» и др. – в большей степени ориентировались на среднеазиатскую правоведческую традицию, сближаясь не с другими учеными Улуса Джучи, а со своими коллегами из среднеазиатского монгольского Улуса Чагатай [18, с. 229].

Однако после окончания смуты к 1380 г. и восстановления единства Золотой Орды под властью хана Токтамыша (1380–1395) туда вновь стали прибывать правоведы из других мусульманских стран, в т.ч. и из Средней Азии, где как раз в это время начинается возвышение Амира Тимура (Тамерлана), которое не приветствовали многие ортодоксальные богословы и правоведы. Например, вышеупомянутый Ибн ал-Баззази (ум. 1423), был среди тех мусульманских законоведов-улемов, которые объявили Тамерлана «неверным», так что, конечно, после этого он не мог оставаться в Хорезме и после захвата его Тамерланом переехал в Сарай [33, с. 81].

Последний период расцвета мусульманской правовой науки в Золотой Орде относится к рубежу XIV–XV вв., когда государство еще сохраняло единство при фактическом правлении могущественного временщика эмира

Едигея (1397–1412). Затем Улус Джучи вновь охватили междоусобицы, и вскоре он окончательно распался на ряд самостоятельных государств. Соответственно, у правоведов просто-напросто исчезла возможность заниматься своей деятельностью в условиях постоянных смут и междоусобиц.

Впрочем, некоторые из пост-ордынских государств до некоторой степени стали преемниками Золотой Орды не только в политическом и правовом отношении, но и сохранили некоторые традиции юридической науки. Наибольшее развитие правоведение получило в Крымском ханстве, где и в XVIII в. переписывались и комментировались юридические трактаты, созданные золотоордынскими учеными [9, с. 34, 45, 55]. Сохранялись научные традиции и в Казанском ханстве, правда, в нем ученые больше склонялись к богословию, чем к правоведению [2, с. 94–95]. Имеются косвенные сведения о том, что мусульманская правовая наука существовала и в Касимовском ханстве – маленьком государстве, которое в течение всего времени своего существования (1445–1681) являлось вассалом Московского государства [26, с. 76].

Нельзя не отметить многообразие школ и направлений мусульманской юридической науки в Улусе Джучи. Учитывая самые разнообразные правовые традиции, «региональные» варианты ислама и пр., не приходится удивляться, что в Золотой Орде действовали представители нескольких мазхабов – крупных школ мусульманского права. Наиболее распространенным на территории Улуса Джучи (еще до его образования) был ханафитский мазхаб, весьма популярный среди тюркских народов: его основатель Абу Ханифа ибн Сабит (699–767) сам был тюрком и потому считал возможным адаптировать установленные юридические правила к местным обстоятельствам, т.е. учитывать правовые традиции тех или иных народов и регионов [13, с. 17–21]. Этот мазхаб был широко распространен в большинстве регионов Золотой Орды – Поволжье, Северном Причерноморье, в Хорезме, на территории современного Западного Казахстана. Тем не менее, на территории Улуса Джучи работали и представители других мазхабов: представители шафитского мазхаба были в самом Сарае – столице Золотой Орды, периодически из Египта приезжали правоведы маликитского мазхаба, а на территории Азербайджана (в течение долгого времени являвшегося спорной территорией между Золотой Ордой и государством ильханов в Иране) был распространен джаффаритский (шиитский) мазхаб [3, с. 14; 29, с. 88, 91; см. также: 17, с. 124; 33, с. 82–83, 92].

Внутри крупных школ-мазхабов выделялись и «меньшие» школы и направления, как правило, основанные и руководимые наиболее авторитетными правоведами, которые оставляли многочисленных последователей. Представители таких школ и направлений нередко были потомками их основателей, так что, можно сказать, что юридические знания и профессия правоведа в целом являлись наследственными.

Так, едва ли не первыми учеными-правоведами в Золотой Орде были представители т.н. «старой хорезмийской школы» – Мухаммад ибн Махмуд ат-Тарджумани (ум. 1247), занимавший должность кади, и его сын Ахмад ибн Мухаммад ат-Тарджумани (ум. 1262). В конце XIV в. из Самарканда в Сарай прибыли Абд ал-Аффал ибн Али ал-Фаргани и его родственник Исам (Хисам) ибн Абд ал-Малик ал-Маргинани – потомки знаменитого правоведа Бурхан ад-Дина Маргинани (ум. 1197), автора «Хидаи», которая до сих пор

признается одним из выдающихся произведений мусульманской науки права. Естественно, они считались продолжателями его учения [18, с. 229–230]. Вышеупомянутый Ибн ал-Баззази обучался правоведению у своего отца Мухаммада ибн Шихаба ибн Юсуфа ал-Хорезми ал-Кардари, который, кстати и был больше известен не как ученый, а именно как отец и наставник собственного сына [12, с. 166–168; см. также: 18, с. 207, 230]!

Впрочем, принадлежность к той или иной династии ученых, хотя во многом и облегчала их представителям преуспевание на поприще юридической науки, отнюдь не означала, что эти школы были сугубо «семейными», закрытыми для других лиц и конкурирующими между собой. Напротив, представители разных школ нередко сотрудничали, и сын какого-либо известного ученого мог считаться учеником (или единомышленником) не только своего отца, но и другого выдающегося правоведа. К представителям «старой хорезмийской школы» относилось не только семейство ат-Тарджумани, но и другие ученые, в частности – знаменитый правовед Наджмуддин Абу Раджа Мухтар ибн Махмуд ал-Кузбани аз-Захиди (ум. 1260) [18, с. 229]. Хисам ибн Абд ал-Малик Маргинани разделял взгляды Ибн ал-Баззази, хотя они и получали образование в рамках разных школ [33, с. 82].

Основная научная деятельность золотоордынских правоведов состояла в написании научных трудов, которые большей частью представляли собой комментарии на более ранние юридические сочинения, либо же переписывание более ранних трудов с изложением ряда положений предыдущих авторов в собственной интерпретации⁴. Заслугой золотоордынских авторов стало то, что именно благодаря им сохранились до более позднего времени работы мусульманских правоведов XII–XIII вв.

Так, Ахмад ибн Ахмад ибн Ата, более известный под прозвищем «Джамал ал-Бухари», в 1261 г. переписал труд «ал-Икна ли-ма хуийа тахт ал-кина» Насира ибн Абд ас-Сайида ал-Мутарризи (ум. 1219). В 1304 г. Мухаммад ибн Айюб ибн Юсуф ибн Хасан ибн Наср ал-Джанди переписал «Умдат ал-фатава» ас-Садр аш-Шахида (ум. 1141) и «Мухтар ал-фатава» Абу Хафс ан-Насафи (ум. 1142). Мухаммад ал-Бухари в 1308–1309 гг. переписал ряд сочинений Мухаммада ибн Абу-л-Касима ал-Баккали ал-Хорезми (ум. 1181) [18, с. 228, 229, 233]. Выходец из Ирана Мухаммад ибн Мухаммад ибн Иса аш-Ширвани переписал в 1339 г. в Сарае книгу Низам ад-Дина б. Бурхан ад-Дина Маргинани «Джавахир ал-фикх», а его соотечественник Мухаммад ибн Мухаммад ал-Харави – в 1357–1358 гг. труд «ал-Фикх ан-нафи» Насир ад-Дина Абу-л-Касима Йусуфа ибн Мухаммада ал-Мадани ас-Самарканди [17, с. 124].

Также в золотоордынский период появилось немало комментариев фикха. Наджмуддин Абу Раджа Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди в середине XIII в. составил комментарии «Шарх ал-Кудури» и «ал-Кунья» [12, с. 122, 147]. Хусам ад-Дин ас-Сыгнаки (ум. 1314) в 1300 г. составил комментарий «ан-Нихайа» на вышеупомянутый труд Бурхан ад-Дина Маргинани «Хидоя» и на труд «ал-Тамхид» ал-Махкули, причем в последний включил не только свои

⁴ Собственно, как отмечают современные исследования, наука фикха и состоит в толковании принципов и норм права, хотя нередко ученые добавляли в свои комментарии и результаты собственных изысканий или практической деятельности, учитывая реалии своего времени [30, с. 92].

комментарии, но и комментарии своих наставников и других выдающихся правоведов своего времени [12, с. 118–119, 148, 185–186; 17, с. 122]. Сад ад-Дин ат-Тафтазани (ум. 1390) сделал «супракомментарий» на комментарий ал-Иджи к компендиуму Ибн ал-Хаджиба «Мухтасар ал-Мунтаха» («Сокращение Предела») [9, с. 33]⁵.

Стоит отметить, что далеко не всегда переписчики и компиляторы более ранних трудов создавали качественные произведения: среди них было немало таких, кто не понимал до конца смысл переписываемого или комментируемого текста [21, с. 62]. Поэтому наибольшим доверием пользовались труды тех авторов, которые получали «иджазу», т.е. формальное разрешение или одобрение видного ученого (как правило, своего наставника) на переписывание и комментирование конкретного труда. «Иджаза», по сути, означала признание того, кому она давалась, профессиональным правоведом, способным понять и правильно передать переписываемый или комментируемый текст. Так, в 1258 г. Бурхан ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абу Бакр ибн Умар ас-Самарканди (ум. 1332) получил иджазу на передачу труда «Кунйат ал-мунйа» Мухтара ибн Махмуда аз-Захиди ал-Хорезми. Аналогичным образом иджаза была дарована Ибн ал-Баззази своему ученику Шараф ад-Дину ибн Камал ад-Дину ал-Кыrimi на комментарий труда «ал-Акаид» Абу Хафса ан-Насафи [17, с. 123; 18, с. 228, 230–231].

Другой формой деятельности золотоордынских правоведов было преподавание⁶. Золотоордынские ученые-юристы отводили важную роль преподавательскому процессу, о чем свидетельствует тот факт, что авторитетные правоведы выдавали разрешение своим ученикам не только на переписывание или комментирование научных трудов, но и на преподавание. В частности, известно, что такое разрешение Ибн ал-Баззази выдал Сирадж ад-Дину Ахмаду ибн Фадлу Хаджитархани [12, с. 169].

Некоторые правоведы даже были больше известны именно в качестве преподавателей, нежели авторов научных трудов. Так, Алла ад-Дин Абу-л-Харис Арслан ибн Давуд ибн Али ал-Утрари ал-Муадил ал-Факих (ум. 1302 или 1303) преподавал и в Золотой Орде, и в Багдаде, а также работал библиотекарем. Вышеупомянутый Хусам ад-Дин ас-Сыгнаки в начале XIV в. преподавал не только в Улусе Джучи, но также в Дамаске и Багдаде [12, с. 76–77, 136, 149, 157–160]. Весьма впечатляющей оказалась карьера еще одного золотоордынского ученого – Алла ад-Дина Али ибн Абу Язид ас-Сарайи (или Сайрами, 1353–1389). В возрасте 20 лет он покинул Золотую Орду, несколько лет учился праву в Сирии, после чего перебрался в Каир и вскоре стал первым преподавателем хадисов в мечети Захарийя – личной мечети египетского мамлюкского султана Баркука (1382–1399). По отзывам современников, ас-Сарайи отличался талантом и остроумием и пользовался большим авторитетом, являясь знатоком не только права, но и методологии

⁵ Этот труд был в 1453 г. переписан в Каире, что подтверждает высокое качество и востребованность золотоордынских трудов по фикху в мусульманском научном мире.

⁶ Конечно, многие ученые сочетали исследовательскую и преподавательскую деятельность с практической, осуществляя административные или судебные полномочия, издавая фетвы – правовые заключения по ряду вопросов и пр. Однако это направление мы в рамках данного исследования не рассматриваем, поскольку ставим своей целью анализ именно истории науки права в Золотой Орде.

его изучения и преподавания. Однако столь быстрая и успешная карьера молодого чужеземца не понравилась его египетским коллегам, и, по некоторым сведениям, он был отравлен своими недоброжелателями, скончавшись в возрасте 36 лет. В Египте остался его брат Сайф ад-Дин, также занимавшийся преподаванием, а затем его дело продолжил его сын Муххиб ад-Дин (1389–1455), впрочем, уже считавшийся египетским, а не золотоордынским правоведом [8, с. 128–132; 12, с. 129–130, 165, 179–180].

Вышеприведенные примеры показывают, что золотоордынские ученые не ограничивались контактами с соотечественниками из разных регионов – Булгара, Крыма, Хорезма и пр., но и активно взаимодействовали с иностранными правоведом и сами нередко осуществляли научную и преподавательскую деятельность в других странах. По сути, речь идет о явлении, которое сегодня называется «академической мобильностью». Полагаем, она стала возможна по двум причинам. Во-первых, большинство ордынских правоведов, как уже отмечалось, были ханафитами, и им не составляло труда установить контакты и найти возможность для применения своих способностей, знаний и навыков в других странах, где также был распространен этот мазхаб⁷. Во-вторых, большинство ордынских правоведов выезжали для учебы и научной или преподавательской работы в те государства, с монархами которых находились в дружбе и союзе властители Золотой Орды – в первую очередь, в Египет и Сирию, находившиеся под властью мамлюкских султанов, тогда как выходцы из самого Египта, как уже упоминалось выше, приезжали в Улус Джучи.

Наконец, еще одну форму деятельности золотоордынских правоведов представляли публичные научные мероприятия – чаще всего диспуты. Масштабами ведения диспутов считались Алла ад-Дин Абу Язид ас-Сарайи и Ибн ал-Баззази [12, с. 169, 176]. Некоторые диспуты вошли историю не только как научные, но и как политические события – как, например, диспут при Тамерлане в 1388 г., в котором участвовал его «ставленник» ас-Сайид аш-Шариф ал-Джурджани и золотоордынский правовед Сад ад-Дин ат-Тафтазани, а арбитром диспута был еще один знаток фикха Нуман ад-Дин ал-Хорезми [18, с. 205]. Если вспомнить, что в это время у Тамерлана как раз началось обострение отношений с золотоордынским ханом Токтамышем, то можно удивиться широте взглядов враждующих монархов, позволивших своим ученым подданным дискутировать между собой.

Мусульманские правоведы пользовались покровительством золотоордынских монархов. Нередко ученые посвящали труды своим патронам, порой даже давая книгам названия в их честь. Вышеупомянутый представитель «старой хорезмийской школы» Наджмуддин Абу Раджа Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди назвал один из своих трактатов «Насирийя», посвятив его золотоордынскому правителю Берке (1257–1266), который также имел мусульманское имя ан-Насир [33, с. 90]. Али ибн Мухаммад ибн Дахкан ал-Байканди преподнес свой комментарий фикха «Мифтах ал-гулум» хану Узбеку [33, с. 93]. А Сад ад-Дин ат-Тафтазани подарил свой юридический комментарий фикха «ат-Талвих ала-т-таудих» хану Джанибеку [17, с. 124].

⁷ Впрочем, среди золотоордынских правоведов встречались деятели, являвшиеся знатоками нескольких мазхабов – например, и ханафитского, и шафиитского [17, с. 124].

Таким образом, своим развитием золотоордынское правоведение в немалой степени было обязано ханам Улуса Джучи, поощрявшим научные исследования, заказывавшим написание юридических трудов, проведение научных мероприятий (в первую очередь, диспутов) и оказывавшим покровительство самим ученым. В различных источниках сообщается об активной поддержке мусульманских правоведов правителями, которые объявляли себя ревнителями ислама – Берке, Узбеком, Джанибеком⁸. Да и другие монархи Улуса Джучи старались не отставать от них, стараясь демонстрировать покровительство ученым даже в не самые лучшие времена. Ярким примером тому является вышеупомянутый Алла ад-Дин Али ибн Абу Язид ас-Сарайи, который был сыном управителя вакуфного имущества (не правоведом!) и лишился отца в 9 лет, однако благодаря покровительству золотоордынских монархов или аристократов получил образование и в 20-летнем возрасте выехал за границу для дальнейшего обучения [8, с. 131; 12, с. 176]. Обратим внимание, что он находился под покровительством ханов в 1360–1370-е гг., т.е. в период вышеупомянутой золотоордынской смуты!

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы о развитии юридической науки в Золотой Орде.

Во-первых, многие тенденции и направления в ее развитии, безусловно, имели немало общего с развитием мусульманского правоведения в других странах. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что наука права в Улусе Джучи в полной мере отражала уровень юридических знаний в мире, а в чем-то и превосходила его, что нашло отражение в востребованности золотоордынских правоведов в других странах ислама.

Во-вторых, политические события в Золотой Орде во многом повлияли на развитие юридической науки в этом государстве, обуславливая периоды ее расцвета, упадка, иногда – появления «региональных» вариантов (например, в Хорезме в 1360–1370-е гг.). При этом нельзя не отметить, что дипломатические связи Золотой Орды с другими странами ислама – Ираном, Сирией, Египтом и пр. – повышали возможности «академической мобильности» золотоордынских правоведов, к которым весьма благосклонно относились монархи – союзники золотоордынских ханов.

В-третьих, золотоордынская правовая наука оказала влияние на развитие юриспруденции в других государствах: в одних преподавали потомки и ученики золотоордынских правоведов, в других были востребованы труды ордынских ученых. Кроме того, в пост-ордынских государствах также были продолжены изыскания в области юриспруденции, что стало еще одним элементом преемства этих государств от Золотой Орды.

⁸ При этом у нас нет сведений, что среди самих ханов были знатоки мусульманского права, какие появляются среди Чингизидов более позднего времени. Например, потомок золотоордынских монархов Мухаммад Шайбани-хан (1451–1510), основатель Бухарского ханства, прекрасно знал мусульманское богословие и право, активно участвовал в ученых диспутах и оставил целый ряд сочинений [см. подробнее: 22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.К.* Йаса и ислам: особая модель функционирования административно-правовых институтов ханств Мавераннахр // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Р.Р. Рахимова. СПб.: Музей антропологии и этнографии Российской академии наук, 2008. С. 37–46.
2. *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.). Казань: Мастер-Лайн, 2001. 262 с.
3. *Васильев Д.В.* Суфизм и исламизация Золотой Орды // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 14–18.
4. *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г.В. История права. СПб.: Лань, 1999. С. 112–148.
5. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
6. *Жумаганбетов Т.С.* Золотоордынское право. Основные аспекты содержания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2009. № 5. С. 118–124.
7. *Жумаганбетов Т.С.* Сущностные аспекты традиционной обычно-правовой системы Золотой Орды // Вестник Челябинского университета. 2009. № 7 (145). Право. Вып. 18. С. 108–111.
8. *Зайнуддинов Д.Р.* Ученый из Сарая – Мавляна Зада ас-Сарай (754/1353–791/1389) – в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365–845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 126–137. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137
9. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.
10. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Храпачевского Р.П. М.: «Центр по изучению военной и общей истории», 2009. 336 с.
11. *Измайлов И.Л.* Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // Природа и общество: на пороге метаморфоз (Социально-историческая история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXIV). М.: Энергия, 2010. С. 90–103.
12. История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечения из сочинений XII–XVI веков / Сост., пер., введ., коммент. Муминова А.К. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 272 с.
13. *Керимов Г.М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.; СПб.: Диля, 2007. 512 с.
14. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niġiġa tobġi-gan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборонок. Введ., перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 620 с.
15. *Маслова С.А.* Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 154 с.
16. *Минжин Ц.* Их Монгол улсын заргач Шихихутуг. Улаанбаатар: Бэмби-Сан, 2011. 146 т.
17. *Муминов А.* Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 121–127.
18. *Муминов А.* Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии / Под ред. Прозорова С.М. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2015. 400 с.

19. Мухаммадеев А.Р. Общественно-правовые взаимоотношения в Волжской Болгарии (VIII – начало XIII вв.). Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2014. 474 с.
20. Назипов И.И. Северо-Восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды (Улуса Джучи) (1242–1502 годы). Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2014. 360 с.
21. Остроумов Н.П. Мусульманское законоведение. Ташкент: Б.и, 1909. 82 с.
22. Почекаев Р.Ю. Между «чингизизмом» и шариатом: политико-правовые взгляды Мухаммада Шайбани-хана // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М.: Медина, 2017. С. 485–501.
23. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
24. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
25. Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 311 с.
26. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.
27. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. Смирновой О.И.; примеч. Панкратова Б.И. и Смирновой О.И.; ред. Семенов А.А. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. 316 с.
28. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Верховского Ю.П., примеч. Верховского Ю.П. и Панкратова Б.И., ред. Петрушевский И.П.. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 253 с.
29. Сайфетдинова Э.Г. Источники религиозной мысли в Золотой Орде (по материалам произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 164 с.
30. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М.: Наука, 1986. 256 с.
31. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издательство С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
32. Усманов М. Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 141–146.
33. Шихабуддин Марджани. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мусиафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. 1 / Пер. со старо-тат. Адыгамова Р.К. Казань: Иман, 2005. 200 с.
34. Morgan D.O. The “Great Yasa of Chingis Khan” and Mongol law in the Ikhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 163–176.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, доцент, кандидат юридических наук (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ResearcherID: K-2921-2015; ORCID: 0000-0002-4192-3528; E-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила 29.07.2020 Принята к публикации 17.11.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Alekseev A.K. Yasa i islam: osobaya model' funktsionirovaniya administrativno-pravovykh institutov khanstv Maverannakhra [Yasa and Islam: Specific model of functioning of administrative-legal institutions of khanates of Mawarannahr]. *Rakhmat-name: Sbornik statey k 70-letiyu R.R. Rakhimova* [Rakhmat-nameh: Collected Works on the Occasion of Seventieth Birthday of R.R. Rakhimov]. St. Petersburg: Museum of anthropology and ethnography of the Russian Academy of Science, 2008, pp. 37–46. (In Russian)
2. Amirkhanov R.M. *Tyurko-tatarskaya filosofskaya mysl' srednevekov'ya (XIII–XVI vv.)* [Turkic-Tatar Philosophic Thought of the Middle Ages (from the thirteenth to sixteenth century)]. Kazan: Master-Line, 2001. 262 p. (In Russian)
3. Vasil'ev D.V. Sufizm i islamizatsiya Zolotoy Ordy [Sufism and the Islamization of the Golden Horde]. *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy. Sbornik nauchnykh statey pamyati V.P. Kostyukova* [Questions of History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde. Collected Works in Commemorations of V.P. Kostyukov]. Astrakhan: Astrakhan University, 2011, pp. 14–18. (In Russian)
4. Vernadskiy G.V. O sostave Velikoy Yasy Chingis-khana [On the content of the Great Yasa of Chinggis Khan]. Idem. *Istoriya prava* [History of Law]. St. Petersburg: Lan, 1999, pp. 112–148. (In Russian)
5. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow: Bogorodskiy pechatnik, 1998. 368 p. (In Russian)
6. Zhumaganbetov T.S. Zolotoordynskoe pravo. Osnovnye aspekty sodержaniya [Golden Horde's law. Principal aspects of the content]. *Vestnik RUDN. Seriya "Yuridicheskie nauki"* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series "Legal Sciences"]. 2009, no. 5, pp. 118–124. (In Russian)
7. Zhumaganbetov T.S. Sushchnostnye aspekty traditsionnoy obychno-pravovoy sistemy Zolotoy Ordy [Essential aspects of traditional customary legal system of the Golden Horde]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk University]. 2009, no. 7 (145), Series "Law", iss. 18, pp. 108–111. (In Russian)
8. Zaynuddinov D.R. Uchenyy iz Saraya – Mavlyana Zada as-Sarai (754/1353–791/1389) – v biograficheskoy slovar' al-Makrizi Taki ad-dina (766/1365–845/1441) "Kitab al-mukaffa al-kabir" (Bol'shaya rifmovannaya kniga) [A scholar from Saray: Mawlana Zada al-Sarai (754/1353–791/1389) in the biographical dictionary of Taqi al-Din al-Makrizi (766/1365–845/1441) "Kitab al-Muqaffa al-Kabir" (The Great Rhymed Book)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 126–137. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137 (In Russian)
9. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographical Tradition from the fifteenth to nineteenth century: Ways of Development. Manuscripts, Texts, and Sources]. Moscow: Oriental literature, 2009. 304 p. (In Russian)
10. *Zolotaya Orda v istochnikakh*, T. III: *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources, Vol. 3: Chinese and Mongolian Sources]. Khrapachevsky R.P. (tr.). Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2009. 336 p. (In Russian)
11. Izmaylov I.L. Islam v Volzhskoy Bulgarii: rasprostraneniye i regional'nye osobennosti [Islam in Volga Bulgaria: Propagation and regional features]. *Priroda i obshchestvo: na poroge metamorfoz (Sotsioestestvennoaya istoriya. Genезis krizisov prirody i obshchestva v Rossii. Vyp. XXXIV)* [Nature and Society: On the Verge of Metamorphoses (Socio-natural history. Genesis of crisis of nature and society, 34)]. Moscow: "Energy", 2010, pp. 90–103. (In Russian)
12. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*, T. III: *Izvlecheniya iz sochineniy XII–XVI vekov* [History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. 3: Extracts from Works

from the twelfth to sixteenth century]. Muminov A.K. (tr.). Almaty: Dayk-Press, 2006. 272 p. (In Russian)

13. Kerimov G.M. *Shariat: Zakon zhizni musul'man. Otveti Shariata na problemy sovremennosti* [Shariat: The Law of Life of Muslims. Answers of Shariat on Modern Problems]. Moscow; St. Petersburg: Dilya, 2007. 512 p. (In Russian)

14. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Monggol-un niguča tobči-gan. Yuan' Chao bi shi. Mongol'skiy obyden'nyy izbornik* [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240. Yuan Chao bi shi. Mongolian Ordinary Collection]. Kozin S.A. (ed. and tr.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russian)

15. Maslova S.A. *Instituty ordynskoy vlasti nad Rus'yu (baskaki, darugi, posly)* [Institutions of the Golden Horde Power in Rus': Basqaqs, Darugas, Ambassadors]. Ph.D. Thesis. Moscow, 2015. 154 p. (In Russian)

16. Minzhin Ts. *Ikh Mongol ulsyn zargach Shikhikhutug* [Shikhi Hutug: The Judge of the Great Mongol Empire]. Ulaanbaatar: Bembi-San, 2011. 146 p. (In Mongolian)

17. Muminov A. *Deyatel'nost' uchenykh ulama iz Irana v Zolotoy Orde* [Activity of learned ulamas from Iran in the Golden Horde]. *Istoriko-kul'turnye vzaimosvyazi Irana i Dasht-i Kipchaka v XIII–XVIII vv. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Historical and Cultural Connections of Iran and Desht-i Kipchak from the thirteenth to eighteenth century. Proceedings of the International Round Table]. Almaty: Dayk-Press, 2004, pp. 121–127. (In Russian)

18. Muminov A. *Khanafitskiy mazhab v istorii Tsentral'noy Azii* [Hanafi Madhab in the History of Central Asia]. Prozorov S.M. (ed.). Almaty: Kazakh encyclopedia, 2015. 400 p. (In Russian)

19. Mukhamadeev A.R. *Obshchestvenno-pravovye vzaimootnosheniya v Volzhskoy Bolgarii (VIII – nachalo XIII vv.)* [Social-legal Relations in Volga Bulgaria (from the eighth to beginning of thirteenth century)]. PhD Thesis. Kazan, 2014. 474 p. (In Russian)

20. Nazipov I.I. *Severo-Vostochnaya Rus' v sisteme politiko-pravovykh svyazey Ordya (Ulusa Dzhuchi) (1242–1502 gody)* [Northwest Rus' in the System of Political and Legal Connections of the Horde (Ulus of Jochi) (1242–1502)]. Perm: Perm' Institute of economics and finance, 2014. 360 p. (In Russian)

21. Ostroumov N.P. *Musul'manskoe zakonovedenie* [Muslim Jurisprudence]. Tashkent, 1909. 82 p. (In Russian)

22. Pochekaev R.Yu. *Mezhdru "chingizizmom" i shariatom: politiko-pravovye vzglyady Mukhammada Shaybani-khana* [Between the "Chinggisism" and Shariat: Political and legal views of Muhammad Shaybani Khan]. *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordya v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g.* [The Thirteenth Faizkhanov's Readings: The Legacy of the Golden Horde in the Statehood and Cultural Traditions of Eurasian Peoples: Proceedings of International Research Conference, St. Petersburg, May 4–6, 2016]. Moscow: Medina, 2017, pp. 485–501. (In Russian)

23. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordya* [The Law of the Golden Horde]. Kazan: Fen, 2009. 260 p. (In Russian)

24. Pochekaev R.Yu. *Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordya (istoriko-pravovye ocherki)* [The Legal Culture of the Golden Horde (historical-legal essays)]. Moscow: Yurlitinform, 2015. 312 p. (In Russian)

25. Pochekaev R.Yu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [Chinggis's Law: Legal Heritage of the Mongol Empire in Turkic-Tatar Khanates and States of Central Asia]. Kazan: Tatar book publishing house, 2016. 311 p. (In Russian)

26. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Historical Essays]. Kazan: Tatar book publishing house, 2009. 207 p. (In Russian)

27. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles], t. I, pt. 2. Smirnova O.I. (tr.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. 316 p. (In Russian)
28. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles], t. 2. Verkhovskiy Yu.P. (tr.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 253 p.
29. Sayfetdinova E.G. *Istochniki religioznoy mysli v Zolotoy Orde (po materialam proizvedeniya "Nakhzh al-Faradis" Makhmuda al-Bulgari)* [The Sources of Religious Thought in the Golden Horde (based on materials of the "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 164 p. (In Russian)
30. Sykiainen L.R. *Musul'manskoe pravo* [Islamic Law]. Moscow: "Science", 1986. 256 p. (In Russian)
31. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*, T. I: *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde's History, Vol. 1: Extractions from Arabic Works]. St. Petersburg: Published by S.G. Stroganov, 1884. 564 p. (In Russian)
32. Usmanov M. *Novye pis'mennye istochniki po istorii Povolzh'ya (predvaritel'noe soobshchenie)* [New written sources on the history of Volga Region (preliminary report)]. *Srednevekovaya Kazan': vzniknovenie i razvitie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Medieval Kazan': Rise and Development. Proceedings of International Research Conference]. Kazan: Master-Line, 2000, pp. 141–146. (In Russian)
33. Shihabuddin Marjani. *Izvlechenie vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Musiafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)* [Extract of Information on the Condition of Kazan' and Bolghar (Musiafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)]. Pt. 1. Adygamov R.K. (tr.). Kazan: Iman, 2005. 200 p. (In Russian)
34. Morgan D.O. The "Great Yasa of Chingis Khan" and Mongol law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986, vol. 49, no. 1, pp. 163–176.

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg, 198099, Russian Federation); ResearcherID: K-2921-2015; ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Received July 29, 2020 Accepted for publication November 17, 2020

Published December 29, 2020

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ВЛИЯНИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА

С.А. Нефедов

*Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Российская Федерация
hist1@yandex.ru*

Цель: исследование проблемы заимствования Московской ордных и османских институтов и традиций в сфере государственной организации, финансов, военного дела, в области материальной культуры.

Материалы исследования: поскольку исследование носит компаративный характер, здесь привлекались разнообразные источники: как русские летописи, так и произведения арабских, турецких, персидских, китайских авторов, а также и археологические свидетельства.

Результаты и научная новизна: в первую очередь рассматривался вопрос о «принципе отложенного действия» Г.В. Вернадского, в соответствии с которым влияние монгольской модели на Московскую дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов, то есть в конце XV–XVI вв. В соответствии с этим принципом многие историки приписывали ордынскому влиянию становление российского самодержавия, внедрение поместной системы и перенимание многих культурных особенностей, фиксируемых в источниках XVI в. В работе рассмотрен вопрос об истоках поместной системы, указано на детальные совпадения в организации русского поместья и османского тимара и с помощью теории вероятностей доказано, что поместье было, в основных чертах, копией тимара. Аналогичным образом и переписи, проводившиеся Иваном III, в основных чертах копировали османский дефтер. Таким образом, было показано присутствие на Руси османских заимствований и неадекватность «принципа отложенного действия», приписывавшего ордынскому влиянию явления, которые в действительности объяснялись османскими заимствованиями. Это в первую очередь касается происхождения российского самодержавия, которое не может быть объяснено исходя из ордынских традиций, но, как показано в работе, связано с османским влиянием.

Напротив, в области военного дела имело место едва ли не полное копирование ордынских традиций.

Ключевые слова: Россия, Золотая Орда, Османская империя, татары, культурные заимствования, цивилизационное влияние, поместная система, переписи, военное дело

Для цитирования: Нефедов С.А. К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской империи на русские княжества // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 753–770. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.753-770

**ON THE QUESTION OF THE CIVILIZATIONAL INFLUENCE
OF THE GOLDEN HORDE AND OTTOMAN EMPIRE
ON THE RUSSIAN PRINCIPALITIES**

S.A. Nefedov

*Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation
hist1@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study sixteenth-century Russian society's adoption of the traditions of the Golden Horde and Ottoman Empire in the field of autocratic governance, finance, military affairs, etc.

Research materials were selected on the basis of their comparative nature. These are Russian chronicles along with Arabic, Turkish, Persian, and Chinese texts. Archaeological evidence has been used as well in the study.

Results and novelty of the research: The question regarding the "principle of delayed action", raised by Vernadsky, was the first objective of study. According to this principle, the Mongol influence had a major effect not during the period of Russian dependence on the Golden Horde, but even after the establishment of an independent state. Many historians have referred to this principle when explaining the origin of the Russian autocracy and other state institutions, such as the *pomest'e*. The main historiographical problem regarding this interpretation has been the lack of sources from the fourteenth and fifteenth centuries. Sources, such as notes by foreigners, appear at the beginning of the sixteenth century, and these sources speak about the unlimited power of the great princes. Thus, the autocracy of the sixteenth century was generally considered to have been the result of Mongol influence.

To begin with, the author investigated the question of the origin of *pomest'e*. He discovered the detailed similarities between Russian *pomest'e* and Turkish *timar*. He then established that Russian *pomest'e* and Russian censuses were copies of the Turkish *timar* and *defter*. Thus, borrowings from Turkish practices and a palpable Turkish influence were discovered. This Turkish influence supplanted the remnants of the Mongol influence, and the "principle of delayed action" has been demonstrated to be unfeasible. The author showed that the origin of the Russian autocracy was associated with the Turkish influence, and not with the Mongol one. However, the Russian military system was certainly borrowed from the Tatars and Mongols.

Keywords: Russia, Golden Horde, Ottoman Empire, Tatars, cultural borrowings, civilizational influence, local system, census, finance, warfare

For citation: Nefedov S.A. On the Question of the Civilizational Influence of the Golden Horde and Ottoman Empire on the Russian Principalities. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 753–770. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.753-770

Исследование цивилизационного влияния Золотой Орды на русские княжества имеет давнюю историю. Как известно, Н.М. Карамзин в свое время утверждал, что русское самодержавие родилось при монголах и «Москва обязана своим величием ханам». В дальнейшем ни один писавший обобщающие работы крупный историк не мог не коснуться этой темы, однако во многих работах проглядывал свойственный XIX веку европоцентризм. «Тра-

диционно история России преподносилась как русская история, – отмечает Р.С. Хакимов. – И даже такой сложный период как золотоордынский, когда жизнь русских определялась из Сарая, “успешно” обходился историками. С.М. Соловьев в предисловии к своей многотомной “Истории России с древнейших времен” пишет: “Историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий... и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений”» [43, с. 37].

В советский период исследования на тему цивилизационного влияния Орды не поощрялись. Публикация работ, шедших вразрез с линией партии, была запрещена; написанная в 1950-х гг. книга С.С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа» была опубликована лишь 60 лет спустя [1]. В немногих работах, вышедших в этот период, делаются попытки свести ордынское влияние к минимуму. Так, Б.Д. Греков пишет об ордынской финансовой системе: «Однако, не нужно думать, что татары ввели у нас какое-то новшество, до сих пор неизвестное» [11, с. 222]. Аналогичным образом он высказывается об ямской службе [11, с. 225]. А.А. Горский отмечал, что в советской историографии «воздействие монголо-татар рассматривалось исключительно как негативное, тормозящее развитие Руси» [10, с. 76].

На Западе обсуждение исторических проблем было более свободным. В 20–30-х гг. XX в. историки евразийской школы поставили перед собой цель отойти от европоцентризма, и один из лидеров этого направления, Г.В. Вернадский, в 1953 г. опубликовал книгу «Монголы и Русь», посвященную влиянию монголов на развитие России. Указывая на различные проявления этого влияния, Вернадский, тем не менее, оговаривается, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [6, с. 341–342]. Одним из проявлений этого эффекта, по Вернадскому, было становление московского самодержавия.

Концепция Вернадского была использована выдающимся историческим социологом К.-А. Витфогелем в известной работе «Восточный деспотизм» [56], а затем Р. Пайпсом, который основал на ней свою теорию «вотчинного государства» [29, с. 104]. В обстановке холодной войны эту концепцию подхватили влиятельные политологи, такие, как З. Бжезинский [48, с. 69–70], и с тех пор, по выражению А. Янова, она стала «Большим Стереотипом» мировой историографии. «Большой Стереотип мировой историографии, – писал А. Янов, – единодушно утверждал (и по сию пору утверждает), что государство Россия вышло из-под ига деспотическим монстром, наследницей вовсе не европейской Руси, а монгольской орды» [47, с. 23].

Один из известных американских историков, Ч. Гальперин, позже отмечал, что хотя трактовка московской государственности как исторического преемника Золотой Орды получила широкое распространение, научных обоснований данной теории немного [7]. Гальперин называл в этой связи работы Д. Островского, но даже Островский, указывая на преемственность финансовых и военных институтов, выступал (как и Гальперин) против тезиса Витфогеля о заимствовании русского самодержавия у монголов [52, р. 542].

Тем не менее, «Большой Стереотип» не только продолжал существовать, но даже распространялся. После падения СССР он был принят некоторыми

российскими историками. Так, А.Л. Юрганов писал, что в результате ига города лишились старых вольностей и «деспотизм надолго стал нормой» [45, с. 73], И.П. Ермолаев вслед за Р. Пайпсом говорил об утверждении в России к концу XV в. деспотического «вотчинного режима» [14, с. 300] и т.д. Подобные суждения иногда приобретали политический оттенок. Так, Ю.П. Пивоваров утверждал: «Большинство русских по-прежнему стыдливо уклоняется от того, что Орда является одним из источников не только нашей государственности и власти – здесь более менее все согласны – но и культуры... Конечно и при московских царях и при петербургских императорах, и при генсеках советских и *сегодня* (выделено нами – С.Н.), русская верховная власть практически ничем не ограничена... Эти традиции во многом сохранились, и если мы хотим найти их источники – то да, это вот здесь, это не в Киеве и Византии, это вот здесь...» [46].

В 2011 г., анализируя историографию проблемы, Р. Пайпс отмечал, что специалисты, не признававшие монгольского влияния, почему-то никогда не считали нужным отвечать на аргументы своих оппонентов [28]. Главный аргумент оппонентов – это многочисленные свидетельства иностранцев (М. Меховский, А. Кампенский, Дж. Горсей, Д. Флетчер, Г. Штаден, Р. Ченслер и др.) о деспотической власти правителей Московии. Например, часто цитируется свидетельство С. Герберштейна: «Властью, которую он (Василий III – С.Н.) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством...» [8, с. 72]. После 2011 г. все же были сделаны попытки сформулировать ответ. М.М. Кром в работе 2018 г. утверждает, что высказывание Герберштерна является преувеличением, поскольку при Василии III сохранялись уделы его братьев [19, с. 114] – однако уделы сохранялись и при Иване Грозном, и при Людовике XIV, так что этот аргумент можно оспорить. В.В. Пенской и Т.М. Пенская называют известия западных авторов о московском самодержавии XVI в. «черной легендой» [30, с. 28], ссылаются на работы исследователей, которые утверждают, что «не следует преувеличивать силу централизующихся государств» [30, с. 21], что «государство было вынуждено идти на сотрудничество с местными элитами» [30, с. 22], и цитируют Н. Хеншелла, который вообще отрицает существование абсолютизма [50]. Вряд ли такой подход, нивелирующий различия между «раннемодерновыми» государствами, можно назвать конструктивным, хотя бы потому, что современники постоянно отмечали огромную разницу между политическим строем Московии и других европейских государств.

Вероятно, более конструктивно не отрицать московское самодержавие, а подробнее проанализировать вопрос о том, могло ли оно быть заимствовано у Орды. Для решения вопроса о заимствованиях В.В. Трепавлов предлагает использовать методику Г.В. Вернадского: если какого-то явления или института не было в домонгольской Руси, но они фиксируются в XIV–XV вв., то значит, они возникли в ордынский период и могли быть переняты у ордынцев. «Но для полноценного применения такого подхода нужно знать, существовали ли рассматриваемые явления в Золотой Орде», – подчеркивает В.В. Трепавлов [41, с. 462]. Мы будем называть эту методику критерием Вернадского-Трепавлова; в принципе, этот критерий должен использоваться для

проверки присутствия ордынского (а также и любого стороннего) влияния в любой сфере, и без такого рода проверки (а ранее она делалась далеко не всегда) все суждения о заимствованиях являются не более, чем гипотезами.

Итак, существовало ли в Золотой Орде самодержавие? Прежде всего, нужно констатировать тот факт, что ханы избирались на курултае. Иоанн де Плано Карпини говорит о законах Чингизхана: «Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления» [32, с. 48]. О курултаях в Золотой Орде упоминает Хайдер Рази: «...После смерти Токтая эмиры и нойоны совещались о назначении царя» [39, с. 213]. Другой хронист, Натанзи, свидетельствует: «Когда Урус-хан сел на царство на первом же курултае сообщил то, что было в его уме, столпам державы и вельможам двора» [39, с. 128]. Ю.В. Селезнев утверждает даже, что в избиравших ханов курултаях принимали участие русские князья [36, с. 167, 312].

Но дело не только в курултаях. В реальности хан делил свои полномочия с четырьмя карачи-беками, один из которых (*беклербек*) считался старшим [15, с. 186]. Важнейшие дела обсуждались в ханском совете, куда входили и жены хана («хатуни»). Ибн-Фаддалах Эломари свидетельствует: «Мне привелось видеть много грамот, исходивших от царей этих стран, времен Берке и позднейших. В них (читалось): “мнения хатуней и эмиров сошлись на этом” и тому подобное». Эломари добавляет, что, по рассказам знающих людей, «султан Узбек из дел своего государства обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных» [38, с. 229–230].

Таким образом, власть ханов была ограничена курултаями и советом беков; ханы не были самодержцами, и гипотеза о заимствовании российского самодержавия у Орды не проходит проверку по критерию Вернадского-Трепавлова. Русские князья не могли заимствовать самодержавие у ханов. Если они и могли что-то заимствовать у Орды по части политического режима, то это курултай. Действительно, летописи свидетельствуют о том, что подобные собрания имели место и на Руси. Например, в мае 1471 года Иван III перед походом на Новгород созвал на совещание своих братьев, митрополита, воевод и «вся воя своя» [33, с. 129]. Некоторые авторы полагают даже, что курултай были прообразом для земских соборов, созывавшихся Иваном IV [например: 16, с. 202; 54]. Это, однако, маловероятно, так как курултай были аристократическими собраниями, а в земских соборах участвовали выборные от низших сословий. Кроме того, грозный царь никогда бы не создал института с полномочиями избирать или смещать правителя, как это делал курултай [15, с. 203].

Обращаясь к более общему вопросу о монгольских заимствованиях, нужно отметить, что применение критерия Вернадского-Трепавлова затрудняется недостаточностью источников, которые позволяли бы проверить, существовали ли рассматриваемые явления параллельно в Золотой Орде и в России [41, с. 462]. Большинство имеющихся источников (например, упоминаемые выше свидетельства иностранцев) относятся к началу XVI в. или к более позднему периоду. Именно на основании этих источников Г.В. Вернадский сформулировал принцип отложенного действия, который утверждает, что

«влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов». Пользуясь этим принципом, Я. Пеленский «объяснил» происхождение не только земских соборов, но и важнейшего института Московии – поместной системы. По Я. Пеленскому, русское поместье происходит от казанского суюргала [54, с. 163–164].

На самом деле мы практически ничего не знаем о казанском суюргале – кроме того, что это было условное земельное владение, дававшееся воинам за службу. Но условных владений было много, например, бенефиций, икта, прония, джагир, тиуль, тимар. Они существенно различались в деталях, и вопрос о происхождении можно решить, лишь сопоставив многочисленные детали. Нам представляется, что источник поместной системы следует искать не в малоизвестном казанском суюргале, а в порядках намного более могущественного соседа – Османской империи. После завоевания какой-либо области османы выселяли («сургун») местную знать и конфисковали ее земли. После этого проводилась перепись населения (дефтер), назначались новые налоги и конфискованные земли раздавались во владение (тимар) воинам-сипахи. Важно отметить, что все мероприятия Ивана III на Новгородчине в конце 1480-х гг. в точности соответствовали османской процедуре присоединения завоеванных земель к Империи. Был осуществлен «вывод» (это буквальный перевод слова «сургун») семи тысяч наиболее зажиточных новгородцев с конфискацией их земель. На этих землях была проведена перепись живших там крестьян с указанием их земельных участков и причитающихся с них повинностей. Затем эти земли по большей части были розданы в поместья воинам – с условием службы. Так же, как в Турции, поместье оставалось государственной собственностью; помещику причитались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. Поместье было небольшим, молодой воин, «новик», получал не больше 150 десятин земли – около десяти крестьянских хозяйств, это примерно соответствовало первоначальному поместью османского сипахи («кылыдж тимару»). Как в Турции, каждую весну воины вызывались на проверку и затем отправлялись в поход или на сторожевую службу. Если воин являлся на смотр с негодным оружием, или не выказывал мужества в бою, то поместье могли «отписать» на великого князя, но если помещик отважно сражался, то «поместную дачу» увеличивали (у османов эти добавки назывались «хиссе»). Бояре и воеводы получали до 1500 десятин земли, но были обязаны приводить с собой определенное число наемных слуг или боевых холопов. Воину, который не мог сражаться по старости или из-за ран, оставляли на пропитание часть поместья, «прожиток» (у османов – «текайюд»). Если сын помещика заступал в службу вместо отца, то он мог наследовать часть отцовского поместья в тех размерах, которые полагались «новику» (то есть «кылыдж тимар») [18, с. 30–31, 51; 24, с. 215].

Казалось бы, детальные совпадения не оставляют сомнения, что русское поместье было заимствовано у османов. Во всяком случае, именно такой вывод следует сделать, если применить к этой ситуации принцип Вернадского-Трепавлова. Однако историков смущает отсутствие источников, которые бы прямо указывали на это заимствование. Это отсутствие отчасти объясняется Ч. Гальперином, который писал, что русские источники никогда не признают заимствования у мусульман. «Это было бы несовместимо с

образом Московии как православного государства» [49, р. 95]. Некоторые историки утверждают, что сходство русского поместья и османского тимара могло быть обусловлено сходными внутренними и внешними обстоятельствами. На это можно возразить, что и в соседних странах, в Польше, Литве, Венгрии, Австрии, в германских княжествах, в Египте, в Персии обстоятельства были более-менее сходными, и во всяком случае, нельзя сказать, что условия России были более сходными с условиями в Османской империи, чем в этих странах. Тем не менее, системы военной организации в этих странах были различными и непохожими на османскую систему. Другие исследователи утверждают, что сходство поместья и тимара могло быть простой случайностью. Историки часто не знакомы с теорией вероятностей и не представляют, насколько маловероятна случайность такого рода. Посмотрим, могло ли это быть случайностью. Допустим, что великий князь в каждом случае принимал решения, бросая монетку, то есть допускал другое решение с вероятностью в 50%. При этом не важно, знал ли князь, что выбранный им в реальности вариант – «османский», важно лишь то, что он знал, что такой вариант существует – раз он его выбрал. Тогда:

- 1) Вероятность высылки аристократии с завоеванных земель равна 0,5.
- 2) Вероятность проведения после высылки переписи – 0,5, а с учетом условия высылки $0,5 \cdot 0,5 = 0,25$.
- 3) Вероятность раздачи поместий после переписи – 0,5, а с учетом условия (вероятности переписи) $0,5 \cdot 0,25 = 0,125$.
- 4) Вероятность того, что после испомещения помещики будут вызываться на смотры – 0,5, а с учетом условия (испомещения) – $0,5 \cdot 0,125 = 0,0625$.
- 5) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений в дальнейшем размеры пожалования будут увеличиваться или уменьшаться в зависимости от боевых заслуг – 0,5, а с учетом условия (принятия предыдущих решений) – $0,5 \cdot 0,0625 = 0,03125$.
- 6) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений поступающему в службу сыну помещика будет выделяться не вся земля отца, а лишь надел новика – 0,5, а с учетом условия (после принятия предыдущих решений) – $0,5 \cdot 0,03125 = 0,015625$.
- 7) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений за отставным воином будет сохраняться не все поместье, а лишь «прожиток» – 0,5, а с учетом условия (после принятия предыдущих решений) – $0,5 \cdot 0,015625 = 0,007813$.
- 8) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений командирам будут выдаваться большие наделы, но они будут обязаны приводить с собой соответствующее количество воинов – 0,5, а с учетом условия (после принятия предыдущих решений) – $0,5 \cdot 0,007813 = 0,003906 = 0,4\%$.

В итоге, вероятность случайного совпадения реформы Ивана III с османским вариантом практически равна нулю. То есть совпадение не было случайным – турецкая модель целенаправленно копировалась.

Таким образом, мы имеем математическое доказательство того факта, что поместная система с ее сопровождающими мероприятиями («вывод», перепись, основанная на переписи новая система налогов) была заимствована Иваном III у могущественной Османской империи. Но столь масштабные заимствования не бывают изолированными, обычно они являются частью

комплексного процесса, и можно привести другие примеры османских заимствований (подробнее см.: [23]). Наиболее ярко идея подражания османам была изложена в «Сказании о Магмет-салтане» Ивана Пересветова, который советует Ивану IV править с помощью «грозы». «Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы» [31, с. 632]. Как показывает Д.Н. Альшиц [4], Иван Грозный во многом следовал советам Пересветова, и, таким образом, российское самодержавие питалось не ордынскими, а османскими идеалами. Английский посол Джильс Флетчер писал, что «образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, пытаются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических...» [42, с. 35].

В итоге, можно констатировать, что остаточное влияние золотоордынских порядков с конца XV века сочетается с мощным османским влиянием. Отсюда следует принципиальный вывод о неадекватности принципа «отложенного действия»: мы не можем судить об ордынских заимствованиях на основании источников конца XV–XVI вв., потому что это могли быть османские заимствования. Встает проблема разделения разных слоев заимствований. Например, С.С. Аверкиев утверждал, что «от татар русскими были позаимствованы и следующие меры веса и длины: анасырь, безмен, батман, контарь и аршин» [1, с. 60]. Однако эти термины фиксируются в русском языке лишь со второй половины XVI в. – за исключением аршина, о котором в источнике 1488 г. говорится «аршин кафинский» [37]. Кафа тогда была турецким городом, и не только аршин, но все эти меры были стандартными для Османской империи [24, с. 252]. Другой пример: установлено, что из тюркского в русский язык вошло 300 слов, связанных с одеждой, и 280 слов, связанных с питанием [16, с. 268]. Но какие из этих слов свидетельствуют об ордынском влиянии, и какие – об османском?

Одежда, впрочем, следует моде и не оказывает существенного влияния на жизнь народа. Гораздо более важны институциональные заимствования. В отношении заимствования некоторых государственных институтов среди историков существует устоявшийся консенсус. Общепризнано, что монголы провели перепись и внедрили на Руси свою администрацию. Система монгольского управления на Руси была такой же, как и в других областях Империи, и была построена, в основном, по китайским образцам [53, с. 36–40]. Разоренные и опустевшие южные области были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в улус местным князьям. Изъявившие покорность князья получали в ставке хана ярлык на управление улусом, но хан по своему произволу мог отнять этот ярлык и передать другому князю. В княжества были посланы чиновники-«даругачи» (в русском произношении «дорога»), которых в летописях чаще называют баскаками. Была проведена перепись, и «численники» разделили податное население на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тьмы» (десятки тысяч). При сборе налогов окладной единицей была «соха»; первоначально, в XIII веке, «соху» составляли «два мужа работника» и две-три лошади, а в XV веке – три работника и три лошади. Основной налог назывался «выходом» (калька с арабского «харадж»), кроме того взимался рыночный сбор в 3% с цены товара («там-

га)), существовали также подорожные сборы, «костка» и «мыт». Монголы устроили почтовые станции («ямы») и возложили на население обязанность поставлять ямщиков, лошадей и подводы. Кроме того, время от времени баскаки проводили принудительный набор рекрутов («война»). Эти налоги и повинности существовали и в других частях обширной Монгольской империи, по большей части они копировали китайские образцы [25].

В начале XIV в. функции баскаков («дорог») были урезаны, и, в частности, сбор налогов был передан местным князьям. Однако созданная татарами администрация уже стала привычной на Руси, и когда русские в 1377 году овладели Булгаром, они, в свою очередь, поставили там своего «дорогу» и «таможенника» [34, стб. 116–117]. Монгольские переписи прекратились, и дань собирали по «старым дефтерям» [12, с. 147], то есть, по видимому, по данным последней монгольской переписи 1275 года. Однако русские князья иногда проводили свои переписи, например, в завещании Василия II (1461/62 г.) говорится, что для распределения «выхода» между его наследниками нужно описать их уделы «по сохам и по людям» [12, с. 197].

Весьма важно, что проведенные по китайскому образцу переписи подразумевали круговую поруку «десятков» и «сотен» в уплате налогов и несении повинностей. Документы более поздних времен, действительно, упоминают о десятниках и сотниках на селе: это были деревенские старосты и главы волостного «мира», ответственные за сбор налогов [3, с. 48]. Круговая порука существовала на Руси и ранее, но «монголо-китайские» переписи придали ей прочный характер, так что она сохранилась и в последующие столетия – в то время как в Западной Европе она потеряла значение в XIII–XIV вв. [55, р. 260]. Круговая порука была одним из проявлений русской «общинности», и в этом смысле можно сказать, что перенимание привнесенных монголами китайских традиций оказало определенное влияние на менталитет русского народа. Западные авторы времен холодной войны иногда говорили и о других изменениях в менталитете: под влиянием монголов русские якобы стали склонны к низкопоклонству, лести, обману, жестокости – и будто бы эти черты сохраняются в народе до сих пор. Говорилось о том, что монголы принесли на Русь пытки и жестокие казни. Эта точка зрения была подвергнута обстоятельной критике Ч. Гальперином [49, р. 96], и мы не будем на ней останавливаться.

Обычно считается, что монголо-китайская традиция переписей сохранялась и далее, в последующие века. Однако нужно учесть, что ордынское влияние в XV–XVI вв. в значительной мере сменилось османским. Переписи Ивана III были частью процедуры испомещения воинов-помещиков. Они считали не только людей и «сохи», они перечисляли доходы, идущие с деревни в пользу помещика (или в случае оброчных великокняжеских деревень – великому князю). Для вотчинных и черносошных земель такого перечисления не делалось: очевидно речь шла об учете доходов, которые можно было использовать для испомещения. Поскольку процедура испомещения была заимствована у османов, то можно ожидать и заимствований в проведении переписей. Действительно, схема описи в переписных листах и в османских дефтерах была очень похожей: название деревни (группы деревень), имена дворовладельцев, число взрослых мужчин, далее – платежи, следующие с деревни в целом (без разбивки по дворам): денежный оброк,

количество поставляемой ржи, овса, ячменя и т.д., при этом указывался денежный эквивалент каждого рода натуральных поставок; эти эквиваленты суммировались с денежным оброком, и указывался общий доход [2, с. 158; 18, с. 10; 26]. Так же, как и в Турции, перепись не учитывала повинности и государственные налоги. Как в случае с поместьем, можно показать, что вероятность случайного совпадения при таком количестве схожих деталей ничтожна – то есть переписи Ивана III следовали османскому, а не монгольскому образцу. Однако важно, что при этом сохранялся принцип круговой поруки в уплате податей: платежи требовали не с конкретного хозяйства, а с деревни или группы деревень.

Известно, что переписи Ивана III проводились с большим трудом: описание одного уезда обычно длилось 2–3 года [18, с. 10]. Очевидно, у великого князя не было достаточного количества образованных писцов, так что нельзя сказать, что Русь унаследовала от ордынских времен сколько-нибудь развитый бюрократический аппарат. Говоря об ордынском влиянии в этой области обычно указывают на терминологию московских канцелярий: слова «казна», «ярлык», «таможня», «лафа» (жалованье), «бакшей» (чиновник), «деньга», «сагчий» (сановник), «киличей» (посол) имеют тюркское происхождение или попали в русский язык из тюркских языков в ордынские времена. «Челобитье» при подаче прошений является калькой татарского «баш вурмак», которое в свою очередь является калькой китайского «коу тоу» [1, с. 123; 52, р. 534]. Однако заимствование терминологии не означает, что в домонгольский период на Руси не было денег, рыночных пошлин, чиновников. Если же говорить о реальных заимствованиях, то в первую очередь нужно упомянуть ямскую службу и тарханы [11, с. 105]. Ямская служба – это, собственно, не ордынский, а имперский институт, заимствованный монголами из Китая. Система почтовых станций называлась в Китае «чжань» или «чжам», откуда происходит монгольское слово «джам», тюркское «йам» и русское «ям» [35, с. 36.]. Что касается налоговых иммунитетов, «тарханов», то русские князья, начиная с Ивана III, стремились уничтожить это ордынское наследие. Формально тарханы были отменены Иваном IV в 1550 г., однако в некоторых, редких, случаях существовали и позже [1, с. 53].

В ряду политических последствий монгольского завоевания упоминают также уничтожение вечевых институтов и обложение городского населения данью (в киевские времена горожане платили лишь косвенные налоги). Однако, в принципе, монголы не стремились уничтожить вече: они лишь усмиряли восставшие города, и там, где не было восстаний (например, в Новгороде), вече сохранилось. В этих действиях монгольской власти нет ничего специфического – так поступил бы любой завоеватель, и отсюда вряд ли следует вывод о том, что монголы способствовали становлению русского самодержавия [49, р. 95].

Перейдем теперь к вопросу об ордынских заимствованиях в военной сфере. Подробное описание русских и татарских воинов имеется в книге С. Герберштейна, и оно совпадает даже в деталях. Прежде всего, и те, и другие – конные лучники, в сражении они не употребляют пехоты и пушек, их главное оружие – лук и стрелы; сабли, шлемы, доспехи есть лишь у немногих, кто побогаче; они сидят на лошади, поджав ноги, чтобы иметь воз-

возможность поворачиваться, амортизировать скачку и точнее стрелять в разные стороны; к шпорам прибегают весьма немногие, большинство пользуется плеткой; в сражениях они предпочитают обстреливать врага издали; ближнего боя долго не выдерживают и обращаются в бегство, но при этом стреляют назад и, при случае могут снова атаковать врага. Лошади у них маленькие, холощенные, очень выносливые, не подкованы, узда самая легкая, седла приспособлены таким образом, чтобы было легче поворачиваться во все стороны. Герберштейн добавляет, что у татар эта порода лошадей называется «бахмат» и что лошади этой породы могут разгребать снег копытами и питаться жухлой травой [8, с. 114–117, 167–169].

Как и в случае с поместьем, оказывается, что случайные совпадения такого рода невозможны и следует сделать очевидный вывод: русская военная система в части вооружения и тактики была заимствована у татар (и монголов). Выше говорилось о том, что система содержания русских всадников была заимствована у османов, однако, как выясняется, система вооружения не была заимствована: османские тимариоты были латниками («джебелю»), а русские помещики – всадниками, защитное вооружение которых в большинстве случаев составлял лишь толстый стеганный кафтан; он назывался, как и у татар, «тигилай». Перенимание татарской военной системы русскими специалисты называют «ориентализацией». Поскольку описание Герберштейна относится ко временам Василия III, то некоторые историки считают, что «ориентализация» – это позднее явление, наблюдавшееся в конце XV–XVI вв. [17, с. 13], то есть здесь как будто бы проявляется «принцип отложенного действия». Однако это не так: Иосафовская летопись, например, описывает сражение 1456 г. под Русой, когда двести московских лучников одолели пяти тысячное новгородское войско, используя татарскую тактику: уклоняясь от ближнего боя, они стреляли в лошадей атакующего противника [13, с. 49]. Аналогичным образом была одержана решающая победа в битве на Шелони в 1471 году [13, с. 69]. Здесь нужно заметить, что обычной стрелой убить лошадь практически невозможно, и, надо полагать, московские всадники использовали специальные стрелы, предназначенные для поражения лошадей – так называемые «срезни». Это монгольские по происхождению стрелы, имевшие тяжелые (до 40 г) наконечники с шириной пера до 5 см [20, с. 75–78]. Такую тяжелую стрелу можно было выпустить лишь из очень мощного лука монгольского типа; эти луки вместе с колчаном и налучьем назывались на Руси и в Орде монгольским словом «саадак» («сагайдак»). По китайским источникам сила натяжения «саадака» составляла не менее 10 доу (66 кг) [21, с. 7], что превосходило силу натяжения английских луков времен сражения при Креси.

Саадак имел особую конструкцию: по задней части кибити шла тонкая, но широкая, костяная накладка, которая и придавала луку упругость и силу. При этом монгольский лук имел сравнительно небольшие размеры, что делало его удобным и обеспечивало высокий темп стрельбы. Ю.С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом появления автоматического оружия в XX веке. Скорострельность и мощь монгольского лука давали воинам уверенность в том, что противник не устоит перед «ливнем стрел» [44, с. 124].

Саадак был тем оружием, которое обеспечило победы монголов, и естественно, он был заимствован другими народами – в том числе татарами и русскими – вместе со стрелковой тактикой боя и всеми особенностями вооружения, детально описанными у С. Герберштейна. Использование мощного лука отразилось даже на физических качествах: у русских, как и у монголов, были очень сильные руки [8, с. 120; 5, с. 142]. Все русские воины стали всадниками и усвоили психологию всадников: они не расставались с лошадью, даже посещая соседей по улице; если они все-таки шли пешком, то слуга вел лошадь следом [8, с. 122]. Они заимствовали у татар обувь на высоких каблуках: это было неудобно для пешехода, но удерживало башмак в стремени. «Башмак» и «каблук» – татарские слова, попавшие в русский язык в ордынский период. Если раньше на Руси носили «гачи», к которым крепились «ноговицы», то теперь всадники носили более удобные для них цельные «штаны» – это также тюркское слово, известное с XV в. [1, с. 134–135; 27, с. 204]. Как отмечал Герберштейн, в защитных доспехах использовали войлок – это было важное заимствование, поскольку оно спасало от суровых русских морозов. Позже стали выделять «сапоги войлочные», валенки. Вообще, Герберштейн свидетельствует, что одежда русских очень похожа на татарскую [8, с. 117], но мы касаемся здесь лишь предметов, имеющих существенное функциональное значение. Кроме того, у Герберштейна речь идет об одежде знати, а одежда и обувь простонародья оставались, в основном, теми же, что и в домонгольские времена: лапти, да кривившиеся без ножниц рубахи [27, с. 203].

Еще одно важное заимствование, связанное с новой «всаднической» культурой московской знати, – это использование степных лошадей. Лошади татарской породы «бахмат» упоминаются не только у Герберштейна, но и в русских источниках XV в. [37]. Лошади в Орде были очень дешевы, и кочевники постоянно пригоняли большие табуны на продажу в русские города [40, с. 516–517].

Улучшение и пополнение конского поголовья должно было сказаться и на хозяйстве русских крестьян. Из других важных заимствований можно отметить соху с полицей и посевы проса. Соха с полицей использовалась в Китае еще в эпоху Тан, археологически она фиксируется в Булгаре и на Руси в слоях XII–XIV вв., а в русских письменных источниках упоминается впервые в 1543 г. [9, с. 11; 24, с. 151]. Просо было известно на Руси и раньше, но получило большое распространение в ордынский период, поскольку монголы предпочитали просо всякой другой растительной пище и в некоторых районах принуждали местное население производить его посевы для уплаты дани [22]. Русские воины переняли у монголов (и татар) традицию использования проса в походах. Герберштейн сообщает, что если нет ничего иного, то русский «разводит огонь, наполняет чан водой, бросает в него полную ложку проса, добавляет соли и варит: довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы» [8, с. 117].

Некоторый интерес представляет вопрос о запрете употребления спиртных напитков – во все дни кроме больших праздников [8, с. 103]. Мог ли такой запрет быть заимствован у татар? Ибн Баттута сообщает, что татары были ханафитского толка в исламе, и опьяняющий напиток у них был доз-

волен. Напиток этот (разновидность пива) изготовлялся из проса и назывался бузой [38, с. 284]. Русские заимствовали у татар бузу, и венецианец Иосафат Барбаро, посетивший Московию в конце XV в., познакомился с бузой в Рязани [1, с. 153]. Таким образом, частичный запрет на употребления алкоголя не мог быть заимствован у татар – вероятно, он был заимствован из Турции. Аналогично обстоит дело со свидетельствами иностранцев о приниженном положении русских женщин [8, с. 112] – оно не могло быть результатом ордынского влияния, так как в Орде, по свидетельству Ибн Баттуты, женщины пользовались «великим почетом» [38, с. 288]. Вероятно, здесь так же сказалось османское влияние.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в конце XV–XVI вв. остаточное ордынское влияние совмещалось с османским влиянием, и при анализе происхождения тех или иных явлений русской действительности необходимо различать эти две волны заимствований. Принцип отложенного действия Вернадского оказывается неадекватным – в особенности в вопросах о генезисе поместной системы и происхождении русского самодержавия. Методы теории вероятностей позволяют доказать, что русское поместье было в основных чертах копией османского тимара, а русские переписи аналогичным образом копировали османские дефтеры. Но в то же время русская военная система была заимствована у татар; имели место и другие заимствования, причем некоторые из них (как, например, ямская служба) объяснялись опосредованным Ордой влиянием китайских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверкиев С.С.* Влияние татар на жизнь русского народа. Казань: Яз, 2015. 292 с.
2. Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М., 1968. 223 с.
3. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. 347 с.
4. *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1988. 242 с.
5. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука. 1979. 268 с.
6. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. М.; Тверь: Леан, Аграф, 1997. 480 с.
7. *Гальперин Ч.* Вымышленное родство // Родина. 2003. № 12. С. 68–71.
8. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Издательство Московского государственного университета, 1988. 429 с.
9. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1996. 315 с.
10. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. 182 с.
11. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. 505 с.
12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л.: Издательство РАН СССР, 1950. 586 с.
13. Иосафовская летопись. М.: Издательство АН СССР, 1957. 239 с.
14. *Ермолаев И.П.* Становление российского самодержавия. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. 392 с.
15. Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

16. Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 304 с.
17. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.
18. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М.: Наука, 1987. 229 с.
19. Кром М.М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
20. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.
21. Мэн-да бэй-лу. Полное описание монголо-татар. Москва: Наука. 1975. 159 с.
22. Неймышева А.Н. История возделывания проса на территории Российской Федерации // Научно-агрономический журнал. 2014. № 2. С. 39–41.
23. Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30–53.
24. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. М.: Территория будущего, 2010. 376 с.
25. Нефедов С.А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 113–123
26. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической Комиссией. Т. 1–6. СПб, 1895–1915.
27. Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М.: Издательство Московского государственного университета, 1977. 383 с.
28. Пайнс Р. Влияние монголов на Русь: «за» и «против». Историографическое исследование // Неприкосновенный запас. № 5. 2011. С. 234–256.
29. Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 422 с.
30. Пенской В.В., Пенская Т.М. Московская «недотирания» раннего Нового времени в современной историографии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 18–32.
31. Пересветов И. С. Сказание о Магмете-салтане // Все народы едино суть. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 626–641.
32. Плано Карпини Дж. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 28–85.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб.: Скороходов, 1901. 266 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб.: Леопид Демис, 1863. 504 стб.
35. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 248 с.
36. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008.
38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: Типография АН, 1884. 563 с.
39. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 306 с.
40. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
41. Трепавлов В.В. Рецензия на книгу С.С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 460–465. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.460-465
42. Флетчер Д.О. государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: «Русич», 2003. С. 14–151.
43. Хакимов Р.С. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // Панорама-Форум. 1997. № 1. С. 30–49.

44. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 1997. 160 с.
45. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX в. М.: Политиздат, 1991. С. 34–75.
46. Юрий Пивоваров о фильме и наследии Орды. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=4z8ixRPhGDw> (дата посещения 3.12.2020)
47. Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.
48. Brzezinski Z. Soviet Politics: From the future to the past // The Dynamics of Soviet Politics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. P. 337–351.
49. Halperin C.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. 180 p.
50. Henshall N. The Myth of Absolutism. London and New York: Longman, 1992. 245 p.
51. Nefedov S. Eski Rusia' da Osmanli sistemi: Timar // DA – diyalog avrasya. Istanbul, 2003. № 8. P. 34–40.
52. Ostrowski D. The Mongol origins of Muscovite political institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. № 4. P. 525–542.
53. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 348 p.
54. Pelenski J. State and society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic system in the sixteenth century // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1980. Bd. 27. P. 156–167.
55. Vasary I. The Tatar factor in the formation of Muscovy's political culture // Nomads as Agents of Cultural Change. The Mongols and Their Eurasian Predecessors. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015. P. 252–270.
56. Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.

Сведения об авторе: Сергей Александрович Нефедов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; профессор Уральского федерального университета (620002, ул. Мира, 19, Екатеринбург, Российская Федерация); Researcher ID: Q-1642-2015; ORCID: 0000-0003-0136-5020. E-mail: hist1@yandex.ru

Поступила 27.08.2020 Принята к публикации 05.12.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Averkiev S.S. *Vliyanie tatar na zhizn' russkogo naroda* [The Influence of Tatars on the Life of Russian People]. Kazan: YAz, 2015. 292 p. (In Russian)
2. *Agrarnyj stroj Osmanskoj imperii v XV–XVII vekah. Dokumenty i materialy* [The Agrarian System of the Ottoman Empire from the fifteenth to seventeenth century. Documents and Materials]. Moscow: "Science", 1968. 223 p. (In Russian)
3. Alekseev Yu.G. *U kormila Rossijskogo gosudarstva* [At the Helm of the Russian State]. St. Petersburg: St. Peterburg State University, 1998. 347 p. (In Russian)
4. Al'shits D.N. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii* [The Beginning of the Autocracy in Russia]. Leningrad: "Science", 1988. 242 p. (In Russian)

5. *Angliyskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv.* [English Medieval Sources from the ninth to thirteenth century]. Moscow: “Science”, 1979. 268 p. (In Russian)
6. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Moscow; Tver: Lean, Agraf, 1997. 480 p. (In Russian)
7. Halperin Ch. Vymyshlennoe rodstvo [Fictional kinship]. *Rodina* [Homeland]. 2003, no. 12, pp. 68–71. (In Russian)
8. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow: Moscow State University, 1988. 429 p.
9. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznecov, litejshchikov* [City of Bolghar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, and Casters]. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art of Tatarstan Academy of Sciences, 1996. 315 p. (In Russian)
10. Gorskiy A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiya* [Russian Lands in the thirteenth and fourteenth century: Ways of Political Development]. St. Petersburg: “Science”, 2016. 182 p. (In Russian)
11. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie*. [Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. 505 p. (In Russian)
12. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XV vv.* [The Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the fourteenth and fifteenth century]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. 586 p. (In Russian)
13. *Iosafovskaya letopis'* [The Joseph Chronicle]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1957. 239 p.
14. Ermolaev I.P. *Stanovlenie rossiyskogo samoderzhaviya* [The Formation of the Russian Autocracy]. Kazan: Kazan State University, 2004. 392 p. (In Russian)
15. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)
16. Kamalov I.Kh. *Zolotaya Orda i russkiy ulus (tatarskoe vliyanie na Rossiyu)* [The Golden Horde and the Russian Ulus (Tatar influence on Russia)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 304 p. (In Russian)
17. Kirpichnikov A.N. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv.* [Warfare in Rus' from the thirteenth to fifteenth century]. Leningrad: “Science”, 1976. 104 p. (In Russian)
18. Kolycheva E.I. *Agrarnyy stroy Rossii XVI veka* [Agrarian System of Russia of the sixteenth century]. Moscow: “Science”, 1987. 229 p. (In Russian)
19. Krom M.M. *Rozhdenie gosudarstva. Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [The Birth of the State. The Muscovite Rus' of the fifteenth and sixteenth century]. Moscow: New literary review, 2018. 256 p. (In Russian)
20. Medvedev A.F. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv.* [Hand Throwing Weapons. Bow and Arrow, Crossbow from the eighth to fourteenth century]. Moscow: “Science”, 1966. 184 p. (In Russian)
21. *Meng-da bay-lu. Polnoe opisanie mongolo-tatar* [Meng-da bay-lu. Full Description of the Mongol-Tatars]. Moscow: “Science”, 1975. 159 p. (In Russian)
22. Neymysheva A.N. Istoriya vozdeystviya prosa na territorii Rossiyskoy Federatsii [The history of millet cultivation on the territory of the Russian Federation]. *Nauchno-agronomicheskii zhurnal* [Scientific-agronomical Journal]. 2014, no. 2, pp. 39–41. (In Russian)
23. Nefedov S.A. Reformy Ivana III i Ivana IV: osmanskoe vliyanie [Reforms of Ivan III and Ivan IV: Ottoman influence]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2002, no. 11, pp. 30–53. (In Russian)
24. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz* [History of Russia. Factor Analysis]. Vol. 1. Moscow: “Territory of the future”, 2010. 376 p. (In Russian)

25. Nefedov S.A. Mongol'skie zavoevaniya i formirovanie rossiyskoy tsivilizatsii [The Mongol conquests and the formation of Russian civilization]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2006, no. 2, pp. 113–123. (In Russian)
26. *Novgorodskie pistsovyie knigi, izdannye Arkheograficheskoy Komissiei* [Novgorod Scribe Books Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1–6. St. Petersburg, 1895–1915. (In Russian)
27. *Ocherki russkoy kul'tury XVI veka* [Essays on Russian culture of the sixteenth century]. Part 1. Moscow: Moscow State University, 1977. 383 p. (In Russian)
28. Payps R. Vliyanie mongolov na Rus': "za" i "protiv". Istoriograficheskoe issledovanie [Influence of the Mongols on Rus': "For" and "against". Historiographic research]. *Neprikosnovennyj zapas* [The Untouchable Reserve]. 2011, no. 5, pp. 234–256. (In Russian)
29. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Independent newspaper, 1993. 422 p. (In Russian)
30. Penskoj V.V., Penskaja T.M. Moskovskaya "nedotiraniya" rannego Novogo vremeni v sovremennoj istoriografii [Moscow "lack of rubbing" of the early New time in modern historiography]. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Scientific Result. Social and Humanitarian Studies]. 2018, no. 2, pp. 18–32. (In Russian)
31. Peresvetov I.S. Skazanie o Magmete-saltane [The Legend of Magmet-Saltan]. *Vse narody edino sut'* [All Peoples Have One Essence]. Moscow: "Young guard", 1987, pp. 626–641.
32. Plano Carpini G. Istoriya mongalov [History of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels in Eastern Countries]. Moscow: "Thought", 1997, pp. 28–85. (In Russian)
33. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg: Publishing house of Skorokhodov, 1901. 266 p. (In Russian)
34. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. St. Petersburg: Leopold Demis, 1863. 504 col. (In Russian)
35. Rashid al-Din. *Sbornik letopisej* [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russian)
36. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v sostave pravlyashchey elity Dzhuchieva Ulusa v XIII–XV vv.* [Russian Princes among the Ruling Elite of the Ulus of Jochi from the thirteenth to fifteenth century]. Voronezh: Central Black Earth Book publishing house, 2013. 472 p. (In Russian)
37. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language from the eleventh to seventeenth century]. Vol. 1–28. Moscow: "Science", 1975–2008. (In Russian)
38. Tiesenhauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. I. St. Petersburg: Tipography of the Academy of Sciences, 1884. 563 p. (In Russian)
39. Tiesenhauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 306 p. (In Russian)
40. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Kazan: Publishing house "Kazan real estate", 2016. 764 p. (In Russian)
41. Trepavlov V.V. Retseziya na knigu S.S. Averkieva "Vliyanie tatar na zhizn' russkogo naroda" [Review of the book by S.S. Averkiev "Tatar Influence on the Life of the Russian People"]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 460–465. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.460-465 (In Russian)
42. Fletcher D. O gosudarstve Russkom [On the Russian state]. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrancev* [Russia of the sixteenth century. The Memories of Foreigners]. Smolensk: Rusich, 2003, pp. 14–151. (In Russian)

43. Khakim R. Rossiya i Tatarstan: u istoricheskogo perekrestka [Russia and Tatarstan: At the historical crossroads]. *Panorama-Forum* [Panorama Forum]. 1997, no. 1, pp. 30–49. (In Russian)
44. Hudyakov Yu.S. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ya* [Armament of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 1997. 160 p. (In Russian)
45. Yurganov A.L. U istokov despotizma [At the origins of despotism]. *Istoriya otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX – nach. XX v.* [History of the Fatherland: People, Ideas, and Decisions. Essays on the History of Russia from the ninth to early twentieth century]. Moscow: Politizdat, 1991, pp. 34–75. (In Russian)
46. Yuriy Pivovarov o fil'me i nasledii Ordy [Yuri Pivovarov about the Film and the Legacy of the Horde]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=4z8ixRPhGDw> (accessed 3.12.2020). (In Russian)
47. Yanov A.L. *Rossiya: U istokov tragedii. 1462–1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoy gosudarstvennosti* [Russia: At the Origins of the Tragedy. 1462–1584. Notes on the Nature and Origin of the Russian Statehood]. Moscow: “Progress-Tradition”, 2001. 559 p. (In Russian)
48. Brzezinski Z. Soviet politics: From the future to the past. *The Dynamics of Soviet Politics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976, pp. 337–351.
49. Halperin C.J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington, 1985. 180 p.
50. Henshall N. *The Myth of Absolutism*. London and New York: Longman, 1992. 245 p.
51. Nefedov S. Eski Rusya’ da Osmanli sistemi: Timar [Ottoman system in old Russia: Timar]. *DA – diyalog avrasya*. Istanbul, 2003, no. 8, pp. 34–40. (In Turkish)
52. Ostrowski D. The Mongol origins of Muscovite political institutions. *Slavic Review*. 1990, vol. 49, no. 4, pp. 525–542.
53. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 348 p.
54. Pelenski J. State and society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic system in the sixteenth century. *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1980, vol. 27, pp. 156–167.
55. Vasary I. The Tatar factor in the formation of Muscovy’s political culture. *Nomads as Agents of Cultural Change. The Mongols and Their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawai’i Press, 2015, pp. 252–270.
56. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.

About the author: Sergey A. Nefedov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Institute of history and archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences; Professor of Ural Federal University (19, Mira Str., Yekaterinburg 620002, Russian Federation); Researcher ID: Q-1642-2015; ORCID: 0000-0003-0136-5020. E-mail: hist1@yandex.ru

*Received August 27, 2020 Accepted for publication December 5, 2020
Published December 29, 2020*

«ТАТАРСКИЙ БРАК» ВДОВЫ И МЛАДШЕГО БРАТА АНДРЕЯ МСТИСЛАВИЧА ЧЕРНИГОВСКОГО

Л.В. Воротынцев

*Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
leonrus1245@mail.ru*

Цель исследования: выяснение причин и последствий конфликтной ситуации, возникшей в результате отказа родственников Андрея Черниговского заключить брак «по татарскому обычаю».

Материалы исследования: русские летописи и сборники древнерусского церковного права (Мерило праведное, Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089)), Кормчая Книга, княжеские уставы (Устав князя Ярослава о церковных судах) и духовные грамоты, Любецкий синодик, латинские и мусульманские источники.

Результаты и новизна исследования: требование Бату о заключении брака между вдовой и младшим братом казненного в Золотой Орде черниговского князя Андрея Мстиславовича «согласно обычаю татар» полностью соответствовало монгольскому обычному праву, однако вступало в резкое противоречие сразу с двумя каноническими запретами русского церковного права: запрету на браки лиц, находившихся в близком свойстве, и заключению брака без христианского венчания. Возможными реальными причинами вышеуказанного требования могли являться как желание властей Улуса Джучи исключить младшего брата князя Андрея из числа претендентов на черниговское княжение, так и стремление проверить политическую лояльность претендентов на наследство ранее казненного князя, а также устранение фактического двоевластия, вероятно, сложившегося в Черниговской земле после гибели предыдущего правителя княжества. Отказ брата и вдовы Андрея Черниговского выполнить требование Бату вызвал резкую реакцию ордынских властей, закончившуюся ритуалом насильственного бракосочетания, целью которого была демонстрация русским правящим элитам приоритета монгольских правовых норм.

Ключевые слова: «татарский брак», Андрей Черниговский, княжеская вдова, Бату, монгольская правовая культура, древнерусское церковное право

Для цитирования: Воротынцев Л.В. «Татарский брак» вдовы и младшего брата Андрея Мстиславича Черниговского // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 771–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.771-783

Благодарности: Автор выражает глубокую признательность д.и.н. Павлу Ивановичу Гайденко за конструктивную критику и ряд ценных замечаний, высказанных в личном общении в ходе работы над статьей.

**THE “TATAR MARRIAGE” BETWEEN THE WIDOW
AND YOUNGER BROTHER OF ANDREI MSTISLAVICH OF CHERNIHIV**

L.V. Vorotyntsev

*Yelets State Ivan Bunin University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study Russian-Horde relations in the period of formation of Russian principalities' dependence on the Mongol Empire and the ulus of Jochi – a historical phase connected with a 1246 trip of a Russian prince and the widow of his elder brother to Batu. This elder brother, Prince Andrei, had been executed earlier by the Mongols. The aim of the work is to clarify the causes and consequences of the conflict situation that arose as a result of the refusal of Andrei of Chernihiv's relatives to permit a marriage “according to the Tatar custom”.

Research materials: Russian chronicles and collections of Church law (Just Measure, canonical answers of Metropolitan John II [1080–1089]), the so-called “Books of the Pilot”, princely statutes (Statute of Prince Yaroslav of the Church courts), religious letters, the Lyubetsky Synod, as well as some Latin and Muslim sources.

Results and novelty of the research: Based on an analysis of the information contained in Old Russian sources of Church law, chronicles, princely religious letters, the reports of the papal diplomat John of Plano Carpini and accompanying representatives of the Franciscan mission, C. de Bridia and Benedict of Poland, as well as sources containing information about the legal norms and customary law of the Mongols (e.g. the travel accounts of William of Rubruck, Marco Polo, and Ibn Battuta), the author comes to the following conclusions: Batu's demand for marriage between the widow and younger brother of the previously executed Prince Andrei Mstislavovich of Chernihiv “according to the custom of Tatars” fully corresponded to Mongol customary law. However, it came into sharp contrast with two canonical prohibitions of Russian Church law: the ban on marriages of closely related individuals and marriage without a Christian wedding. Possible practical reasons for the Mongol marriage demand could include the desire of the authorities of the ulus of Jochi to exclude the younger brother of Prince Andrei from the number of contenders to rule the Chernihiv Principality, the desire to test the political loyalty of applicants for the inheritance of the executed prince, and an aim to eliminate the dual rule which was ostensibly established in the Chernihiv Principality after the death of its previous ruler. The refusal of the brother and widow of Andrei of Chernihiv to comply with the Batu's demand caused a strong reaction of the Horde's authorities, ending in a ritual of forced marriage. This ritual was accompanied by a series of humiliating processes, one of the likely goals of which was to demonstrate to the Russian ruling elites the priority of Mongol legal norms over the legal norms of states that were politically dependent on the Jochids.

Keywords: Tatar marriage, Andrei of Chernihiv, princely widow, Batu, Mongol legal culture, old Russian Church law

For citation: Vorotyntsev L.V. The “Tatar Marriage” between the Widow and Younger Brother of Andrei Mstislavich of Chernihiv. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 771–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.771-783

Thanks: The author expresses his deep gratitude to Dr. Pavel Ivanovich Gaidenko for constructive criticism and a number of valuable comments made in personal communication during the work on the article.

Одним из последствий установления зависимости русских княжеств от Монгольской империи и Улуса Джучи в первой половине 40-х гг. XIII в. стало значительное возрастание влияния монгольской правовой культуры на поведенческие стереотипы русских князей, формирование которых в домонгольскую эпоху происходило на основе сословных традиций Рюриковичей и церковного права, определявших основные правила повседневно-бытовой культуры представителей древнерусской знати.

Политическая необходимость посещения русскими князьями или их сыновьями ставок монгольских правителей, придерживавшихся в XIII в. традиционных для кочевников Великой степи языческих культов [19, с. 28, 29, 94; 13, с. 128–129], подразумевала выполнение ряда установленных правил придворного этикета Чингизидов, а также норм Ясы и обычного права монголов.

В оценках составителей Галицко-Волынского летописного свода, а также автора «Сказания об убиении в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора» монгольские ритуальные действия, установленные для русских князей в ставке правителей Улуса Джучи, предстают в крайне отрицательном образе языческого религиозного обряда («злого их бешения и кудешества») [22, стб. 807], активное сопротивление которому являлось высшей добродетелью для христианского правителя [26, с. 158–159].

Автор «Сказания об убиении...» соотносит мученическую кончину черниговского князя с его отказом выполнить монгольский обряд очищения, посредством прохождения между разоженных костров, а также совершить некий обряд поклонения солнцу и безымянным «идолам»: «...И доидоша до места, идеже бе накладенъ огнь со обе стране. Мнози же погани идяху сквозе огнь, и поклоняхуся солнцу и идоламъ. Волсви же хотеша Михаила вести и Феодора сквозь огнь. Михаилъ же и Феодоръ глаголаста имъ: “недостойтъ христианом ходити сквозе огнь, ни поклонитися, ему же ся сии кланяють...”» [26, с. 158]. В то же время, по свидетельству одного из членов францисканской дипломатической миссии 1245 г. – брата Ц. де Бридиа, причиной казни Михаила Всеволодовича Черниговского стал отказ русского князя соблюсти дипломатическую церемонию поклонения изображению Чингизхана: «...недавно случилось так, что правитель Михаил, из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам...было приказано бить его пятакой в грудь до смерти...» [30, с. 116–117]. Согласно сообщению Иоанна де Плано Карпини, Михаил согласился совершить ритуал прохождения между двух огней, но высказав неоднократный отказ совершить обряд почитания основателя Монгольской державы, навлек на себя гнев Бату и последовавшую за этим казнь [19, с. 29]. Расхождения в источниках не позволяют воссоздать точную картину произошедших событий. Тем не менее не вызывает сомнений тот факт, что вне зависимости от возможного политического подтекста требований, выдвинутых ордынскими властями к Михаилу Всеволодовичу, формальным поводом для вынесения смертного приговора послужил отказ черниговского князя совершить традиционную церемонию монгольского придворного этикета, которая трактовалась христианами авторами как языческий религиозный обряд.

В 1246 г. в Орде был казнен еще один представитель династии черниговских Ольговичей – князь Андрей Мстиславович [23, стб. 31; 24, стб. 52]. Согласно свидетельству Иоанна де Плано Карпини, черниговский князь был

приговорен к смертной казни по обвинению в конокрадстве и торговле краденым: «Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится в России, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все таки был убит» [19, с. 29–30]. По всей вероятности, смертный приговор Андрею Мстиславовичу был вынесен на основании одного из уложений обычного права кочевников – правила наказания за угон скота. Сведения о практиковавшихся у монголов наказаниях за кражу лошадей содержатся в записках как европейских, так и мусульманских путешественников и дипломатов.

В частности, по сообщению Марко Поло, согласно обычаю татар: «...Кто украдет коня или что другое – тому за это смерть; мечом разрубает его; а кто может дать выкуп, заплатит против украденного в десять раз, того не убивают...» [13, с. 131]. Марокканский путешественник Ибн Баттута, описывая быт и обычаи кочевого населения Золотой Орды, отмечал, что: «...тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему девять таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца» [6, с. 154].

Вместе с тем, заслуживает внимания тот факт, что согласно сообщению информатора Иоанна де Плано Карпини, реальных доказательств виновности черниговского князя в озвученном преступлении предоставлено не было, что позволяет высказать предположение о формальности предъявленных князю Андрею обвинений.

В этой связи допустимо высказать предположение о том, что действия ордынских властей в отношении русского князя имели политическую подоплеку и были обусловлены неприятием Джучидами кандидатуры Андрея в качестве правителя Черниговского княжества. Вероятным объяснением такого неприятия может служить династическая принадлежность Андрея Мстиславовича. В отечественной историографии не сложилось однозначного мнения, к какой из ветвей черниговского дома принадлежал казненный в Орде князь [12, с. 136]. По наиболее аргументированной версии, он мог являться сыном Мстислава Святославовича Черниговского, погибшего в битве на Калке в 1223 г. [21, стб. 446]. Основанием для подобного предположения является содержащаяся в Елецком и Северском синодиках информация о том, что один из старших сыновей вышеуказанного черниговского князя носил имя **Андрей** и по возрасту мог занимать княжеский престол в 40-х гг. XIII в. [5, с. 25; 29, с. 39, 41]. Учитывая, что Мстислав Святославович принимал активное участие в боевых действиях против монгольских войск, у Бату могли иметься обоснованные сомнения в политической лояльности его сыновей. Данное обстоятельство, с учетом выдвинутых обвинений, могло сыграть роковую роль в дальнейшем развитии событий.

Через некоторое время после гибели Андрея Мстиславовича в ставку Бату прибывает младший брат погибшего черниговского князя «с женою убитого... с намерением упросить его (Бату – *В.Л.*) не отнимать у них земли...» [19, с. 30]. Если признать как верную гипотезу о том, что казненный монголами в 1246 г. Андрей Мстиславич являлся старшим сыном Мсти-

слава Святославовича, то княжичем, приехавшим в ставку Бату с вдовой казенного, мог являться один из двух его младшим братьев – Иоанн или Гавриил, также упоминаемые в синодальных списках [5, с. 25; 29, с. 39, 41].

Следует отметить, что посещение ставки правителя Улуса Джучи вдовой казенного князя является единственным письменно зафиксированным случаем в истории русско-ордынских отношений. В то же время, Иоанн де Плано Карпини упоминает среди представителей знати зависимых от монголов государств, присутствовавших в ставке великого хана Гуюка в 1246 г.: «...вдову сына царя Грузии» [19, с. 75]. К сожалению, ввиду отсутствия дополнительной информации в источниках, определить цель приезда принадлежавшей к правящему царственному дому грузинской вдовы в ставку монгольского кагана не представляется возможным.

Столь же затруднительным является и определение цели посещения ставки Бату вдовой Андрея Мстиславовича. Основываясь на анализе положений древнерусского церковного права, допустимо высказать следующие гипотезы. Одним из вероятных объяснений поездки черниговской княгини в Орду могло являться стремление вдовы сохранить наследственные права на часть удела погибшего мужа. Об этом, в частности, может указывать упоминание в сообщении Иоанна де Плано Карпини неких «земель», сохранение административно-фискального контроля за которыми, согласно свидетельству папского дипломата, и являлось основной целью приезда наследников казенного. Характерно, что нормы древнерусского права допускали наследование княжескими и боярскими вдовами недвижимого имущества (в том числе и земельных уделов) умерших князей «в кормлю». В письменных источниках сохранилось 36 сообщений и актовых материалов, в которых встречаются упоминания о наследовании знатными женщинами уделов после смерти мужа. Из них 5 документов являются завещаниями земельных уделов и другого имущества великим княгиням, 9 – удельным княгиням [1, Т. I. № 472, 562, Т. II. № 184, 264, Т. III. № 256; 3, № 1, 3, 4, 12, 17, 20, 61, 71, 84, 86, 98].

Согласно древнерусским правовым нормам, имущественные права княжеских вдов сохранялись исключительно в случае сохранения их вдовьего статуса «до живота» (т.е. до смерти). Выходя замуж повторно, знатная женщина теряла права на наследство покойного мужа: «А поидет замуж, иное и не дати участок ничего, и участка ей в земле нет» [3, № 61, 98]. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что вдовы погибших или умерших русских князей, как правило, не выходили повторно замуж, предпочитая сохранять свой вдовый статус, гарантировавший возможность владения наследственным уделом. По наблюдению А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского в русских летописях, относящихся к домонгольскому времени, нет ни одного свидетельства, согласно которому русский князь-христианин взял бы в жены вдову другого русского князя [10, с. 12–13].

Еще одной гипотезой, позволяющей объяснить причину приезда овдовевшей супруги князя Андрея в ставку Бату, является предположение о том, что она могла исполнять функции регентши черниговского престола до возможного утверждения правителем Улуса Джучи княжеских полномочий деверя (брата мужа). Примеры женского регентства княжескими вдовами при несовершеннолетних сыновьях прослеживаются в сообщениях русских летописных источников, относящихся к домонгольской эпохе. Первой из таких регентш являлась вдова киевского князя Игоря Старого, Ольга, взявшая

властные полномочия по управлению княжеством после гибели мужа в 945 г. при малолетнем сыне Святославе Игоревиче [20, с. 40–45; 22, стб. 43–46, 48–49]. В 1209–1226 вдова князя Романа Мстиславича, Анна («великая княгиня Романова»), играла весьма значимую роль в политической борьбе за Галицко-Волынский стол, развернувшейся после смерти ее мужа в 1205 г. [22, стб. 718, 721, 727]. Фактически Анна являлась соправительницей своих сыновей Даниила и Василька по крайней мере до 1215 г. Именно в этом году Ипатьевская летопись отмечает прибытие литовского посольства: «...къ великой княгине Романове, и Данили и Василькои...» с целью заключения мирного договора [22, стб. 735; 20, с. 38].

Однако из-за отсутствия в источниках сведений о наличии у Андрея Мстиславича Черниговского наследников мужского пола предположение о регентстве вдовы является лишь гипотезой, основанной на логических допущениях и исторических аналогиях.

Во время пребывания в ставке Бату младшему брату Андрея Черниговского было выдвинуто условие, «...чтобы он взял в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю татар» [19, с. 30]. Черниговский княжич первоначально отверг требования ордынского правителя, заявляя, «...что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону». Несмотря на отказ: «...Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее (вдову Андрея – *В.Л.*) и принудили их одинаково совокупится сочетанием не условным, а полным» [19, с. 30].

В отчете францисканского монаха Бенедикта Поляка, являвшегося одним из участников дипломатической миссии Иоанна де Плано Карпини, данный эпизод описывается несколько иначе: «...они (монголы – *В.Л.*) принудили младшего брата князя Андрея (убитого ими по ложному обвинению) взять в жены вдову брата, уложив их на одно ложе в присутствии других людей» [30, с. 118]. Разногласие в сообщениях источников не позволяет сделать однозначное заключение о том, носил ли обряд бракосочетания по «татарскому обычаю» формальный характер, или же сопровождался реальными сексуальными действиями «новобрачных».

Рассматривая действия ордынских властей в контексте обычного права кочевников, следует отметить, что традиция заключения повторного брака вдовой с братом покойного мужа прослеживается со времен эпохи хунну (II в. до н.э.). По сообщениям китайских источников, вдова старшего брата становилась после его смерти или гибели женой младшего, который брал на себя обязательства заботы о ней и ее детях от первого брака [2, с. 40]. Существование аналогичной традиции у монголов фиксируется в сообщениях целого ряда нарративных источников [19, с. 26–27; 13, с. 128; 6, с. 335].

Так, согласно свидетельству Марко Поло: «Женятся они (монголы – *В.Л.*) на двоюродных сестрах, умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; **по смерти брата – на его жене**. На свадьбах пир бывает большой» [13, с. 128]. Иоанн де Плано Карпини отмечает норму обычного права монгольских кочевников, согласно которой младший брат был обязан взять в жены вдову умершего старшего брата: «...они (монголы – *В.Л.*) могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами за исключе-

нием матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу. А также на женах отца после его смерти они могут жениться. **А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться...**» [19, с. 27].

Вместе с тем следует отметить, что вдова великого хана Угедэя – Туракина, равно как и вдова кагана Гуюка – Огул-Гаймиш, бывшие регентшами ханского престола после смерти мужей в 1242–1246 и 1248–1251 гг. соответственно, не заключали повторного брака, хотя на момент смерти кагана Угедэя был жив не только его родной брат – Чагатай (1185–1242), на правах хранителя Ясы одобрявший регентство Туракины [4, с. 166; 33, р. 240], но и многочисленные племянники и сыновья Угедэя от других жен, которые имели формальное право на заключение брака с вдовой умершего великого хана. Регентство вдовы великого хана Гуюка – Огул-Гаймиш, вступившей во временное управление Эке Улусом в 1248 г. было также одобрено Бату, как старейшим представителем (ака) правящего рода Борджигин, без указания на заключение вдовой повторного брака с одним из младших братьев, племянников или пасынков мужа [4, с. 181; 33, р. 263]. Старшая жена самого Бату – Боракчин-хатун, после смерти мужа вышла замуж за пасынка (сына покойного супруга от другой жены) – Тукана [27, с. 150]. Однако вдова золотоордынского хана Менгу-Тимура – Джиджек-хатун, казненная по приказу Ногая около 1291–1292 г., по сообщению арабского хрониста Бейбарса: «...правила [государством]... в царствование [своего сына] Туда-Менгу», не заключая повторного брака с кем-то из родственников покойного мужа [27, с. 109]. Не заключала повторного брака и вдова хана Узбека – Тайдула-хатун, оказывавшая большое влияние на политические процессы в Улусе Джучи после смерти мужа.

На основании вышеизложенных фактов можно сделать закономерный вывод о том, что в среде кочевых племен Великой степи обычай заключения брака между вдовой и младшим братом (или иным младшим родственником умершего) являлся распространенным и желательным, однако не носил обязательного характера, по крайней мере, для представителей монгольской аристократии и «Золотого рода» (Чингизидов).

В тоже время, согласно нормам древнерусского канонического права, не допускались браки между людьми, находящимися не только в кровном родстве, но и в каком либо свойстве между собой. По церковным законам, свойство возникало посредством брака, в результате которого жена и ее родственники считались в свойстве с родственниками мужа. «Устав о брацех», входивший в состав русских Кормчих XIII–XV в., запрещал браки между одним овдовевшим супругом и кровными родственниками другого на основании решения Собора 997 г. Также запрещались браки между родственниками до шестой степени родства [14, л. 219–226; 17, с. 109; 15, с. 38–41].

В данном вопросе правила древнерусского церковного права, регулировавшие семейные отношения, вступали в явное противоречие с установками обычного права монголов, где отсутствовало понятие «свойства». Согласно свидетельству Гильома де Рубрука: «Они (монголы – *В.И.*) соблюдают первую и вторую степени родства, **свойства же не признают ни в какой степени.** Именно они женятся вместе, или последовательно на двух сестрах» [19, с. 101].

Помимо этого, необходимым условием признания законности христианского брака являлось венчание, о котором в условиях принуждения к брачным отношениям, описанных Иоанном де Плано Карпини и Бенедиктом По-

ляком, не могло быть и речи. Борясь с пережитками дохристианских обычаев «играния» свадеб «без попа», в сводах канонических уложений Русской православной церкви четко обозначалась «беззаконность» брака, заключенного вне пределов христианского церковного обряда: «без венчания женитва беззаконна есть и неблагословенна и нечиста...» [16, 267, стб. 5; 11, с. 115, стб. 11; 31, с. 104; 32, с. 285–287]. Данное обстоятельство придавало монгольскому брачному обычаю дополнительный элемент «беззакония».

Таким образом, требование Бату о заключении брака между вдовой и младшим братом Андрея Черниговского, противореча русским нормам, полностью соответствовало обычному праву монголов. В таких условиях даже потенциальное согласие родственников казненного черниговского князя принять условия, выдвинутые правителем Улуса Джучи, вступало бы в абсолютное противоречие с церковными законами и мировоззренческими установками представителей русской знати той эпохи.

Попытка объяснить действия ордынских властей в отношении представителей черниговского княжеского дома была предпринята Р.Ю. Почекаевым, высказавшем предположение о том, что, целью Бату являлась политическая дискредитация младшего брата князя Андрея с целью аннулирования его законных прав на получение ярлыка [18, с. 196].

Однако возможны и иные варианты трактовки событий вышеописанного инцидента. Настойчивость властей Улуса Джучи в принуждении к заключению брачного союза «согласно обычаю татар» (т.е. обычному праву монголов) можно объяснить стремлением проверить политическую лояльность черниговского княжича. Принимая во внимание тот факт, что Джучиды незадолго до описываемых событий уже дважды сталкивались с нарушением этикетных установок и правовых норм представителями черниговского княжеского дома (Михаилом Всеволодовичем и Андреем Мстиславовичем), действия правителя Ордынского государства представляются в значительной степени оправданными или, по меньшей мере, логичными.

Вторым вероятным вариантом объяснения действий Бату в отношении представителей одного из южнорусских княжеских домов могло быть стремление привести систему административно-политической власти в Черниговском княжестве в соответствие с представлениями властей Улуса Джучи, ликвидировав то двоевластие, которое, вероятно, возникло после казни князя Андрея. Косвенным подтверждением подобного двоевластия является совместная поездка брата и вдовы казненного в ставку Бату.

В последовавшем акте насильственного бракосочетания по «татарскому», то есть языческому обряду прослеживается стремление властей Улуса Джучи посредством публичного унижения и лишения князя чести продемонстрировать правящим элитам русских княжеств последствия несоблюдения монгольских правовых норм и этикетных установок, а также подчеркнуть приоритет монгольских законов перед нормами русского церковного и обычного права.

Следует отметить еще один аспект «татарского брака» родственников черниговского князя. Вдова и младший брат Андрея Мстиславовича, формально являясь нарушителями брачных и сексуальных норм древнерусского церковно-канонического права [31, с. 86–91], тем не менее не попадали ни в одну из категорий преступников, в отношении которых могли быть применены меры карательного воздействия. Согласно правилам брачных отношений, действо-

вавших на территории русских княжеств, грех прелюбодеяния, совершенного в результате насилия, жертве насилия в вину не вменялся [7, с. 18, стб. 26]. Церковный запрет совместного проживания двух братьев с одной женой также не соответствует ситуации «татарского брака», поскольку подразумевает наличие в живых обоих братьев [28, с. 88, стб. 27]. Таким образом, брат и вдова Андрея Черниговского, как жертвы насилия иноверцев, вероятнее всего, не могли быть подвергнуты церковному наказанию [28, с. 86–88, стб. 13–28].

Последующая судьба вышеуказанных представителей черниговского княжеского дома не прослеживается в источниках. Исходя из того, что следующим упоминаемым в источниках черниговским князем является представитель другой ветви Ольговичей, допустимо предположить, что родственники Андрея Мстиславовича добровольно отказались (или были отстранены) от наследования Черниговского стола и, вероятно, приняли монашеский постриг.

Прямым свидетельством сохранения черниговского престола за представителями одного из представителей дома Ольговичей после драматических событий 1246 г. является упоминание в записках Иоанна де Плано Карпини некоего «посла» черниговского князя, выехавшего с папским посольством из ставки Бату с русскими князьями: «И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Олоха (Oloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал так же **посол князя Черниговского** и долго ехал с нами по Руси» [19, с. 26–27].

К сожалению, папский дипломат не указывает имени черниговского князя, посол которого, по всей вероятности, направлялся из Орды (Комании) в земли Галицко-Волынского княжества вместе с посольством Иоанна де Плано Карпини. Р.В. Зотов высказал предположение о том, что безымянным черниговским князем записок Иоанна де Плано Карпини мог являться неизвестный по летописным источникам, но упоминаемый в Любецком синодике Лаврентий-Всеволод Ярополчич Черниговский [5, с. 26]. Косвенным доказательством пребывания этого князя на черниговском престоле может служить сообщение Ипатьевской летописи от 1261 г. о женитьбе черниговского князя Андрея Всеволодича на дочери волынского князя Василька Романовича: «...в лето 6769 (1261)...свадьба бысть у Василка князя у Володимере городе: поча отдавати дочь свою Олгу за Андреа князя Всеволодича, Чернигову» [22, стб. 848]. Указанное летописное свидетельство позволяет высказать достаточно обоснованное предположение о том, что князь Андрей Всеволодич, правивший в Чернигове в начале 60-х гг. XIII в., являлся сыном Всеволода Ярополчича, получившего ярлык на черниговское княжение после 1246 г.

Политическая нестабильность, вызванная событиями 1245–1246 гг., привела к усилению процесса дезинтеграции Черниговского княжества, начавшегося еще в домонгольскую эпоху. Согласно ряду сообщений московских родословных росписей, уже в 40-х гг. XIII в. происходит распад Черниговской земли на отдельные, фактически независимые удельные княжества – Брянское, Глуховско-Новосильское, Карачевское и Тарусское [25, с. 41, 111–112]. Во второй половине XIII в. выделяются в самостоятельные княжения Стародубский, Рыльский и Курский уделы, правители которых совершали неоднократные поездки в ставки ордынских ханов [5, с. 27, 28; 8, с. 5–57; 9, с. 7–39].

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что на начальном этапе становления русско-ордынских отношений поведенческие ус-

тановки представителей русской правящей элиты нередко вступали в противоречие с правовыми обычаями Великой степи, зачастую используя Джучидами в политических целях. В ряде случаев эти противоречия перерастали в конфликтные ситуации, завершавшиеся актами насильственного публичного унижения или гибелью отдельных представителей русских княжеских династий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952–1964. 443 с.
2. Бичурин Н.Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. М.; Л.: Институт этнографии Миклухо-Маклая, 1950–1953. 656 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.: Издательство АН СССР, 1950. 585 с.
4. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Издательский дом «Магистр-Пресс», 2004. 689 с.
5. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве въ татарское время. СПб., 1892. 379 с.
6. Ибн Баттута. Подарок наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 150–177.
7. Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089) // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1. С. 18.
8. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. 1996. Вып. 1. С. 5–57.
9. Кучкин В.А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовечского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории (сборник статей). Липецк: Издательство Липецкого государственного педагогического университета, 1996. С. 7–39.
10. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб.; Казань, 2014. Вып. 1. С. 7–20.
11. Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. 574 с.
12. Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносов, 2017. 272 с.
13. Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 576 с.
14. «О брацах расужения» (Сде известно разделение възбраненных браков и законных) // Мерило праведное. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. Фонд 304. I. Л. 219–226.
15. Омелянчук С.В. Условия заключения христианского брака в Древней Руси // История государства и права. 2011. № 24. С. 48–51.
16. Памятники русского права. Вып. I. Памятники права Киевского государства. М.: Госюриздат, 1952. 287 с.
17. Павлов А.А. 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. 462 с.
18. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб.: АСТ Евразия, 2007. 350 с.
19. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 287 с.
20. Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.

21. Полное собрание русские летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 379 с.
22. Полное собрание русские летописей. Т. II. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 638 с.
23. Полное собрание русские летописей. Т. XV. Рогожский летописец. М., 1965. 390 с.
24. Полное собрание русские летописей. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000. 252 с.
25. Редкие источники по истории России. Вып. 2. М.: Институт истории СССР, 1977. 186 с.
26. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 5. С. 158–159.
27. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 563 с.
28. Устав князя Ярослава о церковных судах // Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. Ст. 27. С. 88.
29. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов, 1874. 992 с.
30. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
31. Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.
32. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 340 с.
33. Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Поступила 27.08.2020 Принята к публикации 30.11.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.* [Acts of Socio-economic History of Northeastern Rus' from the late fourteenth to early sixteenth century]. Moscow, 1952–1964. 443 p. (In Russian)
2. Bichurin N.Ya. (Iakinf) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevneyshie vremena* [Collection of Information about the Peoples Who Lived in Central Asia in the Most Ancient Times] Vol. 1. Moscow; Leningrad: Miklouho-Maclay Institute of Ethnography, 1950–1953. 656 p. (In Russian)
3. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1950. 585 p. (In Russian)
4. Juvaini Ata-Malik. *Chinggis Khan. The History of the World-Conqueror*. Moscow: Magister-Press. 2004. 689 p. (In Russian)
5. Zotov R.V. *O chernigovskikh knyaz'yakh" po Lyubetskomu sinodiku i Chernigovskom knyazhestve v" tatarskoe vremya* [About Chernihiv Princes according to the

Lyubetsky Synodik and Chernihiv Principality during the Tatar Time]. St. Petersburg, 1892. 379 p. (In Russian)

6. Ibn Battuta. Podarok nablyudatelyam po chasti dikovin stran i chudes puteshestviy [A Masterpiece to those who contemplate the wonders of cities and the marvels of traveling]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* [Formation and Flowering of the Golden Horde. Sources on the History of the Ulus of Jochi (1266–1359)]. Kazan, 2011, pp. 150–177. (In Russian)

7. Kanonicheskie otvety mitropolita Ioanna II (1080–1089) [Canonical answers of Metropolitan John II (1080–1089)]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1908, vol. 6, part 1, p. 18. (In Russian)

8. Kuchkin V.A. Letopisnye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmata [Chronicle stories about the settlements of baskak Akhmat]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. 1996, iss. 1, pp. 5–57. (In Russian)

9. Kuchkin V.A. Letopisnye rasskazy s upominaniem knyazya Svyatoslava Lipovechskogo: istoriografiya, drevneyshie teksty, khronologiya i geografiya sobytiy [Chronicle stories with mention of Prince Svyatoslav Lipovechsky: historiography, most ancient texts, chronology, and geography of events]. *Lipetsk: nachalo istorii (sbornik statey)* [Lipetsk: The Beginning of History (collected articles).] Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 1996, pp. 7–39. (In Russian)

10. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Znatnaya vdova v srednevekovoy Skandinavii i na Rusi: Matrimonial'nye strategii i legendy vlasti [The noble widow in medieval Scandinavia and in Rus': Matrimonial strategies and legends of power]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Old Rus': In time, in Personalities, in Ideas]. St. Petersburg; Kazan, 2014, iss. 1, pp. 7–20. (In Russian)

11. Smirnov S.I. *Materialy dlya istorii drevnerusskoy pokayannoy distsipliny* [Materials for the History of Old Russian Penitential Discipline]. Moscow, 1912. 574 p. (In Russian)

12. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy Ordy* [Russian Princes at the Court of the Khans of the Golden Horde]. Moscow: Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)

13. Marco Polo. *Kniga o raznoobrazii mira* [Book of the Marvels of the World]. St. Petersburg: ABC-Atticus, 2018. 576 p. (In Russian)

14. "O bratsekh rasuzheniya" (Sde izvestno razdelenie v"zbranennnykh brakov i zakonnykh) [Clarification on marriages: Here the difference between illegal and legal marriages is clarified]. *Merilo pravednoe. Glavnoe sobranie biblioteki Troitse-Sergievoy Lavry* [Righteous Measure. The Main Collection of the Trinity-Sergius Lavra's Library]. Fund 304. I, fol. 219–226. (In Russian)

15. Omel'yanchuk S.V. Usloviya zaklyucheniya khristianskogo braka v Drevney Rusi [Conditions for the conclusion of a Christian marriage in old Rus']. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. 2011, no. 24, pp. 48–51. (In Russian)

16. *Pamyatniki russkogo prava*, Vyp. I: *Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva* [Monuments of Russian Law, Vol. I: Monuments of the Law of the Kyivan State]. Moscow: State legal publishing house, 1952. 287 p. (In Russian)

17. Pavlov A.A. *50-ya glava Kormchey Knigi kak istoricheskiy i prakticheskiy istochnik russkogo brachnogo prava* [The Fiftieth Chapter of the Pidalion as a Historical and Practical Source of Russian Marriage Law]. Moscow, 1887. 462 p. (In Russian)

18. Pochekaev R.Yu. *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu. The Khan Who Was Not a Khan]. St. Petersburg: "Eurasia", 2007. 350 p. (In Russian)

19. *Puteshestvie v Vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruck]. Moscow: State publishing house of geographical literature, 1957. 287 p. (In Russian)

20. Pushkareva N.L. *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Old Rus']. Moscow: "Thought", 1989. 286 p. (In Russian)

21. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom I: *Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Leningrad, 1926–1928. 379 p. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom II/2: *Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 2/2: Hypatian Chronicle]. St. Petersburg, 1908. 638 p. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom XV: *Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 15: Rogozhsky Chronicle]. Moscow, 1965. 390 p. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom XVI: *Letopis' Avraamki* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 16: Avraamka's Chronicle]. Moscow, 2000. 252 p. (In Russian)
25. *Redkie istochniki po istorii Rossii* [Rare Sources on the History of Russia]. Iss. 2. Moscow: Institute of History of the USSR, 1977. 186 p. (In Russian)
26. Skazanie ob ubienii v Orde knyazya Mikhaila Chernigovskogo i ego boyarina Feodora [The legend of the murder of Prince Michael of Chernihiv and his boyar Theodore in the Horde]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Old Rus']. St. Petersburg: "Science", 2000, vol. 5, pp. 158–159. (In Russian)
27. Tiesenhauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*, Tom I: *Izvlacheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde, Vol. 1: Extracts from Arabic Works]. St. Petersburg, 1884. 563 p. (In Russian)
28. Ustav knyazya Yaroslava o tserkovnykh sudakh [The Statute of Prince Yaroslav on the Church courts]. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Statutes from the eleventh to fifteenth century]. Shchapov Ya.N. (ed.). Moscow: "Science", 1976, § 27, p. 88. (In Russian)
29. Filaret (Gumilevskiy). *Istoriko-statisticheskoe opisanie Chernigovskoy eparkhii* [Historical and Statistical Description of the Chernihiv Diocese]. Book 5. Chernihiv, 1874. 992 p. (In Russian)
30. *Khristianskiy mir i "Velikaya Mongol'skaya imperiya". Materialy Frantsiskanskoy missii 1245 g.* [The Christian World and the "Great Mongol Empire". Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg: "Eurasia", 2002. 478 p. (In Russian)
31. Shchapov Ya.N. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Statutes from the eleventh to fifteenth century] Moscow: "Science", 1976. 240 p. (In Russian)
32. Shchapov Ya.N. *Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevney Rusi XI–XIV vv.* [Princely Statutes and the Church in old Rus' from the eleventh to fourteenth century]. Moscow: "Science", 1972. 340 p. (In Russian)
33. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – Research Fellow of Yelets State Ivan Bunin University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

*Received August 27, 2020 Accepted for publication November 30, 2020
Published December 29, 2020*

ТАТАРСКАЯ ТЕМАТИКА В ПЕРЕПИСКЕ САНОВНИКОВ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА. 1431–1432 ГГ.

С.В. Полехов¹, Н.Н. Наумов²

¹ Школа актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Российская Федерация
sergey.polekhov@gmail.com

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
nn-naumov@mail.ru

Цель: осуществить комментированную публикацию посланий весны 1431 г. – лета 1432 г. из архива великих магистров Тевтонского ордена, в которых затрагивается татарская тематика.

Материалы: подлинники и списки посланий, хранящиеся в Секретном государственном архиве Прусского культурного наследия в Берлине, в составе исторического Кёнигсбергского архива (XX главное отделение); вспомогательные материалы, опубликованные и неопубликованные, оттуда же и из архивов Варшавы и Кракова.

Новизна и результаты: в историческом Кёнигсбергском архиве в Секретном государственном архиве Прусского культурного наследия (Берлин) выявлены девять посланий весны 1431 г. – лета 1432 г., в которых говорится об отношениях Орды с соседями (Великим княжеством Литовским, Польским королевством, Молдавией, Валахией) и внутриордынской борьбе за власть. Установлено, что лишь три из них опубликованы полностью и на современном научном уровне. Остальные шесть посланий публикуются с описаниями их подлинников и списков и подробными комментариями.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Тевтонский орден, Польское королевство, Свидригайло, Пауль фон Русдорф, Владислав Ягайло, Улуг-Мухаммед, переписка, Кёнигсбергский архив

Для цитирования: Полехов С.В., Наумов Н.Н. Татарская тематика в переписке сановников Тевтонского ордена. 1431–1432 гг. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 784–807. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.784-807

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00057а. Приносим искреннюю благодарность проф. Адаму Шведе (Торунь) за помощь в подготовке латинских текстов и проф. Янушу Грабовскому (Варшава) за консультацию о генеалогии мазовецких Пястов.

THE TATAR TOPIC IN THE CORRESPONDENCE OF OFFICIALS OF THE TEUTONIC ORDER, 1431–1432

S.V. Polekhov¹, N.N. Naumov²

¹ School of Contemporary Humanities Studies, Institute of Social Sciences
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
sergey.polekhov@gmail.com

² Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
nn-naumov@mail.ru

Abstract: *Research objectives:* This article offers annotated editions of nine letters from the archive of the grand masters of the Teutonic Order written between the spring of 1431 and the summer of 1432 concerning the Tatars.

Research materials: The originals and copies of the letters preserved in the Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz in Berlin – the historical Königsberg archive (XX. Hauptabteilung), subsidiary materials, published and unpublished, from the same archive, as well as materials from the archives of Cracow and Warsaw.

Results and novelty of the research: It is established that at least nine letters written between the spring of 1431 and the summer of 1432 concerning the Horde's relations with its neighbors (the Grand Duchy of Lithuania, the Kingdom of Poland, Moldavia, and Wallachia) and its ongoing internal power struggle are preserved in the historical Königsberg archive, presently named the Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, in Berlin. Only three of them have been hitherto published in full and in keeping with modern scholarly standards. The remaining six letters are published here along with the descriptions of their originals and copies besides detailed annotations.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Teutonic Order, Kingdom of Poland, Śvitrigaila, Władysław Jagiełło, Ulugh Muhammad, correspondence, Königsberg archive

For citation: Polekhov S.V., Naumov N.N. The Tatar Topic in the Correspondence of Officials of the Teutonic Order, 1431–1432. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 784–807. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.784-807

Thanks: The publication was prepared with the support of the Russian Foundation of Basic Research, project 18-09-00057a. We would like to express our gratitude to professor Adam Szveda (Toruń) for his help in the preparation of the Latin texts and to professor Janusz Grabowski (Warsaw) for the consultation on the genealogy of the Mazovian Piasts.

Переписка сановников Тевтонского ордена между собой, с правителями соседних государств и их подданными является важным источником по истории Восточной Европы в позднем Средневековье. Письма главным образом XV и первой четверти XVI в., сохранившиеся в архиве великого магистра Ордена, в основном в составе исторического Кёнигсбергского архива (ныне находящегося в Берлине), содержат уникальные известия не только о ближайших соседях, таких как Польское королевство, Великое княжество Литовское, земли Северо-Западной Руси и др., но и о более отдалённых государствах Восточной Европы, к числу которых принадлежала и Орда. Эти послания используются в научной литературе, но весьма избирательно, по публикациям XIX–XX вв., зачастую неполным и неточным, или вовсе по

пересказам «из вторых рук». Если переписка до 1430 г. издана относительно полно и точно (хотя и здесь возможны дополнения и уточнения), то для последующего периода, чрезвычайно насыщенного событиями, такое издание отсутствует. Задача настоящей публикации состоит в том, чтобы заполнить этот пробел применительно к татарской тематике (ср.: [7]).

Хронологические рамки данной публикации охватывают весну 1431 – лето 1432 г. – от установления отношений хана Улуг-Мухаммеда с новым великим князем литовским Свидригайлом, занявшим престол после смерти Витовта в конце 1430 г., до его свержения в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. Для этого периода удалось выявить целых девять писем, в которых затрагивается татарская тематика. При этом было решено опубликовать здесь полностью лишь те письма, которые ранее не публиковались (№ 1, 6, 7, 9) или публикации которых выполнены неудовлетворительно (№ 5, 8). Для трёх посланий 1431 г. (№ 2, 3, 4), тексты которых опубликованы, приводятся лишь заголовки (регесты) с подробным пересказом содержания.

С самого начала своего правления Свидригайло оказался в остром конфликте с Польшей [6, с. 148–241], что, разумеется, сказывалось на его отношениях с Ордой [12, с. 175–176, 180–182]. Интересно, что публикуемые источники не только освещают установление контактов и союз со Свидригайлом (№ 1, 2, 7, 8), участие татар в польско-литовской Луцкой войне (№ 3) и конфликтах в Молдавии и Валахии (№ 5), но и доносят до нас отголоски внутриордынской борьбы (№ 8, 9) [ср.: 2, с. 173–175], которой, по-видимому, пытались воспользоваться польские правящие круги (№ 6, ср. № 4). Международный масштаб польско-литовского конфликта, в который оказались так или иначе втянуты практически все участники политической жизни Восточной и Центральной Европы, хорошо виден из публикуемых писем, в которых татарская тематика соседствует с упоминаниями земель Северо-Западной Руси, Молдавии и Валахии, чешских гуситов, владений римского и венгерского короля Сигизмунда Люксембургского и, конечно, Польши и Тевтонского ордена. Одновременно в другой части Руси то тлеет, то разгорается с новой силой конфликт между юным великим князем московским Василием Васильевичем и его намного старшим дядей Юрием Дмитриевичем, претендовавшим на престол. В августе–сентябре 1431 г. и племянник, и дядя отправились в Орду, чтобы вынести свой спор на рассмотрение хана Улуг-Мухаммеда, откуда вернулись летом следующего года [5].

Публикуемые ниже тексты передаются согласно правилам, принятым для издания немецкоязычных и латиноязычных источников эпохи позднего Средневековья [27; 44; 47; 51]: сокращения раскрываются без оговорок, исправления в тексте оговариваются (при этом удвоение согласной в начале слова не сохраняется и не отмечается), текст разбивается на предложения и абзацы по смыслу, вводится современная пунктуация. Поскольку все публикуемые письма снабжены точной датой, в описании их подлинников опущены сведения о филигранях. Также не приводятся сведения о списках первой половины XIX в., подготовленных кёнигсбергскими архивистами для

Адама Ежи Чарторыйского и Теодора Нарбута¹: ими можно было бы воспользоваться для реконструкции повреждённых мест, но, как показывает тщательное изучение подлинников, эти места были повреждены уже в XIX в. и восстанавливались архивными писарями весьма неточно.

Тексты посланий, издательские заголовки и комментарии к ним подготовлены к печати С.В. Полеховым при участии Н.Н. Наумова (№ 5, 8).

1

1431 г. апреля 29. Новгородок. – Вел. кн. лит. [Болеслав] Свидригайло – верховному маршалу Тевтонского ордена Генриху Хольту: сообщает, что посольство во главе с кн. Василием Красным Друцким, отправленное к кор. польскому, находится на обратном пути; король предлагает Свидригайлу встретиться, но тот соглашается на встречу не ранее 22 VII; переговоры гуситов с королём в Кракове окончились безуспешно; Сигизмунд Корибутович от имени предводителей гуситов предложил Свидригайлу союз; у Свидригайла побывал посол татарского хана [Улуг-Мухаммеда] с предложением союза; также сообщает о победе над поляками на Подолье и захваченных у них трофеях, об отправке посольства к римскому кор. Сигизмунду Люксембургскому с целью сообщить ему о контактах с гуситами и узнать его мнение, и о том, что король польский отослал от себя литовское посольство, чтобы не допустить его встречи с прибывшим к нему орденским посольством.

Op.: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv) (далее – GStAPK), Ordensbriefarchiv (далее – OBA) 5633 (olim XVIIa 39). Бумага, 30,2×21,4.

В правом верхнем углу поч. XIX в.: № 57. (Коцебу). На обороте сверху вниз адрес: Dem ersammen herren, herrn Heynrich Holt, obirstem marschalk Dewtsches Ordins zur Prewssin, unsirm besundirm liebem frunde². У правого края и в левой части следы прикладной красновосковой печати (Д=3,3).

Рег.: [32, s. 54; 4, с. 92–93, № 20; 49, s. 566; 18, № 1542, s. 118; 28, № 1670, s. 194; 43, № 5633, s. 352; 19, № 231, s. 284].

Swydrigall, von Gotis gnaden grosfurste zur Lithawen und zur Rewssin etc. Unsern fruntschaft zuvor. Ersammer herre, unsir besundir liebir frunth! Wir wellen euch zu wissin seyn, das wir unsere mercliche boten, als den herczog Wasili, hewptman zur Witewsko³, und den herrn Kinsgal⁴, herrn Chodken⁵ und herrn Sudymunth⁶ zu dem

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 68. № 358. Ч. 11; Lietuvos valstybės istorijos archyvas. F. 1135. Ap. 4. B. 25; Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника. Відділ рукописів. Ф. 5. № 2937/III.

² Генрих Хольт, в первом десятилетии XV в. член кёнигсбергского конвента (GStAPK, OBA 28551), прокуратор или лесничий в Шаакен (28 IV 1401 – GStAPK, Ordensfoliant [далее – OF] 107, fol. 236v; OF 108, fol. 248), комтур Папау и фогт Ляйпе (XI 1410 – 24 VI 1411), комтур Редена (27 VI – 28 X 1411), комтур Остероде (18 X 1411 – 23 V 1413), комтур Торна (14 V 1413 – 14 I 1414), комтур Данцига (18 X 1413 – 12 XI 1416), великий шпиттлер и комтур Эльбинга (11 XI 1416 – 1 XI 1428), верховный маршал (1428? до 18 II 1429 – 11 VII 1431), фогт Братиана (7 VII 1431 – 1434). Дружеские отношения связывали его со Свидригайлом ещё с 1402–1403 гг., когда князь был в Пруссии [33, s. 8, przym. 7; 40, p. 228–232].

³ Кн. Василий Семёнович Друцкий (Красный), упоминается как наместник витебский в 1431–1432, в Ошмянской битве 8 XII 1432 попал в плен к Сигизмунду Кейстутовичу, в 1446 и 1448 посол вел. кн. лит. Казимира Ягеллона на польско-литовские съезды в Пётрков и Люблин, в 1447 участвовал в его коронации [6, с. 574–575].

konig von Polin gesant hatten⁷, so seyn sie wieder nw von ym gefertigit und am wege seyn. Nw habin sie zu uns vorgesant den schreybir, der do mit yn ouch ist gewest, und hot uns vorgelegit, wy das konig von Polin an uns begeret und lies bitten, das wir mit ym eynen tag uff Phinsten⁸ hilden und zusammen komen sulden, adir uff verste viercentag noch Phinsten⁹; adir wir wellen nicht den tag mit ym also schier halden, denne uff Marie Magdalene¹⁰, als wir das ym mit unsern boten und mit seynen empoten haben, und desgleich dem hoemeyster ouch vorschreiben hatten, und hoffin, das unsere dinge noch unsern willen werdin zukomen, wenne als dy eldsten der Hussin zur Crokaw bey dem konige wordin, und sie uns und euch mit yn gedrewet haben, wisset, das dyselbigen Hussin keyn ende mit dem konige gethun haben und nicht mit gutten von ym seyn gescheiden¹¹, sundir an den her hoffenuge hatte und uns mit yn drewete. Dy haben zu uns zwer gesanth und empoten, als der Procop und herczog Sigmund und andere eldsten der Hussin, das sie mit uns weldin seyn, und des getrawten wir nicht volkomlichen, dorumme hatten wir nicht ewer fruntschaft vorschreiben. So hat nw abir der herczog Sigmund zum dritten mole seynen getrawen diner mit credencien briffe zu uns gesanth, und der ouch hatte vollen macht von den andern eldsten capitan, der bote hot^a an uns dy botschaft brocht und geworbin, das dy herrn alle eldsten zur Hussin mit trewen wellen bey uns sten kegin allin unsern vinden; der genante bote alsus sprach: wem wir vint werden seyn, dem wellen sie auch seyn vinde, und wes wir frunde werdin seyn, mit dem wellen sie ouch fruntlichen leben¹². Vorder, ersamer herre, der keysir von Tattern hatte zu uns seynen namhaftigen boten und getrawen gesanth¹³, und zu der czeyt ewere gebittgere seyn dobey gewest; und was her an uns geworben hot, das allis ist yn kunth worden.

⁴ Кезгайло (Михаил) Волимонтович, литовский боярин герба «Задора», впервые упоминается в 1401, затем – как староста вилькомирский (1410), староста жомойтский (1412–1432, 1440, 1443–1449), маршалок господарский (1413), каштелян виленский (1444–1449), один из самых влиятельных литовских панов, ум. ок. 1449 [38, p. 250–251].

⁵ Ходко Юрьевич, боярин герба «Kościesz», упоминается как наместник полоцкий в 1422/23, в Ошмянской битве 8 XII 1432 попал в плен к Сигизмунду Кейстутовичу, вскоре занял влиятельное место в его окружении, которое сохранил при Казимире; умер, вероятно, в 50-е гг. XV в. [6, с. 624–625].

⁶ Судимонт Доргевиц, литовский боярин герба «Трубы» (Trąby), племянник (по отцу) Кристина Остика, впервые упоминается в 1409 как подचाший двора Витовта, с 1432 в окружении вел. кн. лит. Сигизмунда Кейстутовича, от которого получил Хожовую (Archiwum Główne Akt Dawnych, Archiwum Radziwiłłowskie, dz. X, suplement 1, akta niesygnowane, kopia z 22 V 1558), в 1433–1434 – староста кревский, в 1434 участвовал в польско-литовско-орденском съезде, ум. ок. середины XV в. [38, p. 296–297].

⁷ О посольстве во главе с Василием Красным и его приёме королём в Бече около 22 IV 1431 упоминает также Длугош [21, p. 22–23; 24, s. 118]. Расходы на его приём отмечены в расходной книге Кракова под 10 IV 1431 (Archiwum Narodowe w Krakowie, Archiwum miasta Krakowa, rkps 1596, s. 122).

⁸ 20 V 1431.

⁹ 3 VI 1431.

¹⁰ 22 VII 1431.

¹¹ Диспут гуситов с докторами Краковского университета состоялся 19 III 1431 [21, p. 17–22] (см. также: GStAPK, OBA 6721, датируется концом октября – началом ноября 1431 г. по содержанию и пометке).

¹² См. послания Свидригайла предводителям гуситов, написанные в тот же день (GStAPK, OBA 5631).

¹³ Татарский хан Улуг-Мухаммед, правил в Золотой Орде в 1420–1437 с перерывами, позже обосновался в Среднем Поволжье, родоначальник первой династии казанских

Gegeben zur Nowogrodek am sonntag vor sand Philippi et Jacobi anno Domini millesimo etc. tricesimo primo.

На обороте в верхней части листа дописано:

Auch, ersammer herre, als dy unsern zur Podole mit den Polin sich geslagen hatten und velt haben gehat und sie niedirgeslagen und vil pherde und harnasch genomen haben, so hot uns unsir hewptman derselbigen pherden czwelff gutte heute und ^bandir vil gutte harnasch^b. Züst wissen wir nicht newczytunge andir euch zu schreyben, denne das wir gerne welden horin ewer gesuntheyt, wenne uns das were sundirliche lipnisse.

Приложенная записка

Бумага, 21,5×6,6.

На обороте в правом верхнем углу поч. XIX в. (Коцебу): ad № 57.

Ersammer herre, umbe dy botschaft, dy der herczog Sigmund an uns hot gethun^c, wellen wir zu unserm herrn den Romischen konig unsern boten senden, wenne wir wiedir yn dy vorbenanten Hussin uns nicht zunegen wellen, und an seynen roth dorynne nisnichten thuen wellen, und ist das wir denne sie mit des Romischen konigis, unsers herrn, rote uns zunegeten, das tete wir umbe andirs nicht, denne durch der Polin wille und wiedir dy Polin, und nicht wiedir andir lewte, das sie dach dy hoffart, yn der sie dirhaben seyn, czu ettlichen mose nedirten, und doruff gebit uns ewirn rot, wenne wir mit ewirm rote gerne teten. ||

Auch, als dy unsern boten zum konige von Polin worden, so hetten sie gerne dirbeyten ewere boten¹⁴; sundir do der dirhorte, das ewere sulden schier^d zu ym komen, so hot her mit den unsern geeylit und von ym apgericht hot, das sie sich nicht mitten-ander zehen sulden, wenne sie das ungerne gezehn hetten, dorumme werden is dy Polin ewch assicht höher sagen^e, das ir nicht^d yn glewben wellit, wenne dy unsern von unsir gebot hetten gerne ewer boten derbeyten, das yn alle gelegenheyт gesayt hetten.

^a Далее зачёркнуто: he. ^{b-b} Приписано ниже текста при помощи знака вставки вместо зачёркнутого: sechs sewberliche und wol geschickt tarzen adir schilde. ^c g исправлена из h. ^d Слово вписано над строкой. ^e Исправлено из gaden.

2

1431 г. мая 9. Городно. — Вел. кн. лит. [Болеслав] Свидригайло — верховному маршалу Ордена Генриху Хольту: сообщает, что сегодня к нему вернулись его послы, которые побывали у польского короля [Владислава II Ягайла], ни о чём с ним не договорившись; тот требует как можно скорейшей встречи со Свидригайлом, но он не хочет съезжаться с ним до 22 VII, как уже сообщал руководству Ордена; требует от короля вернуть Каменец, Смотрич и прочие подольские замки до этого съезда, согласно их договору; в противном случае съезд не состоится; к Свидригайлу вернулся от татарского хана [Улуг-Мухаммеда] его посол, новгородский воевода Пётр [Монтигирдович]; хан обещал Свидригайлу союз, как при их предшественниках, и помощь против всех

ханов, ум. вскоре после 1 X 1445 [12, с. 172–196; 2, с. 155–182; 3; 11]. Об установлении дружественных отношений с ним см. также послание Свидригайла Генриху Хольту от 9 V 1431 (см. № 2).

¹⁴ Посольство комтура Меве Людвиг фон Ландзее к Ягайлу упоминает Длугош [21, р. 22–23].

его врагов, что подкрепил грамотой, как обыкновенно делали его предшественники; для утверждения договора хан отправляет к Свидригайлу четверых своих «князей», в том числе отца одной из своих жён; Пётр Монтигирдович написал Свидригайлу, что хан вернул ему мценского воеводу Григория Протасьева и других пленных.

Ор.: GStAPK, OBA 5638 (olim XVII 40). Бумага, 30,5×21,7.

В правом верхнем углу поч. XIX в.: № 55. (Коцебу). На обороте сверху вниз адрес: Dem ersammen herrn, herrn Heynrich Holt, obirstem marschalk zur Prewssin, unsirm besundirm libin frunde dandum. Выше (правее) сверху вниз пометка тогдашним поч.: Grosfurste. Ниже (левее) сверху вниз тем же поч.: Dem marschalk. У правого края и в левой части остатки красновосковой печати (Д=3,2).

Публ.: [15, p. 255–256].

Рег.: [32, s. 55; 4, с. 93–94, № 21; 49, s. 566; 18, № 1543, s. 118; 43, № 5638, s. 352].

3

1431 г. августа 1. Луцк. – Кор. польск. Владислав II Ягайло – великому магистру Паулю фон Русдорфу: сообщает, что, не прийдя к соглашению с вел. кн. лит. [Болеславом] Свидригайлом, нанёсшим ему тяжкие оскорбления, король был вынужден выступить на войну с ним. Приблизившись к Бугу, который отделяет Польское королевство от Великого княжества Литовского, и перейдя её, королевские войска без боя заняли несколько замков, оставленных противником, и дважды выиграли сражения с ним; после этого 31 VII, переправившись через р. Стырь, у стен Луцкого замка они разбили войско вел. кн. литовского и его союзников, в бегстве погибло много литовцев, русинов и татар, были взяты в плен маршал земский Румбольд и Ян Гаштольд.

Список: GStAPK, OF 14, S. 619–620 (olim Reg. C, fol. 303 – 303v). Заголовок: Der koning von Palan schreybet nu hyrynne dem homeister, wye her habe deme grosfursten entsaget unde wye is im hot irgangen. Der qwam czu Marienburg in crastino sancti Laurentii [11 VIII 1431].

Публ.: [34, dod. № 2, s. 365–366; 16, dod. № 6, p. 504–506].

Рег.: [49, s. 570; 43, № 5700, s. 356].

Аналогичное послание Ягайла, отчасти совпадающее текстуально, адресованное неназванному прелату, сохранилось в формулярнике из Курницкой библиотеки [52, s. 349–410; публ.: 15, № 194, p. 264–266]. В нём среди участников битвы также упоминаются татары.

4

1431 г. декабря 22. Растенбург. – Попечитель Растенбурга – великому магистру Паулю фон Русдорфу: к нему вернулся его коморник Андрей, отправленный к вел. кн. [лит. Свидригайлу]; по его словам, у того в посольстве побывал коморник кор. польск. [Владислава Ягайла], сообщивший, что король намерен при помощи маркграфа бранденбургского [Фридриха I], татар и гуситов напасть на Орден; на это вел. кн. ответил, что в таком случае с татарами и жомойтами нападёт на Польшу; поляки намерены к 25 XII прислать к вел. князю очередное посольство, о действиях которого ВМ сообщит

Габриэль [фон Байзен]; у вел. князя побывал слуга короля венгерского [и римского Сигизмунда Люксембургского], но не с посольством, а по собственным делам; Сигизмунд на стороне Ордена и вел. князя.

Ор.: GStAPK, OBA 5878 (olim XXIX 59). Бумага, 30×21,8.

На верхнем поле поч. середины XIX в. пр. крндш.: сор. für Polen. На обороте посередине сверху вниз адрес: Dem gar erwirdigen homeister mit aller erwirdikeit. Выше (правее) и ниже (левее) адреса сверху вниз канцелярские пометки того же времени: Rastenburg. – Seyn lantkemerer ist wedir komen von Littauwen. Czeithungen. Левее (ниже) сверху вниз поч. XIX в. пр. крндш.: [...] сор. Н. У правого края и в левой части остатки прикладной печати жёлтого воска (Д=3,8).

Публ.: [35, № 532, s. 316–317].

Рег.: [49, s. 583; 43, № 5878, S. 366].

5

1432 г. июня 22. Новгородок. – Вел. кн. лит. Болеслав Свидригайло – великому магистру Паулю фон Русдорфу: получил его послание о попытках поляков оправдать в глазах своего короля [польского Владислава II Ягайла] и Свидригайла тот ущерб, который они причинили Ордену, а одновременно – и послание короля [польского Владислава II Ягайла] с его собственным послом, содержащее подобные жалобы; ему он отправил с тем же послом ответное письмо согласно пожеланиям великого магистра и письму комтура Тухеля, список которого переслал королю; отсылает великому магистру назад письмо комтура Тухеля и письмо римского короля (?); сообщает, что мазовецкие князья через своего писца просят о встрече с вел. князем для заключения вечного союза по образцу литовско-орденского; Свидригайло назначил им съезд на 20 VII в Городне или, если им будет неудобно ехать так далеко, в Гонязи; просит снабдить едущего в Литву посла великого магистра полномочиями для заключения такого договора; сообщает о вчерашнем прибытии к нему князей одоевских, братьев, с дарами, которые просили принять их под защиту и присягнули служить вел. князю. Добавляет, что по просьбе молдавского воеводы отправил ему на помощь против его брата и валахов несколько тысяч татар, теперь же он, по сообщению его собственному и отправленного к нему великокняжеского посла, примирился со своим братом и разбил 66 кораблей валахов; молдавский воевода также пишет, что турки вторглись в Венгерское королевство у Железных ворот и убили многих «венгерских господ».

Ор.: GStAPK, OBA 6138 (olim XVIIa 13). Бумага, 29,4×26,3.

В правом верхнем углу поч. XIX в.: № 81. (Коцебу). На обороте сверху вниз адрес: Dem erwirdigem herren, hern Pawel von Rusdorff, homeister Deutsches Ordens, unserm besondern lieben frunden. У правого края оттизнута неплохо сохранившаяся печать (Д=3,2) под кустодией (4,1×4,6) с минускульной надписью по окружности и изображением всадника с занесённым мечом, скачущего влево по-геральдич. В левой части её следы и печать Кёнигсбергского архива. Выше (правее) и ниже (левее) адреса сверху вниз: Grosfursten. Czu Marienburg in die apostolorum Petri et Pauli anno 32 [29 VI 1432]. Responsio est facta ibidem die proxima sequentia [30 VI 1432].

Публ.: [23, № 40, p. 247–249, только записка, с румынским переводом; 13, p. 174–176, с румынским переводом фрагмента].

Рез.: [32, s. 75; 4, с. 127–128, № 51; 49, s. 594; 18, № 1608, s. 134 (под 29 VI 1432, неточный пересказ); 28, № 1794, s. 208; 43, № 6138, s. 381].

Boleslaus, anders Switrigal, von Gots gnaden grosfurste zu Lithawen und Rewssen etc. Dem erwirdigem herren, hern Pawel von Russdorff, homeister Deutsches Ordens, unserm besundern lieben frunde, fruntschafft mit merunge alles guttes. Erwirdiger herre, unser besunder lieber frunth! Ewer brieff, der uns no neheste geanthwort ist, haben wir wol vornomen, dorynne ir schreibet, wie das die Polan manchfeldige schaden, die sie euch und den ewern offte und dicke zuczien, mit eren schriffthen vor eren konig und vor uns gewonth seynt dempne und sich selbes beschonen etc. Erwirdiger herre, alsbalde als uns die ewere brieffe qwomen, warth uns ouch geantworth desselben konig brieff dorch seinen boten mit semlichen^a und^b den gleichen clagen¹⁵. Dorch denselben boten haben wir geschreiben dem konig noch ewerm begere und noch des kumpthurs von Thauchel brieffes lawth, des wir em^c abeschriff^d mitegesant haben, und denselben kumpthurs brieff mit eynem andern Romischen brieffe hyrynne vorslossen weddir senden ewer erwirdikeit. Der wir thuen zu wissen, das die herczogen^e von der Masen haben no newlich bey uns in der botschafft eren schreiber gehat, begerende von uns, das wir uns mit en gerucheten czu sehen und welden sie in eyne ebige vorbindunge zu uns sampt mit euch eynnemen. Zo haben wir en den tag zusammenkomunge vorrameth von hewthe obir fir woche¹⁶ ken Garthen, und wer is sache, das sie nicht als fer zu uns komen mochten, zo ist unser vorsacz czu en uns negen bas ken Gonyandz. Hyrumbe dunket uns beqweme sein, ap ewer herlichkeit roth dorczu ist^f, das ir dem ewerm zendeboten, den ir zu uns sendet, sulche macht woldet geben, ap is no mit egedochten fursten zu irkeyner vorbindunge qweme, als wir uns des wol vormuthen, das derselbe ewer bote^g gewaldik were, in dieselbige vorschreibunge und befestunge vorbinden ewer erwirdikeit. Vor der wir nicht vorbergen wellen, das die grosfurste von Odoyow, gebrudere, seynt no gestern zu uns komen mit manchfeldigen goben, begerende und sundirlich bethende, das wir ir genediger herre und beschirmer sein gerucheten, bey dem eyde globinde, uns zu dinen zu ewigen czeithen¹⁷.

Gegebin zu Nowogrodke am sonntag infra octavas Corporis Christi anno domini etc. tricesimo secundo.

Приложенная записка

Бумага, 21,4×13,7.

В правом верхнем углу поч. XIX в.: № 82. (Коцебу). На обороте пометок нет.

Auch, erwirdiger herre, unser besunder frunth, vor newe czeithunge schreiben wir euch, das uns woyewode von der Walachey gebeten hatte umbe die Tatthern, die zu uns czogen, der ist gewesd ettlich tawsit [!], das wir sie em zu holffe wedir seinen bruder und die Bessiraben, die mit seinem bruder worn, gesanth hetten; zo worn dieselbe Tatthern unserm sendboten begenend am wege, den wir ken der Walachey gesanth^h haben, der sie mit em hengenomen hat. Zo schreibet der woyewoda und unser

¹⁵ По-видимому, имеется в виду письмо Ягайла Свидригайлу от 12 VI 1432 (список: GStAPK, OBA 6129; публ.: [14, р. 368–369]).

¹⁶ 20 VII 1432.

¹⁷ По-видимому, имеются в виду представители двух ветвей новосильско-одоевских Рюриковичей – воротынской (сыновья Льва Семёновича – Василий и Фёдор) и одоевской (сыновья Юрия Романовича – Иван и Семён) [1].

sendbote, das her mit seinem bruder sich vorricht hette, abir ettliche der Besseraben, die am anderm orte mit sechsundsechczik schiffe zu wassir in des woyewode land, das zu beschedigen, warn komen, die her mit seinem folke mitenandir off dem wassir nedir hot geslagen, das nyrkeyner von en entkomen. Auch schreibet uns der egedachte woyewoda, wie das der Torken vil in das lanth ken Ungern umbe Eyseryn Thor, das czu beschedigen, gerockt worn, die gleicherweise die Ungerischen hern totslugen, das ir mit leben wenik entgangen sein¹⁸. Und schreiben wir euch czu eyner sundirlicher trostunge, wenne is von Gots gnaden den unsern obiral wol geth.

^a Далее зачёркнуто: vo. ^b Далее зачёркнуто: sul. ^c Далее зачёркнуто: ey. ^d b исправлена из p. ^e Далее зачёркнуто: w. ^f Далее зачёркнуто: dem. ^g Далее зачёркнута высокая s или f и des. ^h Далее зачёркнуто: hatten.

6

1432 г. июля 5. Хозништейн. – Комтур Остероде [Вольфрам фон Заунсхайм] – великому магистру Паулю фон Русдорфу: у него побывал священник из Добжинской земли и рассказал о съезде поляков; мазовецкие князья выдали сестёр замуж: одну – за бургграфа [нюрнбергского и маркграфа бранденбургского Фридриха], другую – за кн. слупского [Богуслава IX]; поляки договорились с гуситами и намерены начать войну с Орденом 27 VII; король [польский Владислав Ягайло] в Ленчице, при нём предводители гуситов с 300 конями, а другие ещё должны прибыть; мосты [через Вислу] уже готовы, войска собраны в Пултуске и намерены выступить в Орден старыми дорогами, которыми туда шли король с вел. кн. [Витовтом], хотя и говорилось, что поляки нападут на Восточное Поморье; король отослал от себя большинство советников и оставил при себе лишь 12, чтобы сохранить их решения в тайне; жителям Добжинской земли велено возвращаться к себе домой, но это может оказаться обманным манёвром; у короля недавно тайно побывал фаворит великого князя [литовского Свидригайла], но о его делах священник ничего не мог сообщить комтуру; поляки договорились с татарами, что те нападут на великого князя, чтобы тот не помог Ордену, когда на него нападут поляки; последние всерьёз намерены воевать: они знают, что вел. князь намерен соблюдать [Чарторыйское] перемирие, а великий магистр не начнёт войну без него, и что оба они к тому же не готовы к войне, и собираются напасть неожиданно; точные новости узнать сложно, поскольку границы перекрыты и никто не может пробраться в Пруссию и сообщить новости; по словам священника, поляки уже наводят мосты в Червиньске; просит великого магистра сообщить более точные и достоверные известия, если он ими обладает, и снабжать его деньгами на приём посольств.

Ор.: GStAPK, OBA 6147 (olim XXIII 172). Бумага, 30,3×45,2.

Весь лист с обеих сторон оклеен микалентной бумагой. На верхнем поле посередине поч. середины XIX в.: Ехс. На обороте в нижней части сверху вниз

¹⁸ В июне 1432 г. османские войска по приказу султана Мурада II вторглись в Молдавию, где 22 VI потерпели поражение, а также в Трансильванию, где около 24 VI разграбили окрестности Брашова и захватили в плен многих горожан и секеев (последние здесь названы «венгерскими господами»), причём к ним присоединился валахский воевода Влад, изгнавший из Северинского баната рыцарей Тевтонского Ордена, приглашённых туда кор. Сигизмундом в 1429 г. для организации обороны от османов [42, 371–375 л.; 48, 17 л.; 50, s. 349; 20, p. 135; 31, s. 98, 103]; ср. GStAPK, OBA 6276.

адрес: Dem erwirdigen homeyster mit allir erwirdikeith, tag und nacht, ane allis sumen, große macht leith hiran. У правого края и в левой части остатки прикладной печати жёлтого воска (Д=3,6). В левой части также круглая печать Кёнигсбергского архива. Левее (ниже) адреса почтовые отметки (первая – тем же поч., что и адрес): Gegangen vom Hoensteyne am sonnobende noch Visitacionis noch mittage hora I^a [5 VII 1432]. – Gekomen unde gegangen von Osterrode am [s]elbin^a tage nach mittage hora VI. – Gekomen unde gegangen von Pruwschenmargte^b am selbigen tage no[ch]^c mittage hora X. Выше среднего горизонтального сгиба поч. начала XVI в. снизу вверх: Comptur zu Osterrode. Bot-schaft, wie die herrn auß der Masaw eine schwester dem burggrafen und die ander dem von der Stolpe sollen haben gegben, und wie sich die Polan mitt den Hussen voreiniget [h]aben^d, den Orden zu uberfallen. Anno 32, sabbato Visitacionis.

Рез.: [43, № 6147, s. 382].

Meynen gar willigen underthanigen gehorsam mit demutiger bevelunge czuvor. Erwirdiger gnediger lieber her meyster! Euwern gnaden ich thue czu wissen, wy das eyn pristher uß dem lande czu Doberen bie mir ist gewest und mir worhaftig von dem tage, den dy Polen nesth haben gehalden, hot gesaget, das dy freyunge sal czu sien gegangen, so das dy hern uß der Maßaw eyne swester dem burggreffen¹⁹, dy andir deme von der Stolpe²⁰ sullen haben gegeben, unde dy hochczeyth alreythe sal sein gescheen. Nemlich sagete her mir, wy das dy Polen ers dinges mit den Hussen gantz eyns sienth geworden und kortzlich, also XIII tage noch senthe Margarheten tage²¹, mit euwern gnaden meynen czu krigen, und also her spricht, alreyte uffem czoge sien. Und der konig czu Longtzciz sal legen²², und wol bie dreenhundert pferden von den wegesten Bemischen hern bie im hot legen, und dy andern hernoch sullen komen. Und dy brucken, do man euwern gnaden lange von hot gesaget, sienth boreyth. Und legen czu Poltzoßsky, und dy alden wege, dy sie vor jorn mit dem großfursten durch dy Maßaw haben geczogen²³, noch meynen czu czihen, wywol man euwern gnaden foste hot gesaget, das sie uff Pomerellen in welden brechen. Ouch so sprach her, wy das sie uff gantz vil fußgenger sienth gewarneth, und vor dy sal roten Puchel²⁴, so das sie uß müssen, also der man gesessen ist, biede reyter unde fußgenger unde wñ sie mogen haben. Erwirdiger gnediger lieber her meyster, her sagete mir ouch, das sich dy Polen all er gemeynen rethe ap haben gethoen unde eren rodt uff XII haben gesatzt, bie den czu blieben, wen sie wol dirkennen, was durch eynen gemeynen rodt wirt geteydinget, das das selden unvorswegen bliebet. Ouch so ist allen Doberern

¹⁹ Неясно, о какой дочери Семовита IV здесь идёт речь (ср. подобные данные в письме комтура Остероде великому магистру от 28 VI 1432: GStAPK, OBA 6142). Возможно, имеется в виду проект брака Барнима VII и мазовецкой княжны – скорее всего, Екатерины [46, s. 370] (см. также: GStAPK, OBA 6186). Возможно, за этим сообщением стояли слухи о будущем Фридриха, сына маркграфа бранденбургского и бургграфа нюрнбергского Фридриха I, после смерти его невесты, польской принцессы Ядвиги 8 XII 1431 [25].

²⁰ Мария, дочь Семовита IV, жена кн. Богуслава IX Слупского; свадьба состоялась 24 VI 1432 [29, s. 141–144; 46, s. 340–342; 26, s. 470–472]. Об этом комтур Остероде сообщал великому магистру уже 28 VI 1432 (GStAPK, OBA 6142).

²¹ 27 VII 1432.

²² Пребывание короля Владислава II Ягайла в Ленчице фиксируется 7–15 VII 1432 [24, s. 121].

²³ Вероятно, имеется в виду польско-литовский поход в Пруссию 1422 г.

²⁴ Добеслав Пухала († 1435), староста быдгощский (с 1418), гусит [36].

gemeyneclich geboten unde bevolen von des koniges wegen, das sie heym sullen czihen, unde sullen ackern unde sich generen, das denne also ist, und eyn ydermann aldo uff Doberen spricht, das sie eyn jor frede haben, ydoch also her spricht, das is^e uff eyne betrygelichkeyt sal gescheen, so das euwer gnade uß der schickunge, dy sie uff Doberen haben, eynen frede sal merken, sunder also her spricht, sie gar kortzlich uß werden czihen. Ouch so sagete her mir, wy das des großfursten liphaber kortzlich bie dem konige gar heymlich were gewest; von sieme geschepte her mir nicht kunde sagen. Ouch wy das dy Polen mit den Thatern haben bestalt, so sie herin czihen, das sie uff den großfursten sullen czihen, uff das her euwern gnaden nich czu holffe kunne komen. Erwardiger gnediger^f lieber her meyster, her sprach, wy das her sich gar getruwelich unde fleyßelich hirinne hette gea[r]bieth^g, uff das her eyne worheyth mochte dirfaren, [u]nde^h spricht, das sie sich mit all erem geschicke also schickenⁱ unde fugen, das sie gewislich umbe dy obeneberurthe czeyt uß mit euwern gnaden wellen krigen, wywol^j her spricht, das sich die ding mochten wandeln, sunder all er geschepte stehet noch krige, unde den kortzlich meynen czu furen. Erwardiger gnediger lieber her meyster, noch meyme gutd gutduncken^k, so ist is wol notdorftig, das man gar fleysige achtunge unde uffsehen habe uff disse ding, wen euwer gnade ummer wol dirkenneth, das sie gewisse wissen, das der grosfurste den frede wil halden, unde sich vort vormuten, das euwer gnade mit en alleyne nicht kriget, unde ouch wol wissen, das der großfurste itzundt czu krige nicht ist geschicket, desselbien gleych sie vornemen von euwern gnaden, das sich euwer gnade ouch keynes nicht schicket, unde erem dinge also heymlich nochgeen, so das ich ouch nictes nicht sunderlich uß der Maßaw kan dirfaren, wen sie die grenitzen also hertlich haben bestalt, so das schlechtes nymandt in dy lande kan komen, der mir denne etwas von kuntschaft mochte brengen. Erwardiger gnediger lieber her meister, als sie nu wissen, das der frede von bieden teylen also wol vom großfursten alse von euwer gnade wegen sal werden gehalden, dortzu sie vornemen von bieden teylen keyne schelunge czu krige, sie mochten euwer gnade obirczihen unde obirfallen, ee wen is euwer gnade gewar werde. Ouch so sprach her^e, wy das dy Polen alreyte dy brucken ken Czerfinißky loßen geen unde aldo sullen bliebn [!], unde aldo obir sich werden setczen, als sie denne vor haben gethoen. Hirumbe euwer gnade ich bitte, ap euwer gnade etwas hatte von kuntschaft, czu der euwer gnader [!] forder trost hette, wen czu disser, unde villeychte worhafftiger were, wen disse^l, das geruche mir euwer gnade czu schriben, uff das ich mich dornoch wisse czu richten, wen euwer gnade wol dirkenneth, das ich euwern gnaden keyne gruntliche worheyth kann geschreyben, wen alleyne also mir wirt gesaget. Ouch ap is notdorftig were, das ich alsotheyn ungelt nicht dorfte geben unde thuen, wen euwer gnade czu guter moße wol dirkenneth^m, kompth der adir eyn andir czu mir mit alsotheyner botschaft, ich kan en nicht geloßen, sunder siene muhe ich im yo muß vorguten, so das michs foste vil kost; ydoch ichs domethe nicht loße so lange, bas ich dirfare, das euwer gnade alle des gescheftes gantz sicher ist.

Gegeben czum Hoensteyne am sonnobende noch Vistitacionis Marie im XXXII^{ten} jore.

Kompthur czu Osterode.

^a Разрыв – 2 мм. ^b Р повреждена разрывом. ^c Разрыв – 4 мм, восстановлено по левой части с и правой части h. ^d Бумага загрязнена и заклеена, h читается слабо. ^e Вписано над строкой. ^f d повреждена червоточинной. ^g Разрыв – 3 мм, далее разрывом повреждена нижняя часть слова, восстановлено по верхним частям букв. ^h Разрыв – 2 мм, восстановлено по n и титулу. ⁱ Буквы schic повреждены разрывом (сверху), восстановлены по

нижним частям. ^j Верхняя часть 1 повреждена разрывом, восстановлено по нижней части. ^k Так в Ор. – первое *gudt* написано в конце строки. ^l Далее зачёркнуто: *uff das ich mich*. ^m Далее зачёркнуто *das*.

7

1432 г. июля 18. Городно. – Вел. кн. лит. Болеслав [Свидригайло] – кор. польск. Владиславу II Ягайлу: тот в своё время грозился навести чешских гуситов на него и его союзников; теперь же Свидригайло узнал, что гуситы при потворстве Ягайловых подданных переправились через Одер, намереваясь напасть на владения Тевтонского ордена, а между Ягайлом и гуситами происходят оживлённые контакты, что противоречит условиям [Чарторыйского] перемирия; в прошлом году Свидригайло, не жалея расходов, отговорил татар от нападения на земли Польского королевства; поэтому он просит короля удерживать его подданных от нападения на владения Ордена и содействия гуситам и напоминает о своём союзе с Молдавией; ранее Свидригайло просил короля выдать ему пленных братьев Ордена под поручительство, но тот, не доверяя ему, требует, чтобы за них наряду с великим князем литовским поручились шестеро силезских князей; просит короля ограничиться поручительством его одного; по ходатайству великого магистра [Пауля фон Русдорфа] просит короля проконтролировать возвращение своих подданных, на время выпущенных под поручительство из орденского плена, в условленный срок, поскольку они до сих пор этого не сделали; просит ответить с предьявителем этого письма.

Коп.: GStAPK, OBA 6163 (olim XVII 188). Бумага, 21,8×29. Список 1432 г., выполнен в канцелярии Свидригайла (на это указывает водяной знак и упоминание в письме Свидригайла великому магистру от 20 VII 1432 – OBA 6165).

В правом верхнем углу поч. XIX в.: № 88. (Коцебу). На обороте в нижней половине сверху вниз адрес: Serenissimo principi et domino, domino Wladislao, Dei gracia regi Polonie etc., fratri nostro carissimo. У правого края следы красновосковой печати (Д=3,1) и горизонтальные прорезы для её подкладки. Вдоль нижнего края – пробы пера в перевёрнутом виде.

Рег.: [32, S. 80–81; 4, с. 135–136, № 59; 49, S. 595; 43, № 6163, S. 383].

Serenissimo principi et domino, domino Wladislao, Dei gracia regi Polonie etc., fratri nostro carissimo, Boleslaus, eadem gracia magnus dux Lithwanie Russieque etc., salutem fraterni amoris cum incremento. Serenissime princeps, frater noster carissime! Occurrit nobis memorie, quomodo quondam nobis v. f. fuerit locuta iactans, potenciam Bohemorum Thaboritarum contra nos et nostros adherentes inducere velle. Nunc vero certitudinaliter informamur, quomodo dicti Bohemi iam fluvium Odram transpassarunt forte ex induccione^a nonnullorum Regni vestri incolarum, terras Cruciferorum invadere machinantes. Certi eciam sumus, quod vobiscum tractatus per eorum nuncios habuerunt et habent speciales vestrique dietenus notabiles cathervatim ad ipsos equitare non desinunt magis ac magis, suffragia eis prebere spondentes ad exequendum eorum desiderium diversis petitionibus alliciunt ipsos. Animadvertat v. f., si hec litteris treugarum pacis non sunt detractiva, in quibus clarissime existit enodatum, nullas submissas et subordinatas personas treugis durantibus inducere debere^b. Novit eciam v. f., quomodo nos ad vota v. f. Thataros, anno preterito vestras terras devastare

cupientes, non parcendo magnis sumptibus et expensis retraxerimus^c retrorsum, vobis specialem complacenciam in eo ostendere putantes. Quapropter rogamus v. f. attente, quatenus vestros ab huiusmodi eorum proposito, quod putamus non absque vestro consensu esse, retrahere velitis, nec hos Bohemos vestris subditis ad debellandas terras Cruciferorum inducere permittatis, nam quidquid prefatis Cruciferis^d taliter ut premittitur ex eo irrogatum fuerit, sciatis nobis et Walachis cum unum sumus hoc factum esse, nec eciam ab alio preterque a vestra fraternitate illud repetemus. Ceterum, frater carissime, veluti v. f. dudum scripseramus, ut Cruciferos, quos vestre manus potens retinet detentos, ad caucionem fideiussoriam manus nostre dare^e voluissetis; vos autem, frater carissime, nobis fiduciam omnino quasi non adhibentes, alios sex principes Slesie una nobiscum fideiussores habere voluistis. Quare, frater carissime, supplicamus vobis, quatenus per inmixtionem aliorum principum nobis verecundiam non facientes, prefatos Cruciferos cum eorum sociis ad caucionem fideiussoriam solius manus nostre dare velitis. Preterea, frater noster carissime, intimavit nobis magister generalis, ut v. f. scriberemus pro ipsius captivis, qui fidei et honoris ipsorum immemores existentes, se statuere minime intendunt, quod v. f. ipsis preciperet sub eo honore, sub quo se statuere sponponderunt, ut se presentant. Ideo nos v. f. avisamus, ut v. f. in hoc facto taliter efficiat, ut idem captivi, quibus taliter terminus datus est ad statuendum, statuatur, super hiis nobis per presencium ostensorem vestrum responsum dantes.

Datum in Hrodno feria sexta proxima ante festum Marie Magdalene anno Domini etc. tricesimo secundo.

^a В начале слова зачёркнуто со. ^b Далее зачёркнуто: vel \an/ istorum ab ea littera dampnatorum et retenorum hominum participacio vobis, qui a diebus vestris profitebamini rectus et vestris in conspectum domini apostolici tociusque Christianitatis infamie non pariet notam. ^c Над концом слова зачёркнуто титло. ^d Слово сильно выдаётся на правое поле – возможно, дописано. ^e Вписано на левом поле.

8

1432 г. июля 26. Опочно. – Кор. польск. Владислав II Ягайло – [вел.] кн. лит. Болеславу Свидригайлу: сообщает о прибытии Свидригайлова посла с его письмом, в котором тот заявляет, что через Одер переправились чешские [гуситские] войска, а к ним присоединяются вассалы Польского королевства, намереваясь напасть на владения Тевтонского ордена, и обвиняет польского короля в потворстве этому, нарушении польско-литовского [Чарторыйского] перемирия и желании направить гуситов против Свидригайла; на это Владислав отвечает, что поляки не помогают гуситам в нападении на Орден и что он сам никогда гуситов к этому не побуждал, а обменивается с ними послами, поскольку папы римские Мартин V и Евгений IV поручили ему переговоры с гуситами, чтобы вернуть их в лоно католической Церкви. На сообщение Свидригайла о победе хана [Улуг-Мухаммеда над его противниками] Владислав отвечает, что не станет осуждать литовского князя за союз с «язычниками», и просит его не ставить ему в вину контакты с гуситами, предпринимаемые для собственной защиты. В ответ на просьбу отпустить пленных братьев Ордена Владислав напоминает о предстоящем съезде со Свидригайлом, где будет решён этот вопрос; сообщает о получении Свидригайлова поручительства за Гаитольда и его скором отпуске. Владислав напоминает о съезде представителей Польши, ВКЛ и Ордена, назначенном на 10 VIII, и просит

Свидригайла сообщить имена его послов для выдачи проезжей грамоты, а также прислать такую же грамоту польским послам, чьи имена литовскому князю должны быть известны.

Ор.: GStAPK, OBA 6169, Bl. 2 (olim XXIII 177). Бумага, 30,6×32,7.

В правом нижнем углу сверху вниз пр. крндш. совр. фол. 2. На обороте в нижней части сверху вниз адрес: Preclaro principi domino Boleslao alias Switrigal, duci Lithwanie, fratri nostro carissimo. У правого края и в левой части незначительные остатки прикладной красновосковой печати с минускульной надписью по окружности (Д=3). Над горизонтальным сгибом у левого края в перевернутом виде красным крндш. 1432.

Список: GStAPK, OBA 6169, Bl. 3 (olim XXIVa 49/4). Бумага, 30×30,8. Список 1432 г.

Заголовок: Also screib der konig von Polan dem grosfursten czu Littawen. В левом верхнем углу снизу вверх совр. фол. пр. крндш. 3 (написано поверх стёртого 2). На обороте в нижней части листа надпись: Copia cuiusdam litere regis Polonie misse duci magno Litwanie etc. В верхней части листа в перевернутом виде поч. XIX в.: N 18.

Публ.: [14, s. 369–371, неточно, пропущена строка].

[49, s. 596; 43, № 6169, s. 383]

Wladislaus, Dei gracia rex Polonie Lithwanieque princeps supremus et heres Russye etc.

Preclare princeps, frater noster carissime! Heri nuncius f. v. applicuit hic cum literis²⁵, in quibus scribit f. v., quomodo exercitus Bohemorum trans fluvium Odra descendissent ex induccione nonnullorum Regni nostri incolarum, qui ipsis diutius congregati transirent in succursum, terras Cruciferorum invasuri, et siquidem idem Bohemi attemptarent, videretur inscriptionibus inter nos factis per nos esse contraventum, eo^a quod^b hoc non absque nostro consensu esset, quam nuncii eorum ad nos et nostri ad eos sepius visitarent, et cum eis haberemus multos tractatus subiungentes qualiter condam vobis fuisset locuti iactantes, potenciam eorundem Bohemorum contra vos inducere velle etc. Frater carissime, frequencius fraternitas vestra nobis duris et asperis verbis scribere de pluribus nos incusando consuevit, quod a fraternitate vestra corde doloroso sufferimus, licet immunes et iusti eorum existamus. Et sciat f. v., quod nos in agendis nostris aliter non disponimus, nisi ut christianus et fidelis princeps ac rex coronatus. Treugas autem pacis, de quibus^c immunitis prout alias sepius affidantes vos avizavimus, tenemus una cum subditis nostris et adherentibus tenereque volumus inconcusse, dummodo nobis reciproce observabuntur et tenebuntur. Bohemos vero prefatos ad impetendum terras Cruciferorum treugis predictis pendentibus^d non inducimus^d neque subditi nostri, ut vobis false suggeritur, ipsis Bohemis se in subsidium transferunt. Eciam non recolimus, ymmo certi sumus, quod nunquam gloriabamur coram aliquo homine de concitacione et induccione predictorum Bohemorum ad debellandum sive devastandum terras seu provincias quascumque. Ergo f. vestra talibus ficticiniis et veritati omnino contrariis non credat et nos de cetero talismodi scriptis non turbet^e. Quod autem nuncii inter nos et predictos Bohemos, ut scribitis, sepius equitant, nolite admirari. Habemus in comissis apostolicis ymmo verius mandatis tam domini Martini pape nuper defuncti, quam eciam sanctissimi domini nostri^f Eugenii moderni, ut quibuscumque modis sive tractatibus eosdem Bohemos

²⁵ По-видимому, имеется в виду послание Свидригайла Ягайлу от 18 VII 1432 (см. № 7).

flectere et reducere ad unionem Sancte Matris Ecclesie possemus. Id formidine et suspitione quibuslibet ultraiectis aggredi in Christique nomine prosequi et facere debemus, quod pro posse nostro a retroactis temporibus non absque gravissimis fatigiis, expensis et impensis fecimus facimusque de presenti et continuare, Domino adiuvente, cuius res agitur, intendimus et volumus, in quo finem consequi speramus salutarem, quam negocia nostra taliter cum eis disposuimus et conclusimus, prout f. v. pridie scripsimus. Ceterum scribit nobis f. v. de triumpho cesaris Thartarorum etc., de quo f. v. nobis per sepe solet intimare, et quamvis ipsi sunt pagani, nichilominus f. v. pro ea non arguimus, eciam si Bohemos aut quoscumque amicos nobis alliceremus pro defensione nostri, non videretur nobis per vos esse imputandum ad culpam. Dubitare tamen^f non expedit de observandis per nos treugis predictis ad tempus limitatum. Preterea scribit f. v. de captivis Cruciferorum mittendis etc. Novit f. v., quomodo terminus convencionis inter nos mutuo celebrande appropinquat, in qua auspice Domino de hiis negociis et aliis concludemus. Insuper literarum sive inscriptionum vestrarum pro Gastoldo etc. disponemus f. v. in brevi fieri restitutionem. Item festum sancti Laurencii est in proximo, ad quod iudices hinc inde deputati per nos ad metas dominiorum utriusque nostrum debent convenire et f. v. nostris, licet, eorum nomina sciatis, usquemodo literam salvi conductus non destinavit, nos vero vestrorum deputatorum nomina ignoramus. Ideo fraternitas v. eo celerius huiusmodi salvum conductum nostris dirigat et nos similiter vestris dirigemus per nos in hoc facta negligentes non committetur.

Datum in Oppoczno sabbato in festo sancte Anne matris Marie virginis anno Domini M^o etc. XXX secundo.

Dominus rex per se.

^a Приписано перед началом строки. ^b На конце зачёркнуто сокращение que. ^c Далее зачёркнуто: iniungitis. ^{d-d} Вписано на правом поле. ^e Написано над зачёркнутым: impediatur neque veret. ^f Вписано над строкой.

9

1432 г. августа 10. Липнишки. – Фогт Братиана [Генрих Хольт] – великому магистру Паулю фон Русдорфу: вел. кн. литовский [Болеслав Свидригайло] отправил к королю польскому [Владиславу II Ягайлу] своего фаворита Андриюшку с просьбой выдать проезжую грамоту представителям Ордена для их участия в польско-литовском съезде наряду с литовцами, русинами и молдаванами; в случае отказа короля съезд не состоится; татарский хан [Улуг-Мухаммед] – «друг» Свидригайла одержал победу над своим противником, отправил его к вел. князю и изъявляет готовность во всём поддерживать его; псковичи прислали к вел. князю посольство с просьбой дать им наместника и готовы помочь ему, как только могут; вел. кн. хочет отправить еп. вроцлавского [Конрада IV] в посольство к венгерскому королю [Сигизмунду Люксембургскому] и спрашивал фогта Братиана, стоит ли это делать, в ответ тот порекомендовал ему посоветоваться с его окружением; вел. кн. литовский хотел бы, чтобы великий магистр писал ему о новостях, в особенности о венгерском короле; поскольку мазовецкие князья ни о чём не договорились с комтуром Эльбинга и великим комтуром, они заявляли, что отправят посольство к Свидригайлу, но так этого и не сделали, поэтому фогт Братиана предполагает, что они действуют обманом; вел. кн. пожаловал ему двор и людей, которые ранее принадлежали комтуру Бранденбурга Маркварту [Зульцбаху].

Op.: GStAPK, OBA 6183 (olim XVIIa 16). Бумара, 29,5×25,7.

В правом верхнем углу поч. XIX в.: № 15. (Коцебу). На обороте сверху вниз адрес: Dem erwirdigen homeister mit allir erwirdikeith, tag und nacht anne allis seumen, macht hiranne lieth. Выше (правее) сверху вниз современная канцелярская пометка: Voit Brathean von Littauwen. Czu Marienburg am sontage noch Assumpcionis Marie [17 VIII 1432]. Ниже (левее) адреса сверху вниз поч. XVI в.: Daß Schwiedregal umb geleidt zum konige geschigt deß Ordens halbenn und will, daß die Ordenßperschonen sowoll bey allen handelungen sein sollen, alß Reussen^a oder Wallachenn. Numero 152. У правого края на полоске-подкладке и в левой части остатки прикладной печати жёлтого воска (Д=3,2).

Рег.: [32, s. 83–84; 4, с. 140–141, № 63; 18, № 1617, s. 137; 28, № 1810, s. 210; 43, № 6183, s. 384].

Unsern gar willigen undirtanigen gehorsam mit allis gutis dierbitunge stetis czuvor. Erwirdigir gnediger lieber her homeistir! Uwer erwirdige gnade^b geruche czu wissen, wie das der herre grosfurste seiner herlikeit obirsten liephaber, Andreken bey namen, ken Polan czum konige in botschaften willen hat czu senden²⁶, der alle ding noch bevelungen alzo beleiten sal, das der koning von Polan mit den seinen die unsirn so volkomlich sal geleiten, alzo dem heren^c grosfurstin die seinen, so das^d alle ding die unsirn mit den Walachin, Littawen und Rwßen von eine teile und in dem gerichte gelich sitczen sullen, das do keine underscheit sal sien, handeln sullen, als die obengerurten Littawen, Rwßen und Walachin. Were is, das der koning von Polan mit den seinen das nicht vollieben wurde, so sulde der tag wedir czurucke geen²⁷. So hat der herre grosfurste einen frunt czum keser in der Tatharie²⁸, der do wedir seinen vint hat gestritten, so das her gesegit hat wedir den, her hat en gevangen und hat en dem herren grosfurstin gesanth²⁹, und leeth em vorgeben alzo, das her^e siner herlikeit wil bistein mit ganczer macht, wenne und wo her das begerende wirt sien. Die Pleczkawer, andirs benumpt die Obscawiten, sien geweßen bie unsirn herrn grosfurstin, begerende von em einen hauptmann, und geben ouch vor, das sie em getrwlich wellin bistein und helffin, so sie groste kunnen adir mogen³⁰. So hat der herre grosfurste den bisschoff von der Nysse³¹ wellen czu senden in botschaftin czum konige von Ungern. Sine

²⁶ Андрюшко, фаворит Свидригайла. Великий князь отправил его к королю до 20 VIII 1432 (GStAPK, ОВА 6198). Р. Петраускас отождествляет его с будущим Свидригайловым маршалом дворным Андреем Джусой [37, s. 30], но тот появляется в окружении свергнутого великого князя лишь в октябре 1433 г. (GStAPK, ОВА 6236, 6701).

²⁷ Имеется в виду съезд Свидригайла, Ягайла и их советников, который должен был состояться в Берестье в сентябре 1432 г. (GStAPK, ОВА 6169, 6171, 6173, 6198, 6201).

²⁸ Улуг-Мухаммед, см. прим. к № 1.

²⁹ Возможно, этим врагом Улуг-Мухаммеда был Сеид-Ахмед, который находился при Свидригайле в момент ошмянского переворота в ночь с 31 VIII на 1 IX 1432 [35, № 624; 10, с. 45–56].

³⁰ На решение псковичей обратиться к великому князю литовскому, несмотря на пребывание там присланного из Москвы кн. Александра Фёдоровича Ростовского, могла повлиять как отправка в Новгород Юрия Лугвеневича, так и затянувшийся конфликт Василия II с Юрием Дмитриевичем, продолжавшийся даже после их возвращения из Орды [35, № 596; 8, с. 38–41; 9, с. 42–44, 125–128; 5].

³¹ Конрад IV (Старший) (между 1380 и 1386 – 9 VIII 1447), еп. вроцлавский в 1417/18 – 1447 гг. [30, s. 176–180]. В первой половине августа 1432 г. Конрад IV пребывал при дворе Свидригайла [17] (см. также: GStAPK, ОВА 6185, 6198, 28169 – датируется 5 VII 1432 по содержанию). Он, подобно другим сыновьям силезского кн. Конрада III, в первой трети XV в. поддерживал достаточно активные связи и с Сигизмундом Люксембургским, и с Великим княжеством Литовским [39].

herlikeit hat uns gerotfrogit, ab is wol fuchlich und nutcz were, so haben wir^f dorczu geluthbart alzo, das sine mechtikeit sulde sich^g befrogin mit den seinen; was die em wurdin rotin, dornoch sulde her thun, so das wir nicht noch kunnen gewissen, ab her wirt volczien. Wir vornemen ouch wol von siner grosherlikeit, das er gerne seghe, das uwer gnode em wffte vorschrebe von czitungen, was die wurde vornemen, sunderlich von dem konige von Ungaren, ab uwer erwirdikeit von deme hette vornomen adir wurde vornemen, doranne siner herlikeit groslich anne geschege czu dancke. Muntlich her mit uns dovon nicht gereth hat. Die Maßawer hatten is mit dem kumpthur vom Elbinge und groskumpthur alzo geloßin, sintdemol, das sie sunder ende von en schitten, das sie weldin in korcz eine botschaft weder czum herren grosfurstin thun, so habin sie noch czur czit keine^h wedirbotschaft gethon, umbe des willin is wol stet czu dirkennen, das sie nurth mit tusscherie und wfsatze umbegehen. So hat uns ouch unser herre grosfurste einen hoff gegeben, den wir umbe unser pferde willen czu uns haben genomen, dorczu nemliche lewthe, die her Marcqward, der kumpthur von Brandenburg³², ouch hat gehat. Von czitungen uwer erwirdigen gnaden wir andirs nicht wissen nw czur czit czu vorschreiben, sundir was wir werden vornemen, wellin wir uwer gnoden sunder czog vorschrieben.

Gegeben czu Lepninskenⁱ am tage Laurenti anno etc. XXXII°.

Voit czum Brathean.

^a Первая s исправлена из e. ^b Вписано на левом поле при помощи знака вставки. ^c Первая e вписана над строкой. ^d Далее зачёркнуто: sie. ^e Далее зачёркнуто: em wil. ^f На конце слова зачёркнута t. ^g Вписано над строкой. ^h Далее зачёркнута b. ⁱ Возможно также чтение Lerumsken.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бяспалаў Р.А., Палехаў С.У. Гісторыя літоўска-наваасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў і літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гадоў // Беларускі гістарычны агляд. 2018. Т. 25. С. 173–227.
2. Гулевич В.П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
3. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
4. Коцебу А. Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб.: Типография Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, 1835. х + 236 + 44 + 30 с.
5. Назаров В.Д. Династическая война московских Рюриковичей. Прелюдия 1432 г. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной конференции, 9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия. М., 2019. С. 139–140.
6. Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015. 712 с.
7. Полехов С.В. Ханское послание литовскому князю в прусском архиве (1432 г.) // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 307–322.

³² Маркварт фон Зульцбах (Зальцбах) († 15 VII 1410), комтур Рагнита (1396–1402), комтур Бранденбурга (1402–1410), много лет поддерживал дружеские отношения с Витовтом и был казнён по его приказу после Грюнвальдской битвы [41; 22, s. 119, 125; 40, p. 238–241; 45, p. 117–119].

8. Псковские летописи / Подг. Насонов А.Н. Вып. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. lxxiv + 148 с.
9. Псковские летописи / Подг. Насонов А.Н. Вып. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 364 с.
10. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.
11. *Трепавлов В.В.* Улуг-Мухаммед // Большая российская энциклопедия. Т. 33. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2017. С. 11.
12. *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 2001. С. 172–196.
13. *Cimpeanu L.* Anul 1432: începutul conflictului dintre Ilie vodă și Ștefan vodă, fiii lui Alexandru cel Bun. Documente inedite din arhiva Ordinului Teuton // Studii și Materiale de Istorie Medie. 2015. Vol. XXXIII. P. 161–186.
14. *Codex diplomaticus Lithuaniae* / Raczynski E. (ed.). Vratislaviae: Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. xvi + 392 p.
15. *Codex epistolaris saeculi XV. T. 2* / Lewicki A. (ed.). Cracoviae: Nakładem Akademii Umiejętności, 1891. lxxvii + 531 s.
16. *Codex epistolaris saeculi XV. T. 3* / Lewicki A. (ed.). Cracoviae: Nakładem Akademii Umiejętności, 1894. lxxx + 665 s.
17. *Codex Mednicensis seu Samogitiae dioecesis, Pars 1: 1416.II.13 – 1609.IV.2.* Jatulis P. (ed.). Roma: Academia Litwana Catholica Scientiarum, 1984. xxxvi + 714 p.
18. *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. T. 2. Wilno: Drukarnia A. H. Kirkora, 1862. 370 s.
19. *Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. Bd. 4. Hbd. 1* / Forstreuter K. (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973. 484 s.
20. *Dincă A.C.* Der Türkeneinfall im Burzenland aus dem Jahre 1431 // Transylvanian Review. 2016. Vol. XXV. Suppl. 2. P. 133–142.
21. *Długossii J.* Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Liber XI et liber XII (1431–1444). Varsaviae: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. 473 s.
22. *Ekdahl S.* Die „Banderia Prutenorum“ des Jan Długosz – eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. xii + 316 s.
23. *Feneșan C.* Cavalerii teutoni în banatul Severinului și la Dunărea de Jos în prima jumătate a secolului al XV-lea. Documente și extrase. Der Deutsche Orden im Severiner Banat und an der niederen Donau in der ersten Hälfte des XV. Jahrhunderts. Urkunden und Auszüge. Timișoara: Cosmopolitan-Art, 2015. 312 p.
24. *Gąsiorowski A.* Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434. Wyd. 2 / Gąsiorowski A. i Rutkowska G. (eds). Warszawa: Instytut Historii PAN, 2015. 172 s.
25. *Gawęda S.* Próba osadzenia Fryderyka Hohenzollerna na tronie polskim a sprawa pomorska // Mediaevalia. W 50 rocznicę pracy naukowej Jana Dąbrowskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. S. 177–205.
26. *Grabowski J.* Dynastia Piastów mazowieckich. Wyd. 2. Kraków: Avalon, 2016. 724 s.
27. *Heckmann D.* Leitfaden zur Edition deutschsprachiger Quellen (13.–16. Jahrhundert) // Preußenland. 2013. Jg. 3. S. 7–13.
28. *Index actorum saeculi XV ad res publicas Poloniae spectantium* / Lewicki A. (ed.). Cracoviae: Nakładem Akademii Umiejętności, 1888. xvi + 581 + 2 s.
29. *Jasiński K.* Rodowód Piastów mazowieckich. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1998. 247 + 1 s.
30. *Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich, T. 2: Piastowie świdniccy, ziebiccy, głogowscy, żagańscy i oleśniccy. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975. 223 s.

31. *Joachim E.* König Sigmund und der Deutsche Ritterorden in Ungarn 1429–1432. Mitteilungen aus dem Staatsarchiv zu Königsberg // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 33. Innsbruck, 1912. S. 87–119.
32. *Kotzebue A.* Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen und Preussen. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1820. vi + 170 s.
33. *Kwiatkowski K.* Okoliczności wypowiedzenia wojny królowi polskiemu Władysławowi II przez wielkiego mistrza zakonu niemieckiego Ulricha von Jungingen w sierpniu 1409 roku // Zapiski Historyczne. 2009. T. LXXIV. Zesz. 3. S. 7–33.
34. *Lewicki A.* Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1892. 390 s.
35. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch, Bd. 8: 1429 Mai – 1435 / Hildebrand H. (ed.) Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1884. xxxvii + 1 + 687 + 1 s.
36. *Nowak Z.H.* Puchała Dobiesław // Polski słownik biograficzny, T. XXIX: Przerębski Samuel – Raduński Edward. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1986. S. 323–325.
37. *Petrauskas R.* Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje – XV a. viduryje) // Lietuvos istorijos metraštis. 2005. T. 1. Vilnius, 2006. P. 5–38.
38. *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius: Aidai, 2003. 380 p.
39. *Petrauskas R.* Tarp riteriško mobilumo ir indigenato: svetimšaliai riteriai Lietuvos didžiojo kunigaikščio dvare // Petrauskas R. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Politika ir visuomenė vėlyvaisiais Viduramžiais. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija; Naujasis Židinys – Aidai, 2017. P. 343–360.
40. *Petrauskas R.* Tolima bičiulystė: asmeniniai Vokiečių ordino pareigūnų ir Lietuvos valdovų santykiai // R. Petrauskas: Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Politika ir visuomenė vėlyvaisiais Viduramžiais. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija; Naujasis Židinys – Aidai, 2017. P. 225–256.
41. *Prochaska A.* Markward Salzbach. Z dziejów Litwy 1384–1410 // Przegląd Historyczny. 1909. T. 9. S. 12–28, 121–132.
42. Ragusa és Magyarország összeköttetéseinek oklevéltára / Gelcich J. és Thallóczy L. (eds). Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Bizottsága, 1887. lix + 923 o.
43. Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum. P. 1. Vol. 1 / Joachim E. et Hubatsch W. (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1948. xvi + 874 s.
44. Richtlinien für die Edition landesgeschichtlicher Quellen / Heinemeyer W. (ed.). 2. Aufl. Marburg; Hannover: Selbstverlag des Gesamtvereins der deutschen Geschichts- und Altertumsvereine, 2000. 40 s.
45. *Ryčkov A.* Judo bučinys: valdovo išdavystės samprata Lietuvoje (XIII a. pabaiga – XVI a. viduryje). Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2018. 280 p.
46. *Rymar E.* Rodowód książąt pomorskich. Wyd. 2. Szczecin: Książnica Pomorska, 2005. 608 + 12 s.
47. *Thumser M.* Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert) // Editions wissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik – Amtsbücher – Digitale Edition – Projekte / Thumser M. und J. Tandecki (eds). Toruń, 2008. S. 13–19.
48. *Thúry J.* Török-magyarkori történelmi emlékek. 2. osztály: Írók. 1. köt.: Török történetírók. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1893. viii + 433 o.
49. *Voigt J.* Geschichte Preussens, von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 7. Königsberg: Verlag der Gebrüder Bornträger, 1836. xvi + 788 s.
50. *Windecke E.* Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. lxviii + 594 s.

51. Wolff A. Projekt instrukcji wydawniczej dla pisanych źródeł historycznych do połowy XVI wieku // *Studia Źródłoznawcze. Commentationes*. T. 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. S. 155–181.

52. Zathę J. Katalog rękopisów średniowiecznych Biblioteki Kórnickiej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1963. li + 734 s.

Сведения об авторах: Сергей Владимирович Полехов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, пр. Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Николай Николаевич Наумов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Ленинские горы, 1, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6587-1681. E-mail: nn-naumov@mail.ru

Поступила 21.09.2020 Принята к публикации 24.11.2020

Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Biaspałaŭ R.A., Palechaŭ S.U. Historyja litoŭska-navasilskich dahavoraŭ 1427–1491 hadoŭ i litoŭska-varatynskija hramaty 1483 i 1488 hadoŭ [The history of the treaties between the Grand Duchy of Lithuania and the Principality of Vorotynsk (1427–1491) and the Lithuanian-Vorotynsk documents of 1483 and 1488]. *Bielaruski historyčny ahlad* [Belarusian Historical Review]. 2018, vol. 25, pp. 173–227. (In Belarusian)
2. Gulevich V.P. *Ot ordynskogo Ulusa k khanstvu Gireev: Krym v 1399–1502 gg.* [From the Horde's Ulus to the Girays' Khanate: Crimea in 1399–1502]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 492 p. (In Russian)
3. *Zolotaya Orda v mirovoi istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)
4. Kotsebu A. *Svitrigailo, Velikii Knyaz' Litovskii, ili Dopolnenie k istoriyam Litovskoi, Rossiiskoi, Pol'skoi i Prusskoi* [Švitrigaila, the Grand Duke of Lithuania, or an Addition to the History of Lithuania, Russia, Poland, and Prussia]. St. Petersburg: Publishing house of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1835. x + 236 + 44 + 30 p. (In Russian)
5. Nazarov V.D. Dinasticheskaya voyna moskovskikh Ryurikovichei. Preludiya 1432 g. [The Dynastic war of the Moscow Ryurikides. The prelude of 1432]. *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Materialy X Mezhdunarodnoi konferentsii, 9–13 sentyabrya 2019 goda, Moskva, Rossiya* [An Integrated Approach to the Study of Old Rus'. Proceedings of the Tenth International Conference, September 9–13, 2019, Moscow, Russia]. Moscow, 2019, pp. 139–140. (In Russian)
6. Polekhov S.V. *Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya voyna v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka* [Vytautas's Successors. The Dynastic War in the Grand Duchy of Lithuania in the 1430s]. Moscow: Indrik, 2015. 712 p. (In Russian)

7. Polekhov S.V. Khanskoe poslanie litovskomu knyazyu v prusskom arkhive (1432 g.) [The Khan's letter to the Lithuanian Duke in a Prussian Archive (1432)]. *"Vertograd mnogotsvetnyi". Sbornik k 80-letiyu Borisa Nikolaevicha Flori* ["Multicolor Vertograd". Collection for the Eightieth Birthday of Boris Nikolaevich Florya]. Moscow: Indrik, 2018, pp. 307–322. (In Russian)
8. *Pskovskie letopisi* [The Pskov Chronicles]. Iss. 1. Nasonov A.N. (ed.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. Ixiv + 148 p. (In Russian)
9. *Pskovskie letopisi* [The Pskov Chronicles]. Iss. 2. Nasonov A.N. (ed.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1955. 364 p. (In Russian)
10. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde – Takht Eli. An Outline of History]. Tula: Grif and Co, 2010. 112 p. (In Russian)
11. Trepavlov V.V. Ulug-Mukhammed [Ulugh Muhammad]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Vol. 33. Moscow: Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", 2017, p. 11. (In Russian)
12. Florya B.N. Orda i gosudarstva Vostochnoi Evropy v seredine XV veka (1430–1460) [The Horde and the States of Eastern Europe in the middle of fifteenth century (1430–1460)]. *Slavyane i ikh sosedi*, Vyp. 10: *Slavyane i kochevoi mir. K 75-letiyu akad. G.G. Litavrina* [Slavs and Their Neighbors, Issue 10: Slavs and the Nomadic World. To the Seventy Fifth Birthday of Academician G.G. Litavrin]. Moscow: "Science", 2001, pp. 172–196. (In Russian)
13. Cîmpeanu L. Anul 1432: începutul conflictului dintre Ilie vodă și Ștefan vodă, fiii lui Alexandru cel Bun. Documente inedite din arhiva Ordinului Teuton. *Studii și Materiale de Istorie Medie*. 2015, vol. XXXIII, pp. 161–186. (In Romanian)
14. *Codex diplomaticus Lithuaniae*. Raczyński E. (ed.). Vratislaviae: Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. xvi + 392 p. (In Latin and German)
15. *Codex epistolaris saeculi XV*. Vol. 2. Lewicki A. (ed.). Cracoviae: Nakładem Akademii Umiejętności, 1891. Ixxvii + 531 s. (In Latin and German)
16. *Codex epistolaris saeculi XV*. Vol. 3. Lewicki A. (ed.). Cracoviae: Nakładem Akademii Umiejętności, 1894. Ixxx + 665 s. (In Latin and German)
17. *Codex Mednicensis seu Samogitiae dioecesis*, Part 1: 1416.II.13 – 1609.IV.2. Jatulis P. (ed.). Roma: Academia Litwana Catholica Scientiarum, 1984. xxxvi + 714 p. (In Latin, Lithuanian, and German)
18. Daniłowicz I. *Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych*. Vol. 2. Wilno: Drukarnia A.H. Kirkora, 1862. 370 p. (In Polish)
19. *Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie*. Vol. 4/1. Forstreuter K. (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973. 484 p. (In German and Latin)
20. Dincă A.C. Der Türkeneinfall im Burzenland aus dem Jahre 1431. *Transylvanian Review*. 2016, vol. XXV, suppl. 2, pp. 133–142. (In German)
21. Długossii J. *Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Liber XI et liber XII (1431–1444)*. Varsaviae: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. 473 p. (In Latin)
22. Ekdahl S. *Die "Banderia Prutenorum" des Jan Długosz – eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg 1410*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. xii + 316 p. (In German)
23. Feneșan C. *Cavalerii teutoni în banatul Severinului și la Dunărea de Jos în prima jumătate a secolului al XV-lea. Documente și extrase. Der Deutsche Orden im Severiner Banat und an der niederen Donau in der ersten Hälfte des XV. Jahrhunderts. Urkunden und Auszüge*. Timișoara: Cosmopolitan-Art, 2015. 312 p. (In Romanian, German, and Latin)
24. Gąsiorowski A. *Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434*. Gąsiorowski A. and Rutkowska G. (eds). Warszawa: Instytut Historii PAN, 2015. 172 p. (In Polish)

25. Gawęda S. Próba osadzenia Fryderyka Hohenzollerna na tronie polskim a sprawa pomorska. *Mediaevalia. W 50 rocznicę pracy naukowej Jana Dąbrowskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960, pp. 177–205. (In Polish)
26. Grabowski J. *Dynastia Piastów mazowieckich*. Kraków: Avalon, 2016. 724 + 40 p. (In Polish)
27. Heckmann D. Leitfaden zur Edition deutschsprachiger Quellen (13.–16. Jahrhundert). *Preußenland*. 2013, vol. 3, pp. 7–13. (In German)
28. *Index actorum saeculi XV ad res publicas Poloniae spectantium*. Lewicki A. (ed.). Cracoviae: Nakładem Akademii Umiejętności, 1888. xvi + 581 + 2 p. (In Latin)
29. Jasiński K. *Rodowód Piastów mazowieckich*. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1998. 247 + 1 p. (In Polish)
30. Jasiński K. *Rodowód Piastów śląskich*, Vol. 2: *Piastowie świdniccy, ziebiccy, głogowscy, żagańscy i oleśniccy*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975. 223 + 9 p. (In Polish)
31. Joachim E. König Sigmund und der Deutsche Ritterorden in Ungarn 1429–1432. Mitteilungen aus dem Staatsarchiv zu Königsberg. *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. Vol. 33. Innsbruck, 1912, pp. 87–119. (In German)
32. Kotzebue A. *Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen und Preussen*. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1820. vi + 170 p. (In German)
33. Kwiatkowski K. Okoliczności wypowiedzenia wojny królowi polskiemu Władysławowi II przez wielkiego mistrza zakonu niemieckiego Ulricha von Jungingen w sierpniu 1409 roku. *Zapiski Historyczne*. 2009, vol. 74, iss. 3, pp. 7–33. (In Polish)
34. Lewicki A. *Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną*. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1892. 390 p. (In Polish)
35. *Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch*, Vol. 8: *1429 Mai – 1435*. Hildebrand H. (ed.). Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1884. xxxvii + 1 + 687 + 1 p. (In German, Latin, Swedish, and Ruthenian)
36. Nowak Z.H. Puchała Dobiesław. *Polski słownik biograficzny*, Vol. 29: *Przerębski Samuel – Raduński Edward*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1986, pp. 323–325. (In Polish)
37. Petrauskas R. Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje – XV a. viduryje). *Lietuvos istorijos metraštis*. 2005. Vol. 1. Vilnius, 2006, pp. 5–38. (In Lithuanian)
38. Petrauskas R. *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia*. Vilnius: Aidai, 2003. 380 p. (In Lithuanian)
39. Petrauskas R. Tarp riteriško mobilumo ir indigenato: svetimšaliai riteriai Lietuvos didžiojo kunigaikščio dvare. Idem. *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Politika ir visuomenė vėlyvaisiais Viduramžiais*. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija; Naujasis Židinys – Aidai, 2017, pp. 343–360. (In Lithuanian)
40. Petrauskas R. Tolima bičiulystė: asmeniniai Vokiečių ordino pareigūnų ir Lietuvos valdovų santykiai. Idem. *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Politika ir visuomenė vėlyvaisiais Viduramžiais*. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija; Naujasis Židinys – Aidai, 2017, pp. 225–256. (In Lithuanian)
41. Prochaska A. Markward Salzbach. Z dziejów Litwy 1384–1410. *Przegląd Historyczny*. 1909, vol. 9, pp. 12–28, 121–132. (In Polish)
42. *Ragusa és Magyarország összeköttetéseinek oklevéltára* [Documents Concerning the Relations between Ragusa and Hungary]. Gelcich J. and Thallóczy L. (eds). Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Bizottsága, 1887. lix + 923 p. (In Hungarian)

43. *Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum*. P. 1. Vol. 1. Joachim E. and Hubatsch W. (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1948. xvi + 874 p. (In German)
44. *Richtlinien für die Edition landesgeschichtlicher Quellen*. Heinemeyer W. (ed.). Marburg; Hannover: Selbstverlag des Gesamtvereins der deutschen Geschichts- und Altertumsvereine, 2000. 40 p. (In German)
45. Ryčkov A. *Judo bučiny: valdovo išdavystės samprata Lietuvoje (XIII a. pabaiga – XVI a. vidury)*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2018. 280 p. (In Lithuanian)
46. Rymar E. *Rodowód książąt pomorskich*. Szczecin: Książnica Pomorska, 2005. 608 + 12 p. (In Polish)
47. Thumser M. Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert). *Editionswissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik – Amtsbücher – Digitale Edition – Projekte*. Thumser M. and Tandecki J. (eds). Toruń, 2008, pp. 13–19. (In German)
48. Thúry J. *Török-magyarkori történelmi emlékek*. 2. osztály: Írók [Historical Records from the Turkish Period in Hungary. Second Section: Writers]. Vol. 1: Török történetírók. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1893. viii + 433 p. (In Hungarian)
49. Voigt J. *Geschichte Preussens, von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens*. Bd. 7. Königsberg: Verlag der Gebrüder Bornträger, 1836. xvi + 788 p. (In German)
50. Windecke E. *Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds*. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. lxxviii + 594 p. (In German)
51. Wolff A. Projekt instrukcji wydawniczej dla pisanych źródeł historycznych do połowy XVI wieku. *Studia Źródłoznawcze. Commentationes*. Vol. 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957, pp. 155–181. (In Polish)
52. Zathę J. *Katalog rękopisów średniowiecznych Biblioteki Kórnickiej*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1963. li + 734 + 21 p. (In Polish)

About the authors: Sergey V. Polekhov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, School of Contemporary Humanities Studies, Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (82, Vernadsky Avenue, Moscow 119606, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Nikolay N. Naumov – PhD (History), Research Fellow, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6587-1681. E-mail: nn-naumov@mail.ru

Received September 21, 2020 Accepted for publication November 24, 2020

Published December 29, 2020

РОЛЬ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР МЕЩЕРЫ В ОТРАЖЕНИИ НАБЕГОВ НОГАЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ И ЗАСЕЛЕНИИ ЮЖНОГО ПРЕДВОЛЖЬЯ ГОРНОЙ СТОРОНЫ

Р.Р. Салихов^{1а}, Р.Р. Исхаков^{1б}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Казань, Российская Федерация

^а *rsalih@mail.ru*, ^б *ishakovist@gmail.com*

Цель исследования: изучить миграцию служилых татар Мещеры и хозяйственное освоение ими «дикого поля» в южном Предволжье Горной стороны в контексте военного противостояния с ногайцами в конце XVI–XVII в.

Материалы исследования: комплекс библиографических и архивных материалов, характеризующих военно-пограничную службу мещерских татар и размещение их на территории бывших ногайских кочевий в Предволжье.

Результаты и научная новизна: авторы рассматривают военное противостояние служилых татар Арзамасского и Алатырского уезда в конце XVI–XVII в. с ногайскими отрядами, которое обусловило расселение больших групп татар на территории Предволжья. В результате отражения ногайских набегов 1571, 1577, 1581, 1593–1594, 1612, 1614, 1620 годов, строительства Симбирска и засечной черты Карсун-Симбирск, служилые татары Мещеры начали массово заселять пустопорожние земли в южном Предволжье. Ныне они относятся к территории Дрожжановского, Буинского, Тетюшского и отчасти Кайбицкого районов Республики Татарстан. Определяющим историческим событием в этом процессе стало поражение ногайцев в 1612 году, которое им нанесли алатырские татары и служилая мордва под руководством Баюша Розгильдеева и Ямаша Мангушева. Именно, в этот период начинается массовое получение поместий в «диком поле» служилыми татарами.

Заселение Горной стороны мещерскими татарами продолжалось в течение XVII – первой половины XVIII столетия. Оно проходило на фоне трансформации социального статуса служилых татар, связанной с переводом их в ведомство Казанского адмиралтейства на лашманскую службу. Благодаря экономической активности татарских помещиков, южное Предволжье в XVIII–XIX веках стало развитым сельскохозяйственным регионом, с широкой кооперационной крестьянской торговлей, разнообразными промыслами.

Военно-пограничная компания против ногайских и других кочевников, в которую были непосредственно вовлечены мещерские татары, стала мощным стимулом формирования одного из ключевых этнокультурных очагов татарского народа.

Ключевые слова: Горная сторона, южное Предволжье, служилые татары, ногайцы, засечная линия

Для цитирования: Салихов Р.Р., Исхаков Р.Р. Роль служилых татар Мещеры в отражении набегов ногайских кочевников и заселении южного Предволжья Горной стороны // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 808–821. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.808-821

**THE ROLE OF THE SERVING TATARS OF MESCHERA
IN THE REPULSION OF NOGAI RAIDS AND THE POPULATION
OF THE SOUTHERN CIS-VOLGA REGION'S "HILL BANK LAND"**

R.R. Salikhov ^{1a}, R.R. Iskhakov ^{1b}

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

^a *rsalih@mail.ru*, ^b *ishakovist@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To study the migration of the serving Tatars of Meschera and their economic development of the "wild field" in the southern Cis-Volga region's "Hill Bank Land" in the context of the military confrontation with the Nogais at the end of the sixteenth and beginning of the seventeenth centuries.

Research materials: Bibliographic and archival materials about the military border service of the Meshchera Tatars and their colonization of the territory of the former Nogai nomads in the Volga region.

Results and novelty of the research: The authors studied the military confrontation between the serving Tatars of the Arzamas and Alatyr districts and the Nogai detachments at the end of the sixteenth and beginning of the seventeenth centuries. This process became the reason for the resettlement of large groups of Tatars on the territory of the Volga region. The serving Tatars of Meschera began to populate lands on a massive scale in the southern Cis-Volga region after their military clashes with the Nogais in 1571, 1577, 1581, 1593–1594, 1612, 1614, 1620, and after the construction of the city of Simbirsk and the Karsun-Simbirsk defensive line. Today, these territories include the Drozhzhanovsky, Buinsky, Tetyushsky districts, and part of the Kaibitsky district in the Republic of Tatarstan. An important historical event in this process was the defeat of the Nogais in 1612 by the serving Alatyr Tatars and Mordovians under the leadership of Bayush Rozgildeev and Yamash Mangushev. It was during this period that the serving Tatars began to receive estates in the "Dikoe pole" ("Wild field").

The settlement of the region called "Gornaya storona" ("Hill Bank Land") by serving Tatars continued during the seventeenth and first half of eighteenth century. At this time, there was a shift in the social status of the serving Tatars that was associated with their transfer to the department of the Kazan Admiralty. This was called the Lashman Service. Due to the economic activity of the Tatar landowners, the southern Cis-Volga region became a developed agricultural region in the eighteenth and nineteenth centuries, with a wide cooperative peasant trade and the establishment of various crafts. In conclusion, the military border campaign against the Nogais and other nomads in which the Meschera Tatars participated was a powerful stimulus for the formation of one of the key ethnocultural centers of the Tatar people.

Keywords: Region of "Gornaya storona", southern Cis-Volga region, serving Tatars, Nogais, defensive line

For citation: Salikhov R.R., Iskhakov R.R. The Role of the Serving Tatars of Meschera in the Repulsion of Nogai Raids and the Population of the Southern Cis-Volga Region's "Hill Bank Land". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 808–821. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.808-821

Горная сторона («Жэбэлстан») – историко-культурный и природно-географический регион, охватывающий обширные территории на правом берегу реки Волга в пределах юго-запада Татарстана, ряда районов Республики Чувашия, Ульяновской и Нижегородской областей Российской Федерации.

На протяжении многих столетий здесь разворачивались значительные события, оказывавшие подчас определяющее влияние на судьбы народов и государств. Благоприятные природно-климатические условия, высочайшее плодородие почв, наличие сотен больших и малых водоемов, густых лесов, граничивших с бескрайними степными просторами, всегда привлекали к себе внимание как земледельцев, так и кочевников. В то же время протяженная вдоль Волги высокая гряда холмов являлась естественной защитой от непрошенных «гостей», стремившихся завоевать эти богатые земли.

Здесь происходили сложнейшие этнические процессы, сформировавшие самобытное многонациональное сообщество, без которого немыслима современная Россия. Для татар – эти края стали выдающимся историческим, культурным и духовным центром формирования нации.

Говоря о татарских селениях Горной стороны, основанных мешерскими татарами, на территории республики, мы имеем в виду, в первую очередь, населенные пункты на территории Дрожжановского, Буинского, Тетюшского и отчасти Кайбицкого районов, связанные общими причинами возникновения и особенностями развития.

В XIII–XIV веках Горная сторона представляла собой оживленный регион средневекового государства на перекрестках торговых путей, с крупными городами, типа Атрясского городища (ныне Тетюшский район РТ) и многочисленными деревнями. Однако, ситуация коренным образом начала меняться во второй половине XIV – начале XV веков, когда Болгарский улус Золотой Орды начал слабеть, а затем был разгромлен войсками Аксак Тимура. Горная сторона, славящаяся плодородием почв, благоприятными условиями для животноводства и торговли, выгодным географическим положением также стала ареной военных столкновений. Особенно страдало южное Предволжье, не имевшее значительных естественных препятствий для набегов кочевников. Поэтому, в этот драматичный период происходил массовый отток населения на север Горной стороны, в далекую от больших дорог, холмистую, покрытую густыми лесами местность.

В XV веке в крае проходила граница между двумя осколками Джучиева улуса: Ногайской Ордой и Казанским ханством, соперничавших за влияние в Поволжье и Приуралье. Горную сторону пересекал Крымский путь, за который также велись постоянные сражения с участием русских дружинников, отрядов ногайцев-кочевников, крымской конницы, войск казанских ханов.

Из всех разношерстных сил, полновластными хозяевами Предволжья чувствовали себя ногайцы, вытеснившие отсюда силой и жестокостью практически все оседлое население. Вот почему, например, нет никаких документальных и, самое главное, археологических данных о существовании в юго-западной части Горной стороны селений эпохи золотоордынской междоусобицы и Казанского ханства. Постепенно, некогда этот цветущий и населенный край почти на триста лет превратился в так называемую «дикую степь», где безраздельно властвовали конь и сабля кочевника.

Падение Казанского ханства в 1552 году, последовательное возвышение и укрепление Русского государства, непрекращающаяся борьба за золотоордынское наследство полностью изменили расстановку сил в Поволжье. В истории Горной стороны начинается новый, определяющий этап, связанный с массовой миграцией на эти земли мешерских и касимовских татар, которые,

основав здесь десятки мусульманских населенных пунктов, возродили регион к жизни.

Традиционно их происхождение связывают с Темниковской Мещерой, территорией охватывающей нынешнюю Мордовию, юго-запад Чувашии, Пензенскую область, восток Рязанской и Тамбовской, юго-запад Нижегородской, запад Ульяновской, северо-запад Саратовской областей Российской Федерации. Не трудно заметить, что в этот обширный регион входит и вся Горная сторона. Этногенез мещерских татар происходил в результате сложного взаимодействия древних мордовских и тюркских племен, проживавших в крае в начале первого тысячелетия нашей эры. Предками татарского населения Мещеры исследователи также называют буртас, волжских болгар и кыпчаков. Сегодня нет данных о существовании каких-либо государственных образований в крае в раннем средневековье. Однако то, что в период Золотой Орды здесь существовал отдельный улус с административным центром в Наровчате (ныне районный центр Пензенской области), говорит о том, что в предшествующий период власть в Мещере принадлежала сильным родоплеменным кланам, которые затем были инкорпорированы в элиту Золотой Орды.

Расцвет города Наровчат (Мохши) и улуса в целом пришелся на 1313 по 1329 годы, когда по повелению хана Узбека улус стал центром чеканки золотоордынских монет [8, с. 75]. Это способствовало бурному экономическому развитию края. Город Наровчат стал одним из важнейших населенных пунктов великого татарского государства. Его украшали минареты величественных мечетей, каменные здания караван-сараяв, бань, богатых особняков. Во второй половине XIV века, во время ослабления Золотой Орды, Наровчат стремился играть самостоятельную роль в политике, что приводило к неминуемому участию в междоусобицах татарских правителей в их борьбе за власть в Орде [7, с. 14].

Новый этап в истории этого региона начался в 1395–1396 годах, когда Аксак Тимур фактически уничтожил Золотую Орду, сравнив с землей ее основные города. С этого времени правящая элита края вступает в тесные отношения с русскими княжествами, что было особенно важно в эпоху кровавых междоусобиц на постзолотоордынском пространстве. В безопасных лесистых местах татарские князья строят города-крепости, которые становятся центрами отдельных княжений (беляков) с податным мордовским населением. Беляки объединяли также селения мурз и служилых татар, составлявших основу воинских формирований данных территорий. Известные исследователи мещерского средневековья М. Ишеев и М. Акчурин пишут: «Мещерский край в XV в. являлся осколком распадающейся Золотой Орды и в основном принадлежал татарским властителям. Там находились Касимовское ханство, созданное ханом Улуг Мухаммедом, на реке Оке, а также владения удельных татарских князей с подвластным мордовским населением, и поэтому называющимися мордовскими князьями. Их владения располагались в бассейне рек Цна и Мокша» [5, с. 6].

Например, основанный в конце XIV – начале XV века княжеской династией, восходящей к полубогатырскому правителю Бехану, город Темников представлял собой административный центр в мордовских землях с сильной властью татарского наместника. Само название населенного пункта, восходящее к темнику – командующему десятитысячным войском, говорит о его военном характере. Властвовали здесь в основном «беханиды», состав-

лявшие, по большей части, высшее правящее сословие Темниковского края. Представители клана дали татарскому миру прославленные фамилии Акчуриных, Кудашевых, Дашкиных, Кашаевых и многих других.

Одними из основных противников мещерских татар стали в тот период ногайцы, проникавшие на территорию края, в том числе и на Горной стороне.

Мещерский край объединял различные группы татарской знати, имевшей, как правило, общее происхождение, но проживавшей на локальных территориях вокруг определенных городских центров. Например, кадомские князья, являвшиеся родичами беханидам, также обладали серьезной военной силой и влиянием. Они жили на северо-востоке современной Рязанской области и вместе с темниковцами являлись верными воинами возвышающегося Русского государства. Кадомские служилые татары также активно привлекались в качестве переводчиков (толмачей), дипломатов среди тюркских кочевых народов. В реализации внешнеполитических и военных целей Москвы, интересы темниковцев и кадомцев совпадали с устремлениями аристократии Касимовского ханства.

С переходом под юрисдикцию Москвы князья и мурзы продолжали обладать, пусть и в меньшем объеме, всеми правами средневековых феодалов, собирая ясак со своих владений, их с почетом принимали во дворе Великого князя. Сила оружия темниковских, кадомских татар ценилась очень высоко. Они были незаменимыми помощниками в борьбе со степными кочевниками и успешно воевали за интересы Московского княжества в Ливонской войне [12, с. 11–12].

В этой связи, беляки мордовских князей можно назвать военными феодальными образованиями, чьим основным занятием было несение службы и ведение боевых действий. Ударной силой являлись не только князья и мурзы, но и рядовые воины-казаки, служилые люди, относившиеся в средневековых татарских государствах к нижнему слою привилегированного сословия. Они владели поместьями, жалованными за военную службу, имели серьезное влияние на принятие важнейших решений, и именно на их долю выпала участь в XVI–XVII веках осуществлять расширение государства на его восточных окраинах.

Находясь на службе у Московского государства, на татар Мещеры легла основная обязанность – охранять пределы расширяющейся державы от набегов ногайских кочевников и крымской конницы. Темниковцы и кадомцы выполняли роль своеобразных пограничников, первыми принимавшими на себя удар во время вражеского нашествия.

В семидесятые годы XVI века, с образованием окраинного Арзамасского уезда, начинается формирование группы арзамасских служилых татар, которые переселялись сюда, в основном из Кадома. Они основывали небольшие деревни, которые выполняли роль дозорных пунктов, предупреждавших население молодого уезда о нападении с юга. Как пишет И. Габдуллин: «Значительная часть татар использовалась на сторожевой и пограничной службе на южных рубежах государства. Городовые (или полковые) служилые татары использовались для защиты приграничных городов и для отражения неприятеля на оборонительных линиях. Служилое население, привлекавшееся для разъездов и караулов в степях на самых опасных направлениях походов крымцев и ногайцев, подразделялось на станичников, вожей и сторожей.

Основной обязанностью этой группы служилых людей являлась разведывательная, дозорная и заставная служба. Сторожевые отряды (заставы) отправлялись в степь за пределы русских границ ежегодно с 1 апреля. Их служба продолжалась вплоть до зимы. На «польские сторожи» (от слова «поле») заставы отправлялись из Темникова, Кадома и Алатыря» [3, с. 22].

Основной массой татарского населения являлись конные казаки, наделявшиеся за службу поместной землей. Они также составляли в тот период костяк поместного войска уезда и часто привлекались правительством к военным действиям. В то же время, в мирное время, служилые татары занимались земледелием и скотоводством, обеспечивая сами себя вооружением, провиантом и лошадьми. Арзамас стал главным поставщиком военной силы в Алатырский, Нижегородский и Курмышский уезды, где на засечных линиях служили татарские конники.

Перемещение большого количества служилых людей в Алатырь на рубеже XVI–XVII веков было связано с агрессивностью ногайцев, раз за разом прорывавшихся сквозь лесные проходы на территорию уезда, жегших и грабивших немногочисленные села, грозивших захватом уездному городку. Так было в 1571, 1577, 1581, 1593–1594 годах [10, с. 41, 43].

Поэтому, уже в 1606 году в Алатырском уезде появляется первое возрожденное татарское поселение – Шубино, и в дальнейшем, за счет переселения конных казаков и мурз из Кадома, Темникова и Арзамаса их количество серьезно возрастает. Существует ряд версий о возникновении татарских деревень в этом крае. Местные легенды начинают их историю с XIV–XV веков и связывают либо с выходцами из Астрахани, либо Мещеры и Касимова. Как бы там ни было, но бурное формирование группы алатырских татар начинается только на рубеже XVI–XVII веков. Сегодня это села, находящиеся преимущественно в Пильнинском, Краснооктябрьском районах Нижегородской области: Сафаджай, Петряксы, Рыбушкино, Ендовище, Уразовка и другие. В то же время нельзя проводить глубокую грань между алатырскими и арзамасскими татарами. Они всегда были исторически и генетически тесно связаны в одну общность, восходящую еще к улусу Мохши золотоордынского периода. Все они были бесстрашными воинами и служение государству считали главным занятием своей жизни.

В 1612 году состоялось определяющее сражение алатырцев и арзамассцев с прорвавшимися в очередной раз на земли уезда ногайцами. Кочевники, воспользовавшись Смутным временем, большими силами вторглись в Алатырский уезд, убивая и грабя на своем пути, захватывая в плен местное население. Их прорыв, в отсутствии надлежащей защиты, угрожал существованию самого Нижнего Новгорода. Но на пути у «орды» встало небольшое ополчение, состоявшее из служилых татар и мордвы, под руководством мурзы Баюша Разгильдеева и Ямаша Мангушева. В начале сражения ногайцы блокировали обороняющихся в мордовской деревне Чукалы на реке Пьяне (ныне Большеигнатовский район Республики Мордовия). Воины мурзы Баюша успешно оборонялись и терзали ряды нападавших неожиданными вылазками, а затем перешли в наступление. Полководческий талант татарского мурзы, отвага ополчения проявились в том, что враг был наголову разбит в лесах у реки Алатырь. Бежавшие в панике ногайцы были окончательно добиты на озерах, где многие из них утонули. Всего погибло более 500 кочевников. Их предводитель мурза Курмаммет был убит, а знамя его

захвачено Баюшем Разгильдеевым. Алатырцы освободили семь тысяч полоняников, которых ногайцы уже готовы были увести в рабство. За этот подвиг мурза грамотой Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского от 24 января 1613 года был пожалован в князья. Все, кто участвовал в сражении, получили богатое вознаграждение, высокие звания и поместья. Вот документальное свидетельство этого подвига: «Список с грамоты с признанием за Баишем Мурзою Разгильдеевым, за многия службы и за отечество, княжеского достоинства, данная по совету всей земли и по приговору воевод, боярина князя Дмитрия Трубецкого и стольника князя Дмитрия Пожарского. Московского государства боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский с товарищи, и по совету всей земли, приговорили: Алатырского города Баишу Мурзе Разгильдееву, за его многую службу и за раденье, что он в прошлом де во 120 году служил, как приходили Нагайские люди на Арзамаские и на Алатырские места, и воевода де князь Андрей Хилков велел ему збирать Алатырских Мурз и Мордву и всяких служивых людей и послал де его воевода против Нагайских людей, и Нагайские люди воюют Арзамаския места и Алатырской уезд. И как де он Баиш пришел на Пьяну реку на Чуколы, и тут де с Нагайскими людьми был бой два дни, и в деревне Чуколе от Нагайских людей в осаде сидели, и на выласках многих Нагайских людей побили и переранили: да и в Ардатовском лесу в воротех был бой с Нагайскими людьми и побили Нагайских людей с пять сот человек, да у них же у Нагайских людей убили Мурзу Курмамента и знамя взяли, и их прогнали к Озерам, и многие от того бою Нагайские люди потопли, и отгромили у Нагайских людей на том деле всяких людей семь тысяч; а его, Баишу Мурзу, на том деле сбили с коня и отшибли у него на тем бою коня. А родство де его были изстари деды и прадеды в княжестве. И за ту его за многую службу и за отечество дать ему, Баишу Мурзе Разгильдееву, княжество, и впредь у них того княжества и у его детей и у его родства не отымати; а как же даст Бог на Московское государство Государя, и тогда велите ему Государь на то княжество дать свою Царскую жалованную грамоту, за красною печатью. К сей грамоте боярин и воевода Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник и воевода князь Димитрий Михайлович Пожарский велели земскую печать приложить, лета 7121, Генваря в 24-й день» [9, с. 259–260].

Впрочем, через два года, в 1614 году алатырцам вновь пришлось брать оружие в руки и отражать еще более масштабное нашествие ногайцев. Тогда татары отбили атаку 20000 ногайцев из улуса князя Иштерека на г. Алатырь [10, с. 61]. Хотя, возможно, количество атакующих несколько завышено. Мурзы и казаки выступили надежными защитниками юго-восточных рубежей страны в лихолетье Смутного времени. Они участвовали во всех компаниях XVII века против терзавших районы Мещеры ногайских и крымских отрядов.

Подтверждением высокой роли алатырских татар в охране рубежей государства стала жалованная грамота царя Михаила Федоровича от 29 апреля 1618 года, освобождавшая их от ряда денежных и натуральных повинностей.

«Грамота, данная в 7126 году князю Баюшу Разгильдееву и Ямашу Мурзе Князь Мангушеву с товарищи Божьей милостью мы Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович вся России самодержец пожаловали есьми

Алатырского города Князей и Мурз и Татар: Князя Баюша Разгильдеева да Ямаша Мурзу князь Мангушева с товарищи, что били они нам челом, а сказали служат де они нам всякие наши службы зимние и летние, рядовые и выборные, и не которая их де служба не минует, а поместья де их не великие, а деды их и отцы искони служили прежним Государям, а данных и посошных и ямских и подымных денег не даывали, и городского и острожное и городовое и за засечное и мостов не дельвали, а ныне де заставляют их рвы копать и острожное и городовое и засечное дело делать, и ямские и подымные деньги с них емлют, а их де братье Касимоским. Кадомским, Темниковским, Цненским и Арзамаским Князем и Мурзам всех городов даны жалованные Тарханные грамоты, чтобы им опричь нашей службы никаких податей не давати и нам бы их пожаловать велети и им дать нашу жалованную грамоту, таковую ж, какие даваны их братье Касимовским, Кадомским, Темниковским, Цненским, Арзамаским князем и мурзам и татарам и про то посылаю сыскивать на Алатырь, с Алатырских князей и с мурз при прежних Государях данных и посошных и ямских и подымных денег с них не имывали ль, и городского и острожного и засечного дела не дельвали ль и в обыску всяких людей обыскных 240 человек, сказали: Алатырские Князи и Мурзы, Князь Баиш Разгильдеев да Ямаш Мурза Князь Мангушев с товарищи, служат всякия наши службы со своих поместей, зимняя и летняя и рядовая и выборный, и никоторая их служба не минует; а данных и посошных и ямских и подымных денег не плачивали. – И я, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Росии, Алатырских князей и мурз и татар, Князя Баюша Разгильдеева да Ямаша Мурзу Князь Мангушева с товарищи, и которые Арзамаские Князи, Мурзы и татаровя испомещены в Алатырском уезде пожаловали, велели им дати нашу жалованную грамоту таковую ж, каковы даваны их братье Касимовским, Кадомским, Темниковским Князем и Мурзам и татарам что с их поместных земель ямских и подымных денег и крестьян их к нашему делу в целовальники и наям в емщики имати на них не велели, а им с тех с поместей и с денежного жалованья во всякая наши зимняя и летняя службы быти по наряду. Дана сия наша Царская жалованная грамота лета 7126, Апреля в 29 день» [9, с. 260–261].

Все эти военные события и поощрения со стороны властей способствовали росту и укреплению татарских населенных пунктов в Алатырском уезде, которые, в свою очередь, стали своеобразной основой, базой для расселения в дикой степи Предволжья. С.Б. Сенюткин, детально изучивший процессы формирования групп арзамасских и алатырских татар, отмечал: «После событий 1593, 1612, 1614 и 1620 годов алатырские степи считались прорывоопасными. Отсюда стремление властей укрепить эти районы размещением служилых татар, хорошо зарекомендовавших себя при отражении агрессии ногайцев в 1612 и 1620 годах.

Выдавая земли служилым татарам, государство учитывало их традиционную хозяйственную ориентацию на скотоводство. Татары и стерегли бескрайнее Дикое поле и хозяйственно его осваивали. Государство помещало в степях тех из своих подданных, кто наиболее был приспособлен к степной жизни, сам стремился жить в степи» [10, с. 171].

Исторической миссией потомков мещерских золотоордынцев можно с полным правом назвать расширение и освоение территории страны на юге и юго-востоке, включая все Поволжье и Приуралье. Когда правительство

возводило на границах со степью засечные черты, сначала по направлению Темников-Алатырь-Тетюши, а затем в 1647–1654 годах от Симбирска до Карсуна и Белгорода, темниковские и алатырские служилые татары привлекались в качестве надежной боевой силы этого пограничья. Обширные земельные пространства, пустовавшие ранее из-за угрозы опустошительных набегов степняков, теперь становились безопасным местом для оседания больших групп татарского населения, переселявшегося из Свияжского, Алатырского, Арзамасского и Темниковского уездов.

Именно со строительством города Симбирска в 1648 году, формированием Симбирского уезда и стремительным продвижением границы на восток в Закамье началось возрождение Горной стороны. Вчерашние воины, откликнувшись на призыв правительства осваивать новый край, получали хорошие поместья и, оставив ратный труд, превращались в земледельцев. Их усилиями целинные степные просторы быстро становились плодородной житницей края.

Именно в это время и в течение всего столетия, возникло большинство сел, основанных в Горной стороне мешчерскими татарами. Самыми старыми из них можно назвать деревни Вольный Стан (Чепкас), Ишли, Мещеряки, Новый Студенец, Сорока-Сайдак, Татарские Тюки, Бюстерлеев Враг, Старые и Новые Чукалы, Старое Чекурское, Шатршаны, Ишли, Каракитан, Какерли, Большая Акса и другие, находящиеся ныне в Буинском и Дрожжановском районах РТ.

Они были образованы, вероятно, одновременно и в первые десятилетия после со строительства Симбирска в 1648 году, а также возведения Симбирско-Карсунской засечной черты 1647–1654 годов. Во всяком случае, многие из них указаны в Строевой книге Симбирска 1653–1654 и Приходно-расходной книге Симбирской приказной избы 1661–1663 годов.

Главной задачей новопоселенцев было строительство и охрана оборонительных укреплений, состоявших из лесных завалов-засек, земляных валов с частоколами, рвов, т.е. искусственных препятствий для быстрой ногайской конницы. В пределах южного Предволжья, помимо новой Симбирской, находилась и Карлинская черта или Карлинский вал, со второй половины XVI века защищавший направление Тетюши-Алатырь-Темников. На дороге Казань-Симбирск, проходившей через вал у современной деревни Мещеряки Буинского района РТ, в конце XVI–XVII веках находилась Проезжая башня с воротами и Глухая башня, известная под названием «Башня князя Аклычева».

Столь сложный комплекс оборонительных сооружений в этих местах был неслучаен. Предволжье еще со времен Казанского ханства считалось местом ногайских летних кочевий, здесь находились их станы и пастбища. Топограф Т.Г. Масленицкий, изучивший вал в конце XVIII века, по этому поводу писал: «Об сих земляных укреплениях жители... объявляют, что построены они прежде взятия Казани по причине отделенного от Золотой Орды одного владельца, который в сих местах особое свое от казанских царей имел владение. Почему и оные укрепления для защиты от них он сделал..., что между сих городков на полях имеются немалые бугры земли, ногайскими могилами называемыми. Каковы над похороненными своими знатными вельможами ногайцы насыпную землею делать обычай имели, и что вся сия...

сторона, от сих народов получала наименование, Нагайскою прозывается и поныне...»¹.

Можно сказать, что в середине XVII века оставалась высокой опасность внезапного прорыва засечной черты степняками, их рейдов в глубь Свияжского и Алатырского уездов. Поэтому рядом с оборонительными крепостями возникали «казачьи слободы», где числились выходцы из разных мест: арзамасцы, нижегородцы, темниковцы, тетюшане свияжцы, мурашкинцы, казанцы, теньковцы, хлыновцы, смоляне, новгородцы, москвитяне, астраханцы, муромцы и латыши и многие другие². Это касается и служилых татар, среди которых были в значительном количестве алатырцы, арзамасцы, темниковцы. Власти, учитывая серьезность ногайской угрозы в любой момент, были готовы направить подкрепление казакам, несшим сторожевую службу. В наказе от 16 мая 1649 г. боярину и воеводам Г.И. Морозову, окольному князю И.А. Хилкову, дьякам В. Нефедьеву и Ф. Иванову предлагается держать связь с другими понизовыми городами и пригородами, «чтоб им, будучи в Казани, и про крымских, и про ногайских людей, и про черкас, и про калмыки, и про воровских казаков бесвесным не быть», а также с этой целью высылать во все стороны разъезды. В случае нападения на Казанский или соседние уезды предписывалось высылать из Казани против нападающих отряды ратных людей [4, с. 298].

Первые поселения мещерских татар были непосредственно связаны с группами казаков, охранявших засечные черты в середине XVII века. Например, деревни Вольный (Ввальный) Стан, Старые и Новые Чукалы, Энтуганово, Новый Студенец, Старый Студенец, Старое Чекурское, Новое Чекурское и другие. Впрочем, и в последующие десятилетия, несмотря на существенное ослабление кочевнической опасности, здесь селились, в основном, служилые татары и мурзы, являвшиеся частью иррегулярного войска. С одной стороны, концентрация военных людей значительно укрепляла безопасность края, с другой, позволяла начать хозяйственное освоение «дикого поля». Профессиональные воины, получавшие за свой труд небольшие поместья для личной обработки земли и разведения скота, образовывали со временем большие и зажиточные поселения. Этому способствовало наличие больших площадей свободной целины, исключительное плодородие почв.

В аттестате, выданном в 1682 году из Приказа Казанского дворца мурзам Ильмету и Ильмекею Тягильдиным детям князя Девлетова, отмечалось, что «служили они службу блаженныя и вечныя славы Великому Государю, Царю и Великому князю Алексею Михайловичу 20 лет и были в разных походах, и были Великому Государю верны и никаких измен не делали». В другом документе указывалось, что у Ильмета «на службе при нем лошадь, мерин сайдак, и лук, и велено его, мурзу, в Приказе Казанского дворца вписать в служебный список». За верность братья в 1677 году были жалованы серебряными ковшами, саблями, деньгами по 11 рублей, землей в д. Верхний Чепкас Симбирского уезда в количестве 11 четвертей, санными покосами на 1000 копен и мельничным угодьем на р. Карле. [1, с. 372–374].

Служилые татары д. Малой Чилны (Цильны), ныне Дрожжановского района, Кайпка мурза Уразгильдеев сын, Кульмаметка мурза Имегдяшев сын

¹ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф.69. Оп.1. Д.12. Л.225.

² ГАУО. Ф.853. Оп.1. Д.32. Л.28.

с товарищами в челобитной 1697 года подчеркивали: «Деды и отцы их служили Великому Государю верховые и отъезжие и низовые многие службы, а после де дедов и отцев своих служат они Великому Государю всякие службы издавна, многие годы» [1, с. 154].

В 1687 году в д. Старое Чекурское большое поместье, включавшее в себя более 200 гектаров пашни и других угодий, было пожаловано служилому татарину из мурз Кудабердею Енайдарову сыну Чернееву.

Об этом ему был выдан специальный удостоверяющий документ (аттестат), в котором говорилось: «Лета 7195 года, марта въ день, по указу Великих Государей, Царей и Великихъ Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России самодержцев и по грамоте из Приказа Казанскаго Дворца, данъ сей аттестат служилому из мурз татарину Кадабердейке Енадырову сыну Чернееву, для того, что он, мурза Чернеев, служил службу Великим Государям, Царям и Великим Князьям и был в разных походах и низовую службу служил же, за что и жалован от Великих Государей за службу пашенною землею в Синбирском уезде, в деревни Старой Чекурской, на речке Аксе, пашни пахатной добрыя земли 170 четей в поле, а в дву потому ж, с сенными покосы и со всеми угодьи; а на службе при нем было: лошадь мерин сайдак и лук со стрелами и за верную его службу аттестата не дано. И по указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России самодержцев и по грамот из Приказа Казанскаго Дворца велено ему, мурз Кадабердейке Енадырову сыну Чернееву дать аттестат, почему ему сей и дан на Москве, за приписью боярина князя Михаила Долгорукова и печать приложена» [2, с. 195].

Документ свидетельствует, что Кудабердей мурза был профессиональным военным, конным лучником, служившим в различных местностях и городах Поволжья. За ратные труды и подвиги цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1687 году пожаловали ему саблю и большое поместье в Старом Чекурском.

Мурза Чернеев, вероятно, думал обосноваться здесь навсегда. Обустроил обширную усадьбу, напротив нее возвел водяную (наливную) мельницу и стал одним из самых богатых помещиков в округе. Однако в 1700 году, очевидно, по делам службы он вынужден был оставить свой аул и перебраться в Закамье, в деревню Старые Ерыклы (ныне Тукаевский район РТ). Все свое имущество в Старом Чекурском он «променял» служилому татарину деревни Новые Чукалы Мамету Мамедлееву сыну Ногаеву, который в этот период активно скупал в этом селе поместья [2, с. 193].

Наличие значительного количества служилотатарских деревень в Симбирском Поволжье стало не только серьезным фактором спокойствия в регионе, но и продвижением безопасных рубежей государства, дальше на юг в низовья Волги и на восток, в Закамье, Башкирию и Оренбургские степи. В течение XVII–XVIII веков наблюдаются значительные миграции служилого татарского населения в этих направлениях.

Следует отметить, что даже первые деревни мещерских татар были довольно крупными для своего времени. Так в 7162 году (1654 год) в подгородном Свияжском стане была дана поместная земля служилому татарину Аваю Сарманову с товарищи на р. Якле, а по писцовым книгам 193/193 гг.

(1686 г.) здесь уже числилась деревня Старые Чукалы «32 двора и людей 32 человека, пашни и перелог и дикого поля 960 четвертей по 30 четвертей человека, да сена меж поля по буеракам ...2000 копен» [2, с. 117].

В той же писцовой книге упоминается и деревня Новые Чукалы «по обе стороны р. Вершины Большой Цильны», а в ней служилых татар всего 29 дворов, людей 29 человек³. В течение двух десятилетий, в связи с ростом населения и возникающей нехватки земли, из этих селений начинается исход отдельных родов на свободные территории, где основываются новые деревни. Например, в 1674 году большая группа новочукальских служилых татар во главе с Ишмаем Васильевым, происходивших в большинстве своем из темниковских и алатырских выходцев, основали деревню Большая Цильна [6, с. 195–196].

Интересно, что в данный период здесь продолжалось испомещение служилых татар Арзамасского уезда. В частности, в 1686 году ими была основана деревня Нижнее Чекурское (ныне Дрожжановский район РТ), земли которой по правому берегу реки Акса были отмежеваны 23 служилым татарам, прибывшим сюда из Арзамаса и других мест. В выписи из писцовых и межевых книг Симбирского уезда 1685–1687 гг. «письма и меры и межеванья» стольника Михаила Федоровича Пушкина сохранились имена перво-поселенцев д. Нижнее Чекурское: Ишмай Уракчеев, Богдан Сюнчалеев, Келмай Янгозин, Бикмет Нагашев сын арзамасец, Уразамет Сюнчелеев, Иван Утешев сын Кудяков, Ангилда Нагашев сын арзамасец, Уразлей Янчурин сын арзамасец, Ураз Шадамаметев арзамасец, Акмамет Янчурин, Енейка Чураев, Бикмет Байбаков, Кудайберда Токтамышев, Бурмамет Акмаметев, Уразамет Семенов, Адракман Адаралеев, Тинговат Мурзаев, Акберда Чураев, Уразлей Бахтакильдеев, Кудайберда Кляшев, Муска Байков, Янбайка Ильмакаев, Сюняй Чураев. Предводителем или выборным из среды служилых татар был, вероятно, Бикмет Нагашев, поскольку в документах конца XVII в. жителей д. Нижнее Чекурское именовали «служилые татары Бикметки Нагашева сына арзамасца с товарищи»⁴.

Несмотря на то, что процесс заселения Горной стороны мещерскими татарами завершился в целом к концу XVII века, возникновение новых населенных пунктов здесь продолжалось в течение всего XVIII столетия. И за это время, пережив трансформацию социального статуса с привилегированного служилого воина на подневольное положение лашмана при Казанском Адмиралтействе, они сумели превратить некогда «дикую степь» в экономически развитый сельскохозяйственный регион, с широкой кооперационной крестьянской торговлей, разнообразными промыслами. В крае возникла сильная мусульманская культура, авторитетные династии имамов и суфийских шейхов, сформировалась сеть мектебов и медресе, распространилась исламская ученость. В середине XIX века в Симбирской губернии проживало 90000 мусульман, из них 43000 человек – в 72 татарских деревнях Буинского уезда [11, с. 32].

Таким образом, военно-пограничная компания против ногайских и других кочевников, в которую были непосредственно вовлечены мещерские татары, стала мощным стимулом формирования одного из ключевых этнокультурных очагов татарского народа.

³ ГАУО. Ф.111. Оп.72. Д.664. Л.115.

⁴ ГАУО. Ф.111. Оп.72. Д.254. Л.9–11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Симбирского окружного суда, Выпуск второй: Гражданские дела Буинского уездного суда / Под ред. Мартынова П. Симбирск: Типография М.Д. Бычковой, 1905. 417 с.
2. Архив Симбирского окружного суда. Гражданские дела Буинского уездного суда / под ред. Мартынова П. Симбирск: Губернская типография, 1901. 223 с.
3. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М.: Изд. Р.Ш. Кудашев, 2006. 317 с.
4. Димитриев В.Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной части Чувашии // Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986. С. 294–325.
5. Ишеев М., Акчуринов М. Татарские князья и их княжества в мецкерском крае // Татарские князья и их княжества. Нижний Новгород: Издательство «Медина», 2008. С. 6–32.
6. Мартынов П. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1903. 619 с.
7. Мокишин Н.Ф. Мохши – столица одноименного улуса и Золотой Орды // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 12–15.
8. Сабитов Ж., Акчуринов М. Татарские потомки населения золотоордынского улуса Мохши // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия): Т. 5. 2013. №1. С. 75–83.
9. Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии / Симбирский губернский стат. комитет. Симбирск: Типография губернского правления, 1868. 282 с.
10. Сеньюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети 16 до начала 20 века. М.: ННГУ, 2001. 476 с.
11. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, Вып. 39: Симбирская губерния / под. ред. Артемьева А. СПб., 1863. 99 с.
12. Хайретдинов Д.З. Военное значение и численность служилых татар Нижегородчины // Приволжский научный вестник. 2015. № 5–2 (45). С. 11–15.

Сведения об авторах: Радик Римович Салихов – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ResearcherID: X-6932-2019; ORCID: 0000-0001-6380-6640. E-mail: rsalih@mail.ru

Радик Равильевич Исаков – доктор исторических наук, заведующий центром изучения истории и культуры татар-крещен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X. E-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила 08.06.2020 Принята к публикации 24.11.2020

Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Arkhiv Simbirskogo okruzhnogo suda, Vypusk vtoroy: Grazhdanskije dela Buinskogo uezdnogo suda [Archive of the Simbirsk District Court, Iss. 2: Civil Cases of the Buinsky District Court]. Martynov P. (ed.). Simbirsk: Printing house of M.D. Bychkova, 1905. 417 p. (In Russian)

2. *Arkhir Simbirskogo okruzhnogo suda. Grazhdanskije dela Buinskogo uezdnogo suda* [Archive of the Simbirsk District Court. Civil Cases of the Buinsky District Court]. Martynov P. (ed.). Simbirsk: Provincial printing house, 1901. 223 p. (In Russian)
3. Gabdullin I.R. *Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu* [From Serving Tatars to Tatar Nobility]. Moscow: Published by R.Sh. Kudashev, 2006. 317 p. (In Russian)
4. Dimitriev V.D. K voprosu o zaselenii yugo-vostochnoy i yuzhnoy chasti Chuvashii [On the settlement of southeastern and southern parts of Chuvashia]. *Chuvashiya v epokhu feodalizma* [Chuvashia in the Era of Feudalism]. Cheboksary: Chuvash book publishing house, 1986, pp. 294–325. (In Russian)
5. Isheev M. and Akchurin M. Tatarskie knyaz'ya i ikh knyazhestva v meshcherskom krae [Tatar princes and their principalities in the Meschera region]. *Tatarskie knyaz'ya i ikh knyazhestva* [Tatar Princes and Their Principalities]. Nizhny Novgorod: "Medina", 2008, pp. 6–32. (In Russian)
6. Martynov P. *Seleniya Simbirskogo uezda (Materialy dlya istorii Simbirskogo dvoryanstva i chastnogo zemlevladieniya v Simbirskom uezde)* [Settlements of the Simbirsk District (Materials for the history of the Simbirsk nobility and private land ownership in the Simbirsk district)]. Simbirsk: Printing house of A.T. Tokarev, 1903. 619 p. (In Russian)
7. Mokshin N.F. Mokshii – stolitsa odnoimennogo ulusa i Zolotoy Ordy [Mokshii: The capital of the ulus and the Golden Horde]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political Sciences]. 2011, no. 1, pp. 12–15. (In Russian)
8. Sabitov Zh. and Akchurin M. Tatarskie potomki naseleniya zolotoordynskogo ulusa Mokshii [Tatar descendants of the population of the Golden Horde's ulus of Mokshii]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy* (Russian version): Vol. 5. 2013, no. 1, pp. 75–83. (In Russian)
9. *Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh materialov o Simbirskoy gubernii* [Collection of Historical and Statistical Materials on the Simbirsk Province]. Simbirsk: Provincial government printing house, 1868. (In Russian)
10. Senyutkin S.B. *Istoriya tatar Nizhegorodskogo Povolzh'ya s posledney treti 16 do nachala 20 veka* [The history of Tatars of the Nizhny Novgorod Volga region from the last third of sixteenth to beginning of twentieth century]. Moscow: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2001. 476 p. (In Russian)
11. *Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlennyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del*, Vyp. 39: *Simbirskaya guberniya* [Lists of Populated Areas of the Russian Empire Compiled and Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, Iss. 39: Simbirsk Province]. Artem'ev A. (ed.). St. Petersburg, 1863. 99 p. (In Russian)
12. Khayretdinov D.Z. Voennoe znachenie i chislennost' sluzhilykh tatar Nizhegorodchiny [The military importance and number of serving Tatars of the Nizhny Novgorod region]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik* [Scientific Bulletin of the Cis-Volga Region]. 2015, no. 5–2 (45), pp. 11–15. (In Russian)

About the authors: Radik R. Salikhov – Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ResearcherID: X-6932-2019; ORCID: 0000-0001-6380-6640. E-mail: rsalikh@mail.ru

Radik R. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Head of the Center for the Study of History and Culture of the Tatars-Kryashens and Nagaybaks, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X. E-mail: ishakovist@gmail.com

Received June 8, 2020 Accepted for publication November 24, 2020

Published December 29, 2020

**ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ НАРОЖНЫЙ – АРХЕОЛОГ И ИСТОРИК
ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ВЛАДЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(К 60-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ)**

В.П. Мокрушин

*Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани»
Краснодар, Российская Федерация
vlmokrushin@yandex.ru*

Цель: показать основные этапы развития научно-творческой деятельности юбиляра, продемонстрировать его основной вклад в изучение историко-археологического наследия Золотой Орды на Северном Кавказе.

Материалы исследования: работа основана на результатах сравнительного анализа основных научных исследований Е.И. Нарожного.

Результаты и научная новизна: проанализированы основные направления научных интересов исследователя, дана характеристика наиболее важных его выводов по политической истории золотоордынского владычества на Северном Кавказе, динамике притока кочевого населения и его роли в регионе. Показан вклад Е.И. Нарожного в изучение этнокультурного облика кочевников и их влияния на историю Северного Кавказа, а также в изучение «городского» населения Золотой Орды, исторической географии этого государства и глобальных трансформаций, происходивших здесь под влиянием изменений в материальной культуре, смены идеологических приоритетов.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северный Кавказ, историография, исследователи Золотой Орды, золотоордынское наследие, кавказоведение, Е.И. Нарожный

Для цитирования: Мокрушин В.П. Евгений Иванович Нарожный – археолог и историк золотоордынских владений на Северном Кавказе (к 60-летию исследователя) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 822–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.822-836

**EVGENY IVANOVICH NAROZHNY: ARCHAEOLOGIST AND HISTORIAN
OF THE GOLDEN HORDE'S POSSESSIONS IN THE NORTH CAUCASUS
(TO MARK THE RESEARCHER'S SIXTIETH BIRTHDAY)**

V.P. Mokrushin

*Non-public joint-stock company "Heritage of the Kuban"
Krasnodar, Russian Federation
vlmokrushin@yandex.ru*

Abstract: Research objective: To present the key stages in the development of Evgeny Ivanovich Narozhny's academic activity and demonstrate his major contributions to the study of the historical and archaeological heritage of the Golden Horde in the North Caucasus.

Research materials: This work is based on the results of a comparative analysis of the main academic studies of E.I. Narozhny.

Results and novelty of the research: This work analyzes the main directions of the academic pursuits of the researcher and gave a description of his most important conclusions regarding the political history of the Golden Horde's dominion in the North Caucasus, the dynamics of the influx of the nomadic population, and the state's role in the region. The author highlighted the contributions of E.I. Narozhny in the study of the ethnic and cultural emergence of nomads and their influence on the history of the North Caucasus, as well as the "urban" population of the Golden Horde, the historical geography of this state, and global historical transformations that took place within a context of shifts in material culture and a change in ideological priorities.

Keywords: Golden Horde, North Caucasus, historiography, explorers of the Golden Horde, Golden Horde heritage, Caucasus, E.I. Narozhny

For citation: Mokrushin V.P. Evgeny Ivanovich Narozhny: Archaeologist and Historian of the Golden Horde's Possessions in the North Caucasus (to mark the researcher's sixtieth birthday). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 822–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.822-836

12 сентября 2020 г. исполнилось 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, Заслуженного работника культуры Кубани, главного специалиста негосударственного общества (НАО) «Наследие Кубани» (г. Краснодар) Евгения Ивановича Нарожного. После окончания средней школы (1977 г.) в станице Гребенской Шелковского района бывшей Чечено-Ингушской АССР, год спустя (1978 г.) он поступает на исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета (ЧИГУ) им. Л.Н. Толстого (г. Грозный). Его он оканчивает в 1983 г., получив диплом по специальности: «историк, преподаватель истории и обществоведения». Затем была

полуторогодичная служба в армии, после которой Е.И. Нарожный работает учителем истории в СШ №2 г. Грозного. С марта 1986 года, после открытия в стенах ЧИГУ хозрасчетной археологической лаборатории, переходит в нее на должность старшего лаборанта. Лаборатория активно просуществовала вплоть до 1992 г. [34, с. 270–280; 35, с. 29–35]. Тогда Евгений Иванович, занимавший на тот момент должность заместителя начальника этой лаборатории, вместе с группой своих коллег по ЧИГУ был принят в Армавирский государственный педагогический институт (АГПИ, АГПУ и АГПА) на исторический факультет, открывшийся буквально за полгода до их переезда. Работая сначала на кафедре всеобщей истории, наш юбиляр активно участвует в разработке новаторской программы курса всеобщей истории [6, с. 125–

135], а затем и курса «Новой истории» [45; 52, с. 11–12]. После перехода на выделившуюся кафедру регионоведения и специальных исторических дисциплин [13, с. 3–6] «ставил» и читал курс «Вспомогательных (впоследствии – специальных) исторических дисциплин», «Историю Кубани» [7; 13, с. 3–6], руководил группой студентов-практикантов на учебно-полевой археологической практике и пр. [49, с. 292–293]. Сразу же была создана и хозрасчетная археологическая лаборатория, в 2002 г. реорганизованная в хозрасчетный «Центр археологических исследований» АГПИ [50; 51], директором которого Е.И. Нарожный проработал вплоть до 2012 г. Специфика этой работы заключалась в том, что «Центр ...» должен был оперативно участвовать в безотлагательных охранно-спасательных археологических исследованиях на новостройках не только Краснодарского края, но и соседних регионов [3, с. 3–4]. А работать пришлось в зоне строительства газопроводного консорциума «Голубой поток» (Россия–Турция), прокладки различных коммуникаций к месту проведения Олимпийских игр в Сочи, по маршруту ныне уже пущенного в строй газопровода «Турецкий (Южный) поток», а также и на археологических объектах, изучавшихся под строительство Крымского моста [43, с. 215–226; 47, с. 241–263; 48, с. 116–119; 50; 51] и т.д. Вплоть до 2012 г. все это совмещалось с преподаванием, при этом Е.И. Нарожный не забывал и о своем постоянном научном интересе – археологии и истории Золотой Орды, которыми заниматься приходилось в «свободное время», а его не всегда хватало в полной мере, особенно после перехода вместе с основным составом «Центра ...» (2012 г.) в ГУП (впоследствии – ОАО и НАО) «Наследие Кубани». Тем не менее в 1998 г. он защищает кандидатскую [14], а затем и докторскую [29] диссертации, во многом базировавшиеся на результатах проводившихся с его участием охранно-спасательных археологических изысканий. Эти исследования, по мере возможностей, «состыкованы» с данными не только письменных источников, но и нумизматики. Он – ответственный редактор уже семнадцати содержательных и хорошо известных специалистам научных сборников «Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа», часть статей которых посвящена исследованию археологических и нумизматических материалов эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа; он – составитель и ответственный редактор ряда брошюр и сборников и рецензент книг и статей в разных журналах, в т.ч. рецензируемых в ВАКе и индексируемых в Scopus. Сегодня Е.И. Нарожный является одним из основных специалистов по истории и археологии северокавказских владений Золотой Орды. Он – автор и соавтор более 600 научных публикации (неполный список основных его работ (по 2013 г.) см: [12]), в т.ч. пяти монографий [5; 11; 31; 40; 41], двух небольших книг библиографического содержания, как и серии таковых же очерков, издаваемых им в сборниках. При этом библиографические издания с его участием открываются анализом наследия В.Н. Татищева, ставшего одним из первых инициаторов не только в изучении Северного Кавказа, но и золотоордынских бытовых памятников Поволжья и Северного Кавказа. Некоторые из собранных Татищевым сведений о северокавказских древностях, как показал Е.И. Нарожный, заинтересовали и российскую императрицу Екатерину II, если судить по одному из документов с ее автографом

1768 г. Значительное внимание нашим юбиляром уделяется сбору и публикации биобиблиографических сведений о современных кавказоведах, в т.ч. не только археологах, но и историках, этнографах, нумизматах и переводчиках средневековых письменных источников кавказского происхождения [22, с. 240–242]. Кроме того, Е.И. Нарожный – автор и соавтор нескольких учебных пособий [46 и др.] и экспериментальных учебных программ [2; 7 и др.], апробированных на практике, причем не только в ВУЗе, где работал он, но и в других ведущих институтах и университетах Краснодарского края. Некоторые из таких работ почти сразу же были отрецензированы несколькими авторами [4, с. 202–206; 8, с. 33–34; 9, с. 52–53 и др.], в том числе зарубежными [53, s. 332–335].

Ведя речь о личном вкладе Е.И. Нарожного в развитие кавказоведческого золотоордынovedения, необходимо отметить и его перманентный интерес ко всем книжным новинкам, выходящим по данной проблематике, некоторые из которых были им отрецензированы. По мере возможностей, зачастую ограниченных хоздоговорной спецификой его работы, он участвует в разных археологических конференциях, в т.ч. Первой–Шестой Кубанских археологических конференциях; I–XIV «Чтениях по археологии Средней Кубани», XIX–XXXI «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа, «Анфимовских чтениях» по археологии Северо-Западного Кавказа, международных конференциях по археологии Абхазии, чтениях, посвященных памяти Ю.Н. Воронова, проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, II, IV и V Всероссийских Археологических съездах. Активно он публикуется в ряде научных изданий по золотоордынской тематике – «Золотоордынская цивилизация», «Нумизматика Золотой Орды», «Золотоордынское наследие», «Археология евразийских степей» и других, менее известных сборниках и журналах. Важно, что он, при возникновении споров, всегда имеет свой собственный взгляд; аргументируя свое мнение или точку зрения, как правило, всегда опирается на заслуживающие внимания доводы, сведения и источники.

Активно он участвует в археологических исследованиях, в выявлении совершенно новых бытовых и погребальных памятников кочевого и оседлого населения. Всегда интересны и его мысли по поводу «миксационных» и «взаимовоздействующих процессов» эпохи. Он – сторонник оперативного ввода в научный оборот, с соответствующими комментариями, новых, только что выявленных материалов и источников, а также старых, давно и незаслуженно «забытых» археологических и нумизматических находок [21, с. 117–127; 22, с. 43–47; 25, с. 78–80; 36, с. 105–115; 37, с. 90–94; 38, с. 439–496; 39, с. 61–66; 44, с. 247–268 и др.]. Интересными являются и его наблюдения о кочевых миграциях на Северный Кавказ в XIII–XIV вв. [19, с. 160–162; 20, с. 208–215; 26, с. 154–158; 30, с. 138–142; 33, с. 204–244 и др.]. Время и условия перемещения сюда из южнорусских степей черных клобуков [28, с. 212–223; 32, с. 138–150 и др.] постепенно «обрастают» новыми деталями и подробностями, хотя, конечно, не все его выводы воспринимаются специалистами однозначно, вызывая у отдельных определенным скепсис. Заслуживают внимание и его публикации новых находок половецких каменных статуй, длительное время являвшихся безвестными и просто хранившимися в маленьких, районных и станичных, музеях Краснодарского и Ставропольского краев. На основе этих материалов сделан ряд наблюдений о глобальной модернизации и

трансформации идеологии половецких кочевников в золотоордынское время. Он предполагает, к примеру, что под воздействием ислама, хотя и не повсеместно, уже в XIV столетии у новых поколений половцев, родившихся и выросших в системе золотоордынской государственности, быстро сформировалась тенденция к сознательному отказу от своей старой (домонгольского времени) традиционной системы обычаев и обрядов, предполагавшей изготовление, почитание и поклонение каменным идолам (т.н. «каменным бабам»). Именно эти изменения в конечном итоге и вызвали к жизни в кочевой среде значительной части Золотой Орды практику предания земле («ритуальному захоронению») этих самых, пока сохранявшихся, статуй-символов. Данному предположению Е.И. Нарожный приводит некоторые археологические подтверждения, и его точка зрения ныне находит все больше сторонников, хотя гипотеза по-прежнему имеет и отдельных оппонентов.

На основе накопленного археологического материала Е.И. Нарожный считает, что под влиянием ислама, в качестве еще одного примера происходивших в рамках Золотой Орды трансформаций прежних и традиционных обрядов, следует рассматривать и смену различных погребальных ориентировок на одну – «головой на запад» [18, с. 147–153]. Интенсивно занимаясь проблемами исторической географии XIII–XV вв., сегодня он активно «противостоит» попыткам почти «всеобщей адыгской» атрибуции целого ряда археологических объектов Северо-Западного Кавказа при полном отсутствии серьезных доводов на этот счет. Случаи, когда антропологами показана почти полная тождественность «адыгским материалам XV–XVI вв.» останков людей, происходящих из заведомо золотоордынских могильников Северо-Западного Кавказа, резонно, по его мнению, объяснить тем, что население, оставившее эти могильники XIII–XIV вв., пережив вторжение Тимура, еще некоторое время продолжало оставаться на прежних местах, активно контактируя (смешиваясь) с окружающими обитателями, став, фактически, уже населением постзолотоордынского времени. Оно, по каким-то причинам, массово «вливается» в среду еще формирующейся протоадыгской общности, что вполне может объяснить выявленную антропологами «общность» [16, с. 22–32; 24, с. 145–156].

Являясь разносторонне подготовленным и довольно оригинально мыслящим исследователем, Евгений Иванович внес определенный вклад и в разработку других научных проблем истории и археологии Северного Кавказа, степь, равнина и отчасти предгорья которого входили в систему политико-экономического диктата Золотой Орды. Отметим его заслуги и в исследовании специфики населения этого государства, его материальной культуры, в т.ч. поливной керамики [25, с. 513–538], комплекса вооружения [1, с. 191–201; 10, с. 599–641], религиозных воззрений [15, с. 17–19; 17, с. 264–271; 18, с. 147–153 и др.], взаимодействия его населения с окружающим миром. Ныне в систему научных интересов юбиляра входит археология и позднесредневековая история крымских татар (XVI–XVIII вв.), исследуемая им в тесном взаимодействии с крымскими коллегами [42, с. 170–174; 43, с. 215–226; 47, с. 241–263; 48, с. 116–119].

Мы надеемся, что Евгений Иванович продолжит столь же активно развивать спектр своих научных интересов и на новом этапе своей жизнедеятельности останется верным своему призванию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин С.Я., Нарожный Е.И. О северокавказских участниках Куликовской битвы и их вооружении // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 191–201.
2. Виноградов В.В., Нарожный Е.И. Специальные исторические дисциплины: содержание и методы работы в школах Кубани. Экспериментальные учебные программы для изучения и преподавания прикладного регионоведения. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1994. 16 с.
3. Виноградов В.В. Новый этап развития археологии в Армавирском гос. пед. университете // Двенадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов). Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 2005. С. 3–4.
4. Виноградов В.В. Степные кочевники XIII–XV вв. обретают свое лицо (биография научного поиска) // Средневековые кочевники Северного Кавказа / Нарожный Е.И. (ред.). Армавир, 2005. С. 202–206.
5. Виноградов В.В., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Очерки об исторических группах старожильческого населения Среднего Притеречья. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1997. 63 с.
6. Виноградов В.В., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Афро-азиатские сообщества. История и современность. М.: Наука, 1995. № 5. С. 125–135.
7. Виноградов В.В., Нарожная Ф.Б., Нарожный Е.И. История населения бассейна реки Кубани в системе планетарных связей. До начала XX в. Программа факультативного или специального курса для вузов, лицеев и школ. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1995. 34 с.
8. Виноградов В.В., Чернова Л.Н. Первый опыт учебного пособия по регионоведению – молодым историкам // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир; Краснодар: Армавирский государственный педагогический институт; Кубанский государственный университет, 2000. С. 33–34.
9. Великая Н.Н. «Без истории провинций нет истории России»: (В.Е. Науменко, Е.И. Нарожный. «Основы регионоведения». Ч. 1) // Кубань. Проблемы культуры и информатизации. Краснодар, 2000. №1. С. 52–53.
10. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда, Т. 2: Памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Казань; Кишинев: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Издательство «Stratum plus»; университет «Высшая антропологическая школа», 2019. С. 599–641.
11. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; Москва: «Арм. Полиграф», 2011. 266 с.
12. Золотая Орда: библиографический указатель. Автор-составитель Миргалеев И.М. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 412 с.
13. Кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин АГПИ. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1998. 26 с.

14. *Нарожный Е.И.* Восточные и западные инновации у населения верхнего и Среднего Притеречья (археолого-историческое исследование)». Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. 25 с.

15. *Нарожный Е.И.* О католической церковно-миссионерской деятельности в бассейне Черного и Каспийского морей // Материалы заседания, посв. 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы акад. В.Б. Виноградова. Ч. 2. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1994. С. 17–19.

16. *Нарожный Е.И.* Археологические памятники XIII–XV вв. на Кубани: (некоторые актуальные направления в их изучении) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 24. Краснодар: Центр научно-технической информации, 2019. С. 22–32.

17. *Нарожный Е.И.* Из истории исламизации в северокавказских владениях Золотой Орды // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология. Материалы Всероссийской научной конференции 7–8 октября 2011 г. Карачаевск: Карачаевский государственный университет, 2011. С. 264–271.

18. *Нарожный Е.И.* Конфессиональный синкретизм XIII–XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2014. С. 147–153.

19. *Нарожный Е.И.* Кочевники XIII–XIV вв. на Северном Кавказе // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай»: истоки евразийской цивилизации, 1-го международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань. 7–11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. Казань, 2009. С. 160–162.

20. *Нарожный Е.И.* Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII–XV вв.) // Между Востоком и Западом: движение культур, технология и империй. III международный конгресс средневековой археологии евразийских степей / Под ред. Крадина Н.Н. и Ситдикова А.Г. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 208–215.

21. *Нарожный Е.И.* Монетные находки XIII–XV вв. в погребениях: некоторые аспекты семиотических оценок известных артефактов // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 117–127.

22. *Нарожный Е.И.* Монетный клад 1891 г. из сел. Сандатовское (Ставрополье) // Историческая и социально-образовательная мысль. Всероссийский научный журнал. Краснодар, 2015. Т. 7. № 5. Ч. 1. С. 43–47.

23. *Нарожный Е.И.* Несколько слов о биобиблиографической серии нашего сборника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11 / Под ред. Нарожного Е.И. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2011. С. 240–242.

24. *Нарожный Е.И.* Новое диссертационное исследование по истории и археологии средневекового населения региона // Кубанские исторические чтения. X международная научно-практическая конференция (г. Краснодар, 21 июня 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 145–156.

25. *Нарожный Е.И.* О находках поливной керамики XIII–XIV вв. на территории Северного Кавказа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. / Под ред. Бочарова С.Г., Франсуа В., Ситдикова А.Г. Казань; Кишинев, 2017. С. 513–538.

26. *Нарожный Е.И.* О специфике денежного обращения на Северном Кавказе в первой трети XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург–Гатчина 16–21 апреля 2007 года. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2007. С. 78–80.

27. *Нарожный Е.И.* Парные кочевнические захоронения XIII–XIV вв. на Северном Кавказе: аналогии и этнокультурный контекст // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии. (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2-х кн. Кн. 1. / Отв. ред.: акад. РАН Базаров Б.В., чл.-кор. РАН Крадин Н.Н. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН, 2019. С. 154–158.

28. *Нарожный Е.И.* Половцы или черные клобуки? (По поводу критических замечек И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 2003. С. 212–223.

29. *Нарожный Е.И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дис. ... д.и.н. – 07.00.02 – Отечественная история. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2010. 58 с.

30. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Восточного Причерноморья // Кочевые цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние проблемы. Сборник материалов III международной научно-практической конференции. Красноярск; Кызыл, 2012. С. 138–142.

31. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: «Арм. Полиграф», 2005. 210 с.

32. *Нарожный Е.И.* Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. / Под ред. Прякина А.Д. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. С. 138–150.

33. *Нарожный Е.И.* Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения // Средневековая археология Евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 204–212.

34. *Нарожный Е.И., Мамаев Р.Х.* Хоздоговорная археологическая лаборатория ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (1986–1992 гг.) // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» / Ответственный редактор Нахаев М.Р. Грозный: Чеченский государственный университет, 2018. С. 270–280.

35. *Нарожный Е.И., Нарожный В.Е.* Из истории археологического изучения Чечено-Ингушетии (1986–1992 гг.) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2011. № 3 (41). С. 29–35.

36. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* «Петровский» монетный клад на Кубани: некоторые итоги и перспективы изучения // Нумизматика Золотой Орды. Научный ежегодник. Казань. 2015. № 5. С. 105–115.

37. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Еще раз о находках золотых делийских динаров на Маджарах // Археология евразийских степей, Вып. 23: Материалы Первого Маджарского археологического форума. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 90–94.

38. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* К истории изучения нумизматического материала Северного Кавказа XIII–XV веков (историографический аспект) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Сб. научных статей к 90-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана / Отв. ред. чл.-корр. НАН РК Байталиев Б.А. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 439–496.

39. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О «Петровском кладе» на Кубани // Наукові записки КДПУ. Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. С. 61–66.
40. Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7). Армавир; Ставрополь, 2007. 173 с.
41. Нарожный Е., Охонько Н. Новопавловский кочевнический могильник эпохи Золотой Орды. Публикация материалов. Saarbrücken: Lambert Academic Publication, 2011. 242 с.
42. Нарожный Е.И., Сейдалиев Э.И., Соков П.В. Курительные трубки из раскопок поселения Кош-Кую и «комплекса поселений Биели» (Ленинский район Республики Крым) // Донские древности, Вып. 12: Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции (Азов, 14–18 октября 2019 г.). Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2019. С. 170–174.
43. Нарожный Е.И., Соков П.В., Соколов П.М. Охранно-спасательные археологические исследования «Комплекса поселений Биели» (Ленинский район Республики Крым) в 2018 г. // История и археология Крыма, Вып. 11: Материалы научно-практической конференции по итогам полевого археологического сезона 2018 г. в Крыму (Симферополь, 5–7 декабря 2018 г.) / Под ред. Майко В.В. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2019. С. 215–226.
44. Нарожный Е.И., Цуциев А.А. Северный Кавказ в период с 1222 г. по конец 1230-х годов (по грузинским монетным находкам) // Stratum plus. Археология и культурная антропология, № 6: Рах mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: «Stratum plus», 2016. С. 247–268.
45. Нарожный Е.И., Чернова Л.Н. Новая история в современных подходах и дискуссиях предшественников. Планы семинарских занятий и материалы для изучения. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1997. 30с.
46. Науменко В.Е., Нарожный Е.И. Основы регионоведения. Северный Кавказ. Ч. 1. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 1999. 220 с.
47. Паль Е.П., Ткачева Н.Н. и др. Охранно-спасательные археологические исследования 2018 г. на Кубани и в Крыму // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 17 / Под ред. Нарожного Е.И. Армавир; Краснодар, 2019. С. 241–263.
48. Сейдалиев Э.И., Нарожный Е.И., Соков П.В. Охранно-спасательные исследования на поселении Кош-Кую (предварительные итоги) // История и археология Крыма. Вып. VIII. Сборник статей / Под ред. Майко В.В. Симферополь: «Колорит», 2018. С. 116–119.
49. Трехбратов Б.А. Кто есть кто в кубановедении. Краснодар: «Традиция», 2007. 420 с.
50. Центр археологических исследований АГПИ. Отчет по НИР за 2007 г. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 2007. 52 с.
51. Центр археологических исследований АГПУ. Отчет по НИР за 2008 г. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2008. 40 с.
52. V лет кафедре всеобщей истории АГПИ. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1998. 32 с.
53. Spinei V. I.A. Druzhinina, V.N. Chkhaidze, E.J. Narozhniy. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье [Nomazii medievale din partea răsăriteană a Mării de Azov], ed M.V. Gorelik, Armavir-Moscova. 2011. 266 p. // Arheologia Moldovei. București/Suceava, 2014. Vol. 37. P. 332–335

Сведения об авторе: Владимир Павлович Мокрушин – ведущий специалист, Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани» (350063, ул. Красноармейская, 16, Краснодар, Российская Федерация). E-mail: vlmokrushin@yandex.ru

Поступила 30.08.2020 Принята к публикации 27.11.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Berezin S.Ya. and Narozhnyy E.I. O severokavkazskikh uchastnikakh Kulikovskoy bitvy i ikh vooruzhenii [About the North Caucasian participants of the battle of Kulikovo and their weapons]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political Science. Economy. Computer Science]. 2010, no. 7 (78), iss. 14, pp. 191–201. (In Russian)
2. Vinogradov B.V. and Narozhnyy E.I. *Spetsial'nye istoricheskie distsipliny: sodержanie i metody raboty v shkolakh Kubani. Eksperimental'nye uchebnye programmy dlya izucheniya i prepodavaniya prikladnogo regionovedeniya* [Special Historical Disciplines: Content and Methods of Work in the Kuban Schools. Experimental Training Programs for Studying and Teaching Applied Regional Studies]. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 1994. 16 p. (In Russian)
3. Vinogradov V.B. Novyy etap razvitiya arkheologii v Armavirskom gos. ped. universitete [A new stage in the development of archaeology at Armavir State Pedagogical University]. *Dvenadtsatye chteniya po arkheologii Sredney Kubani (Kratkoe sodержanie dokladov)* [Twelfth Readings on Archaeology of the Middle Kuban Region (Summary of reports)]. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 2005, pp. 3–4. (In Russian)
4. Vinogradov V.B. Stepnye kochevniki XIII–XV vv. obretayut svoe litso (biografiya nauchnogo poiska) [Steppe nomads from the thirteenth to fifteenth century find their own face (biography of academic research)]. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza* [Medieval Nomads of the North Caucasus]. Narozhnyy E.I. (ed.). Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2005, pp. 202–206. (In Russian)
5. Vinogradov V.B., Velikaya N.N., and Narozhnyy E.I. *Na Terskikh beregakh. Ocherki ob istoricheskikh gruppakh starozhil'cheskogo naseleniya Srednego Priterekh'ya* [On the Banks of the Terek. Essays on Historical Groups of Long-standing Population of the Cis-Terek Region]. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 1997. 63 p. (In Russian)
6. Vinogradov V.B., Dudarev S.L., and Narozhnyy E.I. Osnovnye etapy vsemirnoy istorii. Metodicheskiy material [The main stages of world history. Methodical material]. *Vostok. Afro-aziatskie soobshchestva. Istoriya i sovremennost'* [Orient. Afro-Asian Communities. History and Modernity]. Moscow: "Science", 1995, no. 5, pp. 125–135. (In Russian)
7. Vinogradov V.B., Narozhnaya F.B., and Narozhnyy E.I. *Istoriya naseleniya basseyna reki Kubani v sisteme planetarnykh svyazey. Do nachala XX v. Programma fakul'tativnogo ili spetsial'nogo kursa dlya vuzov, litseev, i shkol* [History of the Population of the Kuban River Basin in the System of Planetary Relations. Prior to the beginning of twentieth century. An Elective or Special Course Program for Universities, Lyceums, and Schools]. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 1995. 34 p. (In Russian)
8. Vinogradov V.B. and Chernova L.N. Pervyy opyt uchebnogo posobiya po regionovedeniyu – molodym istorikam [First experience of a regional studies textbook for young historians]. *Arkheologiya, etnografiya i kraevedenie Kubani* [Archaeology, Ethnography, and Local History of the Kuban Region]. Armavir; Krasnodar: Armavir State Pedagogical Institute; Kuban State University, 2000, pp. 33–34. (In Russian)

9. Velikaya N.N. "Bez istorii provintsiy net istorii Rossii": (V.E. Naumenko, E.I. Narozhnyy. "Osnovy regionovedeniya". Ch. 1) ["There is no history of Russia without the history of the province": Naumenko V.E. and Narozhny E.I. "Basics of regional studies". Part 1]. *Kuban'. Problemy kul'tury i informatizatsii* [The Kuban Region. Problems of Culture and Informatization]. Krasnodar, 2000, no. 1, pp. 52–53. (In Russian)

10. Dmitriev A.V. and Narozhnyy E.I. Dva zakhoroneniya voinov-kochevnikov XIII–XIV vv. iz Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya (k istorii formirovaniya kompleksa vooruzheniya Zolotoy Ordy) [Two burials of nomadic warriors of the thirteenth and fourteenth century from the northeastern Black Sea region (to the history of the formation of the Golden Horde's weaponry complex)]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda*, T. 2: *Pamyati G.A. Fedorova-Davydova (1931–2000)* [Genoese Gazaria and the Golden Horde, Vol. 2: In Memory of G.A. Fedorov-Davydov (1931–2000)]. Kazan; Kishinev: A.H. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences; Publishing house "Stratum plus"; University "High anthropological school", 2019, pp. 599–641. (In Russian)

11. Druzhinina I.A., Chkhaidze V.N., and Narozhnyy E.I. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e* [Medieval Nomads in the Eastern Azov Region]. Armavir; Moscow: "Arm. Polygraph", 2011. 266 p. (In Russian)

12. *Zolotaya Orda: bibliograficheskiy ukazatel'* [The Golden Horde: Bibliographic Index]. Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 412 p. (In Russian)

13. *Kafedra regionovedeniya i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin AGPI* [Department of Regional Studies and Special Historical Disciplines of the Armavir State Pedagogical Institute]. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 1998. 26 p. (In Russian)

14. Narozhnyy E.I. *Vostochnye i zapadnye innovatsii u naseleniya verkhnego i Srednego Priterech'ya (arkheologo-istoricheskoe issledovanie)*. *Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [Eastern and Western Innovations among the Population of the Upper and Middle Cis-Terek Region (archaeological and historical study). PhD Thesis]. Voronezh: Voronezh State University, 1998. 25 p. (In Russian)

15. Narozhnyy E.I. O katolicheskoy tserkovno-missionerskoy deyatelnosti v basseynе Chernogo i Kaspiyskogo morey [About Catholic church and missionary activity in the Black Sea and Caspian Sea basin]. *Materialy zasedaniya, posv. 30-letiyu nauchno-tvorcheskoy, pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatelnosti shkoly akad. V.B. Vinogradova* [Proceedings of the Meeting Dedicated to the Thirtieth Anniversary of the Scientific, Creative, Pedagogical, and Social Activities of the School of Academician V.B. Vinogradov]. Part 2. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 1994, pp. 17–19. (In Russian)

16. Narozhnyy E.I. Arkheologicheskie pamyatniki XIII–XV vv. na Kubani: (nekotorye aktual'nye napravleniya v ikh izuchenii) [Archaeological sites from the thirteenth to fifteenth century in the Kuban region: Some current trends in their study]. *Sotsial'no-gumanitarnyy vestnik. Vserossiyskiy sbornik nauchnykh trudov* [Social and Humanitarian Bulletin. All-Russian Collected Papers]. Krasnodar: Center for Scientific and Technical Information, 2019, vol. 24, pp. 22–32. (In Russian)

17. Narozhnyy E.I. Iz istorii islamizatsii v severokavkazskikh vladeniyaх Zolotoy Ordy [From the history of Islamization in the North Caucasian possessions of the Golden Horde]. *Islam v dukhovnom prostranstve Severnogo Kavkaza: istoriya, filosofiya, sotsiologiya*. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 7–8 oktyabrya 2011 g.* [Islam in the Spiritual Space of the North Caucasus: History, Philosophy, and Sociology. Proceedings of the All-Russian Research conference. October 7–8, 2011]. Karachayeysk: Karachay State University, 2011, pp. 264–271. (In Russian)

18. Narozhnyy E.I. Konfessional'nyy sinkretizm XIII–XV vv. v pogrebal'nykh obryadakh naseleniya Severnogo Kavkaza [Confessional syncretism from the thirteenth to fifteenth century in the burial rites of the population of the North Caucasus].

teenth century in funeral rites of the population of the North Caucasus]. *Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentral'noy Azii. Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Religion in the History of the Peoples of Russia and Central Asia. Proceedings of the Second International Research Conference]. Barnaul: Publishing house of the Altai State University, 2014, pp. 147–153. (In Russian)

19. Narozhnyy E.I. Kochevniki XIII–XIV vv. na Severnom Kavkaze [Nomads of the thirteenth and fourteenth century in the North Caucasus]. *Forum "Idel'-Altay". Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Idel'-Altay": istoki evraziyskoy tsivilizatsii, 1-go mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey. Kazan'. 7–11 dekabrya 2009 g. Tezisy dokladov* [Forum "Idel'-Altai". Proceedings of Research Conference "Idel'-Altai: The Origins of Eurasian Civilization", the First International Congress of Medieval Archaeology of Eurasian Steppes. Kazan. December 7–11, 2009. Abstracts]. Kazan, 2009, pp. 160–162. (In Russian)

20. Narozhnyy E.I. Kochevniki Severnogo Kavkaza: etnokul'turnoe predstavitel'stvo i vzaimovozdeystvie (XIII–XV vv.) [Nomads of the North Caucasus: Ethnocultural representation and interaction (from the thirteenth to fifteenth century)]. *Mezhd Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologiya i imperiy. III mezhdunarodnyy kongress srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey* [Between East and West: The Movement of Cultures, Technology, and Empires. The Third International Congress of Medieval Archaeology of Eurasian Steppes]. Vladivostok: "Dal'nauka", 2017, pp. 208–215. (In Russian)

21. Narozhnyy E.I. Monetnye nakhodki XIII–XV vv. v pogrebeniyakh: nekotorye aspekty semioticheskikh otsenok izvestnykh artefaktov [Coin finds in burials from the thirteenth to fifteenth century: Some aspects of semiotic evaluations of known artifacts]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of Eurasian Steppes]. 2017, no. 6, pp. 117–127. (In Russian)

22. Narozhnyy E.I. Monetnyy klad 1891 g. iz sel. Sandatovskoe (Stavropol'e) [A hoard of 1891 from Sandatovskoe village (Stavropol' region)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. Vserossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Historical and Socio-educational Thought. All-Russian Scientific Journal]. Krasnodar, 2015, vol. 7, no. 5, part 1, pp. 43–47. (In Russian)

23. Narozhnyy E.I. Neskol'ko slov o biobibliograficheskoy serii nashego sbornika [Few words about the biobibliographic series of our collection]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches of Archaeology of the North Caucasus]. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2011, iss. 11, pp. 240–242. (In Russian)

24. Narozhnyy E.I. Novoe dissertatsionnoe issledovanie po istorii i arkheologii srednevekovogo naseleniya regiona [New dissertation research on the history and archaeology of the medieval population of the region]. *Kubanskies istoricheskie chteniya. X mezhdunarodnaya nauchno – prakticheskaya konferentsiya (g. Krasnodar, 21 iyunya 2019 g.* [Kuban Historical Readings. The Tenth International Research Conference (Krasnodar, June 21, 2019)]. Krasnodar, 2019, pp. 145–156. (In Russian)

25. Narozhnyy E.I. O nakhodkakh polivnoy keramiki XIII–XIV vv. na territorii Severnogo Kavkaza [About finds of glazed ceramics of the thirteenth and fourteenth century on the territory of the North Caucasus]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* [Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea Region from the tenth to eighteenth century]. Vol. 2. Kazan; Kishinev, 2017, pp. 513–538. (In Russian)

26. Narozhnyy E.I. O spetsifike denezhnogo obrashcheniya na Severnom Kavkaze v pervoy treti XIII veka [On the specifics of monetary circulation in the North Caucasus in the first third of thirteenth century]. *XIV Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Sankt-Peterburg–Gatchina 16–21 aprelya 2007 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [The Fourteenth All-Russian Numismatic Conference. Saint Petersburg–Gatchina, April 16–21, 2007. Abstracts of Reports]. St. Petersburg, 2007, pp. 78–80. (In Russian)

27. Narozhnyy E.I. Parnye kochevnicheskie zakhoroneniya XIII–XIV vv. na Severnom Kavkaze: analogii i etnokul'turnyy kontekst [Paired nomadic burials of the thirteenth and fourteenth century in the North Caucasus: analogies and ethnocultural context] *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. IV mezhdunarodnyy kongress srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey, posvyashchennyy 100-letiyu rossiyskoy akademicheskoy arkheologii. (Ulan-Ude, 16–21 sentyabrya 2019 g.). V 2-kh kn.* [Nomadic Empires of Eurasia in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Research. The Fourth International Congress of Medieval Archaeology of Eurasian Steppes Dedicated to the Hundredth Anniversary of Russian Academic Archaeology. Ulan-Ude, September 16–21, 2019. In Two Books]. Book 1. Bazarov B.V. and Kradin N.N. (eds). Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 154–158. (In Russian)
28. Narozhnyy E.I. Polovtsy ili chernye klobuki? (Po povodu kriticheskikh zametok I.N. Anfimova i Yu.V. Zelenskogo) [The Polovtsians or Black Hoods? (About critical notes by I.N. Anfimov and Yu.V. Zelensky)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches of Archaeology of the North Caucasus]. Vol. 2. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2003, pp. 212–223. (In Russian)
29. Narozhnyy E.I. *Severnyy Kavkaz v XIII–XV vekakh: problemy politicheskoy istorii i etnokul'turnogo vzaimovozdeystviya. Avtoref. dis. ... d.i.n.* [The North Caucasus from the thirteenth to fifteenth century: Problems of Political History and Ethno-cultural Interaction. PhD Thesis]. Vladikavkaz: North Ossetian State University, 2010. 58 p. (In Russian)
30. Narozhnyy E.I. Srednevekovye kochevniki Vostochnogo Prichernomor'ya [Medieval nomads of the Eastern Black Sea region]. *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noy Azii: istoriya, sostoyanie problemy. Sbornik materialov III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Nomadic Civilizations of the Peoples of Central Asia: History, State of the Problem. Proceedings of the Third International Research Conference]. Krasnoyarsk; Kyzyl, 2012, pp. 138–142. (In Russian)
31. Narozhnyy E.I. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimovozdeystviya epokhi Zolotoy Ordyy)* [Medieval Nomads of the North Caucasus: Some Debatable Problems of Ethnocultural Interaction of the Golden Horde's Era]. Armavir: "Arm. Polygraph", 2005. 210 p. (In Russian)
32. Narozhnyy E.I. Chernye klobuki na Severnom Kavkaze. O vremeni i usloviyakh pereseleniya [The Black Hoods in the North Caucasus. About the time and conditions of relocation]. *Evraziyskaya step' i lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ya. Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Eurasian Steppe and Forest-steppe during the Early Middle Ages. Archaeology of the Eastern European Forest-steppe]. Voronezh: Voronezh State University, 2000, iss. 14, pp. 138–150. (In Russian)
33. Narozhnyy E.I. Etnokul'turnyy sostav kochevogo i osedlogo naseleniya severokavkazskikh vladений Zolotoy Ordyy: nekotorye itogi i perspektivy izucheniya [Ethno-cultural composition of the nomadic and sedentary population of the North Caucasian possessions of the Golden Horde: Some results and prospects of study]. *Srednevekovaya arkheologiya Evraziyskikh stepey: Materialy Uchreditel'nogo s"ezda Mezhdunarodnogo kongressa* [Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of the Founding Meeting of the International Congress]. Vol. 1. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2007, pp. 204–212. (In Russian)
34. Narozhnyy E.I. and Mamaev R.Kh. Khozdogovornaya arkheologicheskaya laboratoriya ChIGU im. L.N. Tolstogo (1986–1992 gg.) [Economic-contract archaeological laboratory of the L.N. Tolstoy Chechen-Ingush State University (1986–1992)]. *Kavkazskiy mir: problemy obrazovaniya, yazyka, literatury, istorii i religii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu FGBOU VO "Chechenskiy gosudarstvennyy universitet"* [Caucasian World: Problems of Education, Language, Literature, History, and Religion. Proceedings of the International Research Conference Dedic-

ted to the Eightieth Anniversary of the Chechen State University]. Nakhaev M.R. (ed.). Grozny: Chechen State University, 2018, pp. 270–280. (In Russian)

35. Narozhnyy E.I. and Narozhnyy V.E. Iz istorii arkheologicheskogo izucheniya Checheno–Ingushetii (1986–1992 gg.) [From the history of archaeological study of Chechen–Ingushetia (1986–1992)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Life in the South of Russia]. Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 2011, no. 3 (41), pp. 29–35. (In Russian)

36. Narozhnyy E.I. and Narozhnaya F.B. “Petrovskiy” monetnyy klad na Kubani: nekotorye itogi i perspektivy izucheniya [The “Petrovsky” coin hoard in the Kuban region: Some results and prospects of study]. *Numizmatika Zolotoy Ordy=Golden Horde Numismatics*. Kazan, 2015, no. 5, pp. 105–115. (In Russian)

37. Narozhnyy E.I. and Narozhnaya F.B. Eshche raz o nakhodkakh zolotykh deliyskikh dinarov na Madzharakh [Once again about the finds of gold Delhi dinars in Majars]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey*, Vyp. 23: *Materialy Pervogo Madzharskogo arkheologicheskogo foruma* [Archaeology of the Eurasian Steppes, Vol. 23: Proceedings of the First Majar Archaeological Forum]. Kazan: Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 90–94. (In Russian)

38. Narozhnyy E.I. and Narozhnaya F.B. K istorii izucheniya numizmaticheskogo materiala Severnogo Kavkaza XIII–XV vekov (istoriograficheskiy aspekt) [On the history of the study of the numismatic material of the North Caucasus from the thirteenth to fifteenth century (historiographic aspect)]. *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney). Sb. nauchnykh statey k 90–letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana* [Cultural Heritage of Eurasia (from antiquity to the present day). Collected Papers for the Ninetieth Anniversary of the Margulan Institute of Archaeology]. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2016, pp. 439–496. (In Russian)

39. Narozhnyy E.I. and Narozhnaya F.B. O “Petrovskom klade” na Kubani [About the “Petrovsky hoard” in the Kuban region]. *Naukovi zapiski KDPU. Sin'ovods'ka bitva 1362 roku v konteksti istorii Skhidnoi Evropi* [Scientific Notes of the Kirovohrid State Pedagogical University. The Battle of the Blue Waters in 1362 in the Context of the History of Eastern Europe]. Kirovohrid: Central Ukrainian State Pedagogical University named after V. Vinnichenko, 2014, pp. 61–66. (In Russian)

40. Narozhnyy E.I. and Okhon'ko N.A. *Novopavlovskiy mogil'nik XIV veka v sisteme evraziyskikh drevnostey* [The Novopavlovsky Burial Ground of the fourteenth century in the System of Eurasian Antiquities]. Armavir; Stavropol, 2007. 173 p. (In Russian)

41. Narozhnyy E. and Okhon'ko N. *Novopavlovskiy kochevnicheskii mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy. Publikatsiya materialov* [The Novopavlovsky Nomadic Burial Ground of the Golden Horde's Era. Publication of Materials]. Saarbrücken: Lambert Academic publications, 2011. 242 p. (In Russian)

42. Narozhnyy E.I., Seydaliev E.I., and Sokov P.V. Kuritel'nye trubki iz raskopok poseleniya Kosh-Kuyu i “kompleksa poseleniy Bieli” (Leninskiy rayon Respubliki Krym) [Smoking pipes from the excavations of the Kosh-Kuyu settlement and the “Bieli settlement complex” (Leninsky district of the Republic of Crimea)]. *Donskie drevnosti*, Vyp. 12: *Azak i mir vokrug nego. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Azov, 14–18 oktyabrya 2019 g.)* [The Don Region's Antiquities, Iss. 12: Azak and the World around It. Proceedings of the International Research Conference (Azov, October 14–18, 2019)]. Azov: Publishing house of the Azov Museum-reserve, 2019, pp. 170–174. (In Russian)

43. Narozhnyy E.I., Sokov P.V., and Sokolov P.M. Okhranno-spasatel'nye arkheologicheskie issledovaniya “Kompleksa poseleniy Bieli” (Leninskiy rayon Respubliki Krym) v 2018 g. [Preserve and rescue archaeological research of the “Bieli settlement complex” (Leninsky district of the Republic of Crimea) in 2018]. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, Vyp. 11: *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii po itogam polevogo arkheologicheskogo sezona 2018 g. v Krymu (Simferopol', 5–7 dekabrya 2018 g.)* [History and Archaeology of Crimea, Iss. 11: Proceedings of the Research Conference on the Results of the 2018 Field

Archaeological Season in Crimea (Simferopol, December 5–7, 2018)]. Simferopol: Institute of Archaeology of Crimea, 2019, pp. 215–226. (In Russian)

44. Narozhnyy E.I. and Tsutsiev A.A. Severnyy Kavkaz v period s 1222 g. po konets 1230-kh godov (po gruzinskim monetnym nakhodkam) [North Caucasus in the period from 1222 to the end of 1230s (according to Georgian coin finds)]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, №:6: Pax mongolica i evraziyskie potryaseniya XIII–XIV vekov [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology, No. 6: Pax mongolica and the Eurasian Upheavals of the thirteenth and fourteenth century]. Saint Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucharest: “Stratum plus”, 2016, pp. 247–268. (In Russian)

45. Narozhnyy E.I. and Chernova L.N. *Novaya istoriya v sovremennykh podkhodakh i diskussiyakh predshestvennikov. Plany seminarских zanyatiy i materialy dlya izucheniya* [New History in Modern Approaches and Discussions of Predecessors. Plans for Seminars and Teaching Materials]. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 1997. 30 p. (In Russian)

46. Naumenko V.E. and Narozhnyy E.I. *Osnovy regionovedeniya. Severnyy Kavkaz* [Basics of Regional Studies. North Caucasus]. Part 1. Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 1999. 220 p. (In Russian)

47. Pal' E.P., Tkacheva N.N., et al. Okhranno-spasatel'nye arkheologicheskie issledovaniya 2018 g. na Kubani i v Krymu [Preserve and rescue archaeological research in 2018 in the Kuban region and Crimea]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches of Archaeology of the North Caucasus]. Armavir; Krasnodar, 2019, iss. 17, pp. 241–263. (In Russian)

48. Seydaliev E.I., Narozhnyy E.I., and Sokov P.V. Okhranno-spasatel'nye issledovaniya na poselenii Kosh-Kuyu (predvaritel'nye itogi) [Preserve and rescue research at the Kosh-Kuyu settlement (preliminary results)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea]. Simferopol: Colorit, 2018, iss. 8, pp. 116–119. (In Russian)

49. Trekhbratov B.A. *Kto est' kto v kubanovedenii* [Who is Who in Kuban Studies]. Krasnodar: “Tradition”, 2007. 420 p. (In Russian)

50. *Tsentral'no-arkheologicheskikh issledovaniy AGPI. Otchet po NIR za 2007 g.* [Center for Archaeological Research of the Armavir State Pedagogical Institute. Research Report for 2007]. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 2007. 52 p. (In Russian)

51. *Tsentral'no-arkheologicheskikh issledovaniy AGPI. Otchet po NIR za 2008 g.* [Center for Archaeological Research of the Armavir State Pedagogical Institute. Research Report for 2008]. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2008. 40 p. (In Russian)

52. *V let kafedre vseobshchey istorii AGPI* [Five Years of the Department of General History of the Armavir State Pedagogical Institute]. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 1998. 32 p. (In Russian)

53. Spinei V. I.A. Druzhinina, V.N. Chkhaidze, E.J. Narozhniy. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e* [Review of I.A. Druzhinina, V.N. Chkhaidze, E.J. Narozhniy. Medieval Nomads in the Eastern Azov Region, Armavir; Moscova. 2011. 266 p.]. *Arheologia Moldovei* [Archaeology of Moldova]. București/Suceava, 2014, vol. 39, pp. 332–335. (In Russian)

About the author: Vladimir P. Mokrushin – Leading specialist, Non-public joint-stock company “Heritage of the Kuban” (16, Krasnoarmeyskaya Str., Krasnodar 350063, Russian Federation). E-mail: vlmokrushin@yandex.ru

Received August 30, 2020 Accepted for publication November 27, 2020

Published December 29, 2020

ХРОНИКА

К 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ В.В. ТРЕПАВЛОВА

Редакция журнала «Золотоордынское обозрение», коллектив Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и члены Международной ассоциации исследователей Золотой Орды поздравляют с 60-летием доктора исторических наук, руководителя Центра истории народов России и межнациональных отношений Института российской истории РАН **Вадима Винцеровича Трепавлова**.

Вадим Винцерович посвятил свою жизнь изучению истории Монгольской империи, Золотой Орды и постордынских тюрко-татарских государств. В 1983 г. он с отличием окончил исторический факультет Уральского государственного университета, а в 1988 г. в Институте истории СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII века». В этом исследовании Вадиму Винцеровичу удалось рассмотреть генезис монгольской государственности в контексте развития всего этнокультурного мира кочевников Евразии, выявив привнесенные Чингизханом элементы социально-политической организации, усовершенствовавшие общественный строй кочевой державы.

После окончания аспирантуры, будучи сотрудником Института истории СССР (затем ИРИ РАН), он продолжил изучение кочевых политий, посвятив докторскую диссертацию одному из самых малоизученных постордынских государственных образований – Ногайской Орде. В результате многолетней кропотливой работы в 2001 г. Вадим Винцерович успешно защитил докторскую диссертацию «История Ногайской Орды», которая стала первой фундаментальной научно-исследовательской работой по истории этой политии. Для реконструкции истории Ногайской Орды он привлек множество доселе неизвестных науке источников, преимущественно из Российского государственного архива древних актов.

На сегодняшний день Вадим Винцерович является одним из ведущих специалистов в данной отрасли исторической науки и ордыноведения в целом. Из-под его пера вышло более 450 научных работ, в том числе 11 фундаментальных монографий, без обращения к которым не может обойтись ни один исследователь средневековых кочевников Евразии. 19 ноября 2020 г. члены Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды», признавая вклад Вадима Винцеровича в развитие исторической науки, избрали его своим председателем.

**Желаем нашему юбиляру крепкого здоровья
и новых творческих успехов!!!**

**REGARDING THE CELEBRATION
OF THE SEVENTIETH BIRTHDAY OF MÁRIA IVANICS**

Guldana Togabayeva

University of Szeged

Szeged, Hungary

togabayeva.guldana@gmail.com

The seventieth birthday commemoration of the outstanding representative of Hungarian Turkic studies, Professor Mária Ivanics, was held 11 September 2020, at 11 a.m., in the Faculty of Humanities and Social Sciences building at the University of Szeged in Hungary. Professor Ivanics's many friends, colleagues, and students gathered to congratulate her and pay tribute to her professional achievements. The Vice Dean of the faculty, Klára Sándor, Academician András Róna-Tas (in absentia), Professor Sándor Papp, and Professor István Zimonyi spoke in honor of Professor Ivanics. Among these presenters, Professor István Zimonyi, the head of the Department of Altaic Studies and the Department of Medieval History, spoke on behalf of the former department about Ivanics' academic career and presented the volume *Ottomans–Crimea–Jochids: Studies in Honour of Mária Ivanics*, in which leading Hungarian and foreign scholars and young researchers published papers dedicated to her. This Festschrift presents various aspects of the development of Turkic culture and languages, Turkic-Hungarian relations (including Ottoman-Hungarian relations), as well as the history and culture of the Ottoman Empire and the Golden Horde. It contains 29 works by scholars from universities in Germany, Russia, Turkey, Kazakhstan, and Hungary. The collected articles are presented in five languages – English, German, Russian, Hungarian, and Turkish.

Keywords: Mária Ivanics, Festschrift, Turkic Studies, University of Szeged, Hungary

For citation: Togabayeva G. Regarding the Celebration of the Seventieth Birthday of Mária Ivanics. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 838–843. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.838-843

Acknowledgements: I would like to express my warmest thanks to Professor István Zimonyi, Doctor Raushangul Mukusheva, and Doctor Balázs Dankó for helping and sharing with me the information about Professor Mária Ivanics during our meetings and discussions.

On August 31, 2020, Professor Mária Ivanics – an outstanding representative of Hungarian Turkic studies, professor of the University of Szeged, and a member of the Hungarian Academy of Sciences – celebrated her seventieth birthday. To commemorate this milestone, Professor Ivanics's many friends, colleagues, and students gathered on September 11, 2020, at 11 a.m., in the Faculty of Humanities and Social Sciences building at the University of Szeged in Hungary for a celebration in her honor.

The event began with an opening speech by Professor Klára Sándor, Vice Dean of the Faculty of Humanities and Social Sciences. On behalf of the founder of the Department of Altaic Studies at the University of Szeged, Academician András Róna-Tas, who was unable to attend the celebration, Dr. Éva Kincses-Nagy read a warm letter of congratulation. In his letter, Professor András Róna-Tas high-

lighted Professor Ivanics's human qualities along with her scientific work. He began her story in 1973, the year the University of Szeged's administration supported creation of the Department of Altaic Studies. At that time, Professor Róna-Tas was looking for an assistant lecturer who, in addition to having outstanding academic knowledge, would also engage in those issues of Turkic studies that he did not address. At the same time, he was looking for a specialist who would fit well in a new discipline – Altaic Studies. András Róna-Tas emphasized that it was a great success for him personally and for the university that Professor Ivanics joined the team. He thanked her for joint collaborative work on the details of vocational training, due to which the Department of Altaic Studies opened its doors to its first students in September 1974. Professor Róna-Tas also noted that working with Professor Ivanics was always easy and cloudless. She had the magical ability to solve difficult issues in the work sphere. He expressed his deepest respect for Mária Ivanics for their joint work and wished her good health, creative inspiration, and separately asked for further assistance in the department's work.

After the congratulations of Professor András Róna-Tas, Professor Sándor Papp, head of the Historical Doctoral School at the University of Szeged, gave a congratulatory speech. Then Professor István Zimonyi, head of the Department of Altaic Studies and the Department of Medieval History, spoke about Professor Ivanics's scientific career and presented her with a Festschrift, a volume titled *Ottomans–Crimea–Jochids: Studies in Honour of Mária Ivanics* [3]. Finally, Professor Ivanics thanked all those who could come in person and all the contributors to the Festschrift.

In the Festschrift *Ottomans–Crimea–Jochids: Studies in Honour of Mária Ivanics*, leading Hungarian and foreign researchers in Turkic and Ottoman studies paid tribute to Professor Ivanics's scientific achievements. The Festschrift presents 29 works by scientists from Germany, Russia, Turkey, Kazakhstan, and, of course, Hungary (Eötvös Loránd University, University of Debrecen, and University of Szeged). Articles are presented in five languages – English, German, Russian, Hungarian, and Turkish – and they address various aspects of the development of Turkic cultures and languages, Turkic-Hungarian relationships including Ottoman-Hungarian relationships, and the history and culture of the Ottoman Empire and the Golden Horde.

The Festschrift opens with an article by Klára Agyagási in Russian “К вопросу о хронологии изменения -d(r)- > -δ(r)- > -y(r)- в волжско-булгарских диалектах”. This article examines the change of the intervocal -d(r)- > -y(r)- and provides two authoritative scientists' opinions about these changes – András Róna-Tas and Johannes Benzing.

In the article “On discourse types and clause combining in Däftär-i Čingiz nāmā”, Professor Éva Csató and Professor Lars Johanson present a description of five discourse types and types of clause combining devices employed in the volume *Däftär-i Čingiz-nāmā* as a response to Professor Ivanics's invitation to further study of the manuscript. In the end, instead of drawing conclusions, they urge scholars to continue Turkic studies in both philological and linguistic areas and to cooperate with colleagues from different countries.

In another article based on the *Däftär-i Čingiz-nāmā*, “Московский Чаган хан”, Vadim Trepavlov presents the appearance of Čagan khan in *Däftär-i Čingiz nāmā* as the result of a combination of historical situations formed over

several centuries among the Turkic peoples. Čagan/ Tsagaan/ Sagaan is the Mongolian form of the word “white”, which is found in other Turkic sources as “*Aq khan*”. The scholar agrees with Mária Ivanics’s opinion that use of the epithet “white” to the Russian tsar and addition of the word “*khan*” to “white” testifies to Russian rulers’ artificial legitimation.

Academician András Róna-Tas dedicated a symbolic article “A birthday present for the Khitan Empress”. Before this article’s publication, a draft version was presented to the readers and subscribers on the professor’s page on Academia.edu, a social network for collaboration among scientists for comments and notes. The article concerns inscriptions written in Khitan Small Script on a jade jar. According to Professor Róna-Tas, the jar was a birthday present to the Khitan Empress from the Khitan Khan, and the article offers a graphic, phonological, and linguistic analysis of its text.

In the same vein, Doctor Éva Kincses-Nagy offers nine Crimean and Dobrujan Tatar words meaning “gift” in her article “Nine Gifts”.

The language instructor of Kazakh, Raushangul Mukusheva, presents the article “The presence of shamanism in Kazakh and Hungarian folklore”. She finds numerous ancient shamanistic elements in Kazakh and Hungarian folklore based on motifs of Kazakhs’ pre-Islamic beliefs and preconquest Hungarians’ worldview.

Doctor Balázs Danka, in “A misunderstood passage of Qādir ‘Ali-beg Jālāyirī’s Jāmī at-Tawārīḫ” considers the translation into the Kazakh language by scholars Rabiga Syzdykova and Mambet Koigeldiev of the passage from the “Compendium of Chronicles” by Qādir ‘Ali-beg in Volga-Turkī literary language. He analyzes that translation and provides a new Latin transcription with the passage’s translation into English.

In the article “On some taboo words in Yeniseian”, Doctor Bayarma Khabtagaeva discusses fifteen loanwords from the Yeniseian and Altaic languages to the taboo words category.

In “Was the Chinggisid khan an autocrat? Reflections on the Foundations of Chinggisid authority”, Professor Uli Schamiloglu, Head of the Department of Kazakh Language and Turkic Studies at Nazarbayev University (Kazakhstan), examines some aspects of the basis of the Chinggisid state from its creation through the Crimean Khanate in the seventeenth century. In particular, he elucidates the established concept of an autocrat with unlimited power.

The final article in the Festschrift is titled “Edil in Dāftār-i Čingiz-nāmā” and presented in English by Professor István Zimonyi, who considers the name of the hydronym Etil/ Edil (Volga) in *Dāftār-i Čingiz-nāmā*. In this article, Professor Zimonyi provides historical background for the names Etil/ Edil, illustrating with maps from the fifteenth to seventeenth century and listing various sources where components of Etil/ Edil were used.

Two articles in the Festschrift are presented in German: “Bemerkungen zu der neu gefundenen Dede Korkut-Handschrift, mit einer Übersetzung der dreizehnten Geschichte” by Hendrik Boeschoten and “Entstehung eines auf Osmanisch verfassten Friedenskonzepts Ein Beitrag zu der Vorgeschichte des Frieden von Eisenburg 1664” by Hajnalka Tóth. One article titled “Kaukázusi török népek kálváriája a népdalok tükrében” is written in Hungarian by Éva Csáki. Mustafa S. Kaçalin wrote “Joannes Lippha: Türkçe hayvan masalları” in Turkish. The rest of the articles

were written in English and Russian. In addition to the scientists mentioned above, the Festschrift also contains articles by such prominent researchers and young scientists as Henryk Jankowski, Mihály Dobrovits, Géza Dávid, Sándor Papp, Pál Fodor, Funda Güven, Benedek Péri, Claudia Römer, Beáta Varga, Il'ya Zaytsev and Reshat Aliev, László Balogh, Tasin Gemil, Csaba Göncöl, Murat Işık, and, finally, Barış Yılmaz. All dedicated their articles to Professor Mária Ivanics.

Mária Ivanics was born on August 31, 1950, in Budapest. She grew up in Gyömrő, a town near Budapest where her parents lived. After graduating from school in 1968, she entered Eötvös Loránd University (Budapest) where she studied the Russian language and literature. Later, she became interested in Turkic studies. In those years, the department had two separate full-time programs: general Turkic studies and Ottoman studies. Mária Ivanics chose the latter field under the supervision of Gyula Káldy-Nagy. In 1972, she spent one semester at Lenin-grad State University (now St. Petersburg State University) a requirement for all students of Russian philology.

In 1973, she defended her Master of Arts thesis on seventeenth-century Transylvanian and Crimean Tatar connections. After graduation, she began teaching Russian at a secondary school in Budapest. That year, the Department of Altaic Studies opened at József Attila University (now the University of Szeged), where she was invited to be an assistant lecturer by Professor András Róna-Tas, the head of the department. In 1976, Mária Ivanics successfully defended her doctoral dissertation *Crimean Tatar Documents in Hungary*. From 1980 until 1986, she relocated to Vienna (Austria) with her husband Imre Rész, the historian-archivist who was Hungarian deputy at the Austrian State Archives during those years. Professor Mária Ivanics regularly visited the archives in Vienna and collected many and varied materials she could use in her ongoing scholarly work. In addition, she attended Professor Anton Cornelius Schaendlinger's seminars and further developed her skill in reading complex Ottoman texts.

In 1992, Professor Ivanics defended her dissertation *The Crimean Khanate in the Fifteen Years' War 1593–1606*, earning the "Candidate of Science" degree from the Hungarian Academy of Science. In 2009, she defended her dissertation *The Nomadic Prince in the Dāftār-i Čingiz-nāmā: The Nomadic Mirror for Princes* and received the title "Doctor of Science" from the Hungarian Academy of Sciences; thereafter, she was elevated to full professorship. From 2008 to 2015, she headed the Department of Altaic Studies at the University of Szeged. From 2012 to 2017, Professor Ivanics led the MTA–SZTE Turkological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences and the University of Szeged in the project Cultural Heritage of the Turkic Peoples. In addition to lecturing and tutoring at the department, she is involved in editorial and organizational work. Professor Ivanics has been the editor of the Oriental series *Kőrösi Csoma Kiskönyvtár* published by the Hungarian Academy of Sciences since 2005 in Hungarian and co-editor of the series *Studia Uralo-Altaica* published in Szeged since 2008. Every week, she traveled to Szeged from Budapest by train, a 2.5–3 hour trip, to lecture at the University. She has taught undergraduate, graduate, and doctoral students, and under her supervision, Hungarian and foreign students have written and continue to write their dissertations.

Since 1989, Mária Ivanics has been a board member of the Kőrösi Csoma Society, a scholarly society of Hungarian Oriental scholarship. Since 1993, she has

been a member of the Oriental Studies Committee of the Hungarian Academy of Sciences. She became a board member of the Hungarian-Turkish Society of Friendship at its foundation in 1989, and from 2008 to 2017, she filled the post of vice-president. Professor Ivanics holds such outstanding awards as the Géza Kuun Award, the Ferenc Szakály Award, and the Award for Hungarian Higher Education. During her scientific work, she has received various research grants.

Her initial research topic was the Ottoman Empire and later, the Crimean Khanate, which played an important role in Hungarian history during the sixteenth and seventeenth century. Since Crimean Khanate traditions go back to the Golden Horde, the spectrum of Professor Ivanics's interests spilled over to the successor khanates of the Golden Horde, in particular to the Volga region. One of her latest books is *Hatalomgyakorlás a steppén – A Dzsingisz-náme nomad világa* [2]. This work's main theme is the anonymous narrative source of the seventeenth-century *Dāftār-i Čingiz-nāmā* [1], which was published in a carefully prepared critical edition with facsimile, transcription into Latin script, and dictionary in 2002, in collaboration with the late Professor Mirkasym A. Usmanov (Kazan).

Professor Ivanics's fluency in German, Russian, and Turkish enabled her to represent Hungarian Oriental studies at international scientific conferences and workshops. Her research studies have been published in Hungarian, German, Russian, English, and Turkish. She is in close contact with the turcologists and historians of Russia, Tatarstan, and Kazakhstan. We – numerous students, friends, and colleagues of Professor Ivanics spread all over the world-value both her scientific achievements and human qualities. We all congratulate and wholeheartedly wish our highly respected "Tanárnő" good health, bright ideas, and further scientific and creative projects.

REFERENCES

1. Ivanics M. and Usmanov M.A. *Das Buch der Dschingis-Legende (Dāftār-i Čingiz-nāmā)*, Vol. I: *Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles*. Szeged: Department of Altaic Studies, University of Szeged, 2002. 324 p. (In German)
2. Ivanics M. *Hatalomgyakorlás a steppén – A Dzsingisz-náme nomad világa* [Wielding Power on the Steppe – The Nomadic World of Chinggis-name]. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, Történettudomány Intézet, 2017. 336 p. (In Hungarian)
3. Zimonyi I. (ed). *Ottomans – Crimea – Jochids: Studies in Honour of Mária Ivanics*. Szeged: Department of Altaic Studies, University of Szeged, 2020. 373 p.

About the author: Guldana Togabayeva – PhD student at the Department of Altaic Studies, University of Szeged (2, Szeged Egyetem Str., Szeged 6722, Hungary). Email: togabayeva.guldana@gmail.com

*Received September 20, 2020 Accepted for publication December 3, 2020
Published December 29, 2020*

**О ТОРЖЕСТВЕННОМ МЕРОПРИЯТИИ,
ПОСВЕЩЕННОМ 70-ЛЕТИЮ МАРИИ ИВАНИЧ**

Гулдана Тогабаева

Сегедский университет

Сегед, Венгрия

togabayeva.guldana@gmail.com

11 сентября 2020 года в 11 часов утра в здании факультета гуманитарных и социальных наук Сегедского университета в Венгрии состоялось торжественное поздравление с 70-летием выдающегося представителя венгерской тюркологии, профессора Марии Иванич. На торжественном мероприятии собрались ее друзья, коллеги и ученики. Выступили с речью заместитель декана Клара Шандор, академик Андраш Рона-Таш (заочно), профессор Шандор Папп, профессор Иштван Зимони. От имени кафедры алтаистики выступил заведующий кафедрой алтаистики и кафедрой средневековой истории профессор Иштван Зимони. Он осветил научную деятельность Марии Иванич и торжественно преподнес подарок в виде юбилейного сборника статей, в котором ведущие венгерские и зарубежные ученые, молодые исследователи и соискатели посвятили ей коллективный труд «Османы–Крым–Джучиды: Исследования в честь Марии Иванич».

В этом сборнике представлены различные аспекты развития тюркских культур и языков, тюркско-венгерские отношения, в том числе османско-венгерские отношения, история и культура Османской империи и Золотой Орды. В сборнике представлены 29 работ ученых из Германии, России, Турции, Казахстана, и конечно же, Венгрии: Будапештский университет, Дебреценский университет и Сегедский университет. Статьи представлены на пяти языках: английском, немецком, русском, венгерском и турецком.

Ключевые слова: Мария Иванич, юбилейный сборник, тюркология, Сегедский университет, Венгрия

Для цитирования: Togabayeva G. Regarding the Celebration of the Seventieth Birthday of Mária Ivanics // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 838–843. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.838-843

Сведения об авторе: Гулдана Тогабаева – PhD студент кафедры алтаистики, Сегедский университет (6722, ул. Эдьетем, 2, Сегед, Венгрия). Email: togabayeva.guldana@gmail.com

*Поступила 20.09.2020 Принята к публикации 03.12.2020
Опубликована 29.12.2020*

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«АРАБО-ПЕРСИДСКИЕ И ОСМАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ»
(г.КАЗАНЬ, 26 НОЯБРЬ 2020 г.).**

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiia@mail.ru*

В Казани в онлайн-формате прошел Международный круглый стол, посвященный 195-летию со дня рождения В.Г. Тизенгаузена.

В состав участников круглого стола были привлечены известные ученые-специалисты по данной проблематике.

Обсуждались вопросы, связанные с выявлением, переводом и анализом арабских, персоязычных и тюркоязычных источников по истории Золотой Орды и татарских ханств.

Ключевые слова: международный круглый стол, рукопись, В.Г. Тизенгаузен, арабо-персидские и османские источники, Золотая Орда, научные мероприятия

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Международный научный круглый стол «Арабо-персидские и османские источники по истории Золотой Орды: проблемы изучения» (г. Казань, 26 ноября 2020 г.). // Золотоордынское обозрение. 2020. Т.8, № 4. С. 844–846. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.844-846

**INTERNATIONAL ACADEMIC ROUND TABLE
“ARABIC-PERSIAN AND OTTOMAN SOURCES
ON THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE:
RESEARCH PROBLEMS” (KAZAN, NOVEMBER 26, 2020)**

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

An international roundtable dedicated to the 195th anniversary of the birth of V.G. Tiesenhausen, was held in Kazan in an online format. Well-known experts in the field took part in the roundtable. They discussed issues related to the identification, translation, and analysis of Arabic, Persian, and Turkic sources on the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

Keywords: round table, presentation, V.G. Tiesenhausen, Arabic, Persian, and Turkic sources, Golden Horde, academic events

For citation: Giniyatullina L.S. International Academic Round Table “Arabic-Persian and Ottoman Sources on the History of the Golden Horde: Research Problems” (Kazan, November 26, 2020). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 844–846. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.844-846

26 ноября 2020 года в Казани в онлайн-формате прошел Международный научный круглый стол «Арабо-персидские и османские источники по истории Золотой Орды: проблемы изучения». Мероприятие было посвящено 195-летию со дня рождения Владимира Густавовича Тизенгаузена. Владимир Густавович, на протяжении долгих лет собирал рукописи письменных источников. Ценная коллекция малодоступных документов вошла в «Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из сочинений арабских» и была издана в 1884 году, благодаря личному содействию председателя Императорской Археологической комиссии С.Г. Строганова. В.Г. Тизенгаузен также собрал сведения из сочинений на персидском языке, но при жизни издать не смог. Этот том был опубликован уже позже, в 1941 году под редакцией А.А. Ромаскевича и С.Л. Волина. Несмотря на неоднократное переиздание трудов В.Г. Тизенгаузена, они до сих пор не теряют своей актуальности и остаются востребованными среди исследователей.

Организатором международного научного круглого стола выступил Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

С приветственным словом к участникам научного собрания обратился руководитель Центра, к.и.н. И.М. Миргалеев. Он подчеркнул важность изучения источников по средневековой тюрко-татарской истории и введении их в научный оборот. В этой связи Ильнур Мидхатович отметил проводимую Центром значительную источниковедческую работу. Изданы транскрипции и переводы таких значимых средневековых сочинений как «Зайл-и джами аттаварих-и Рашиди» Хафиза Абру, «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми, «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми, «Кара таварих» («Чингиз-намэ») Утемиша-хаджи, «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Продолжается издание многотомной антологии латинских сведений о татаро-монголах.

В работе Круглого стола выступили с докладами отечественные и зарубежные ученые-исследователи: старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва) – Д.М. Тимохин; профессор Исследовательского центра по исламской истории, искусству и культуре (ИРСИКА, г. Анкара, Турция) – А.К. Муминов; профессор Назарбаев Университета (г. Нур-Султан, Казахстан) – Юлай Шамильоглу; профессор Университета Мармара (г. Стамбул, Турция) – Ильяс Кемальоглу; научные сотрудники Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань): И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова, Т.Р. Галимов, И.Р. Гибадуллин, А.В. Аксанов; докторант Тегеранского государственного университета (г. Тегеран, Иран) – Радман Расули Мехрабани; преподаватель Московского Исламского колледжа (г. Москва) – Д.Р. Зайнуддинов; научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань) – Ч.И. Хамидова.

В представленных докладах были подняты темы о проблемах переиздания трудов В.Г. Тизегаузена, о перспективах изучения средневековых источников, о введении в научный оборот новых и неопубликованных письменных источников, об издании отдельного тома османских источников, выписки из которых сохранены в том числе и в архиве В.Г. Тизенгаузена, проблемы источников по истории русско-ордынских отношений. Отдельные выступления были посвящены особенностям описания военных действий Чингизхана в Средней Азии в сочинении «Тарих-и Алфи», сведениям восточных источников по истории Казанского ханства, представлению личности суфийского шейха Наджму ад-дин ал-Кубра в историческом своде аль-Йафии, информации о персидских литературных и мистических текстах на территории Золотой Орды, проблемам перевода «Семи планет в известиях о царях татарских».

По итогам обсуждения поднятых проблем и вопросов были определены основные направления дальнейшей работы с персидскими, арабскими, османскими (турецкими), древнерусскими источниками по истории Золотой Орды.

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079. E-mail: lusiia@mail.ru

*Поступила 27.11.2020 Принята к публикации 05.12.2020
Опубликована 29.12.2020*

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079. E-mail: lusiia@mail.ru

*Received November 27, 2020 Accepted for publication December 5, 2020
Published December 29, 2020*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2022 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2022)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Седло. Монголия, Китай, империя Юань XIV в. Дерево, лак,
сухожильный шнур, медный кант. Длина 46 см; ширина 35 см; высота 28 см.
Фонд Марджани, инв. номер ИМ/М-200. Великолепный образец продукции
шорно-сидельного ремесла империи Юань. Элементы росписи седла имеют
аналоги в находках этого периода и представляют первостепенное
семантическое значение для кочевого мира средних веков.
Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи:
каталог выставки. Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. С. 74–75.

On the cover: Saddle. Mongolia, China, Yuan Empire, fourteenth century. Wood, varnish,
sinew cord, copper edging. Length 46 cm, width 35 cm, height 28 cm. Marjani Foundation,
inventory number ИМ/М-200. An excellent example of Yuan Empire handicrafts.
The elements of the saddle painting have analogs in the finds of this period and are of
paramount semantic significance for the nomadic world of the Middle Ages.
The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons from the Chinggisid Empire:
Exhibition Catalog. Moscow: Marjani Foundation, 2019, pp. 74–75.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2020. Т. 8, № 4

GOLDEN HORDE REVIEW. 2020, vol. 8, no. 4

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 20.12.2020 г. Дата выхода в свет 29.12.2020 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 13,75 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:

<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>